

18+

ПАВЕЛ НАЗАРОВ

ЧЕРЕЗ ГОРЫ

ОТ КАШГАРА ДО КАШМИРА

Павел Степанович Назаров

Через Горы!

От Кашгара до Кашмира

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Переводчик Владимир Георгиевич Петров
Дизайнер обложки Евгений Владимирович Петров

© Павел Степанович Назаров, 2021
© Владимир Георгиевич Петров, перевод, 2021
© Евгений Владимирович Петров, дизайн обложки, 2021

В книге «Moved on! From Kashgar to Kashmir», названной в русском переводе «Через горы! От Кашгара до Кашмира», Павел Назаров завершает описание шестилетней Одиссеи на своем пути из Ташкента в Индию. В ней описываются события в Центральной Азии с начала 1920 года по декабрь 1924 года. Читатель найдет здесь много интересных фактов по истории, этнографии, ботанике, зоологии и геологии. Книга интересна и познавательна не только специалистам, но и любителям приключенческого жанра.

18+

ISBN 978-5-4490-3336-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление

Через Горы!

Предисловие

Часть I

ГЛАВА I. Кашгар

ГЛАВА II. Народ Кашгари

ГЛАВА III. Общественная жизнь Кашгара

ГЛАВА IV. Природа. Поездка в Марал Баши

ГЛАВА V. Дорога в Яркенд

Часть II

ГЛАВА VI. В Куэнь Лунь

ГЛАВА VII. Подъем на Каракорум

ГЛАВА VIII. Крыша мира

ГЛАВА IX. Среди вершин

ГЛАВА X. Прекрасная долина Нубры

ГЛАВА XI. Лех... и вниз по Инду

ГЛАВА XII. От Ламаюру к Драсу

ГЛАВА XIII. Конец пути

Заключение

Предисловие

Книга Павла Назарова «Через горы! От Кашгара до Кашмира» впервые издается на русском языке. Павел Степанович Назаров (1863—1942) — русский геолог, промышленник, исследователь природы Туркестана — в 1919 году возглавил антибольшевистский мятеж в Ташкенте и, преследуемый советскими властями, скрылся в горах, жил и работал под чужим именем в городе Пишпеке (Бишкеке). В конце концов, он вынужден был бежать в китайский город Кашгар.

Обо всем этом автор пишет в книге «Hunted Through Central Asia», названной в переводе «Бегство из Центральной Азии», изд.«Раритет», Бишкек, 2015 год.

В книге «Через горы! От Кашгара до Кашмира» Назаров продолжает описывать свои приключения во время длительного и опасного путешествия по Центральной Азии. Четыре года с 1920 по 1924 он находился в Кашгаре. Здесь, поддерживаемый членами небольшого Русского сообщества и Британским генеральным консулом, он продолжал свою деятельность исследователя природы и истории Китайского Туркестана. Он надеялся, что большевистская власть в России скоро падет, и он вернется в свой дом, к любимой семье и работе. Но его надежды не оправдались.

Китайские власти официально признают советское правительство в Москве, и большевистские дипломаты и агенты ЧК появляются в Кашгаре. Назаров понял, что надо уходить дальше. И он с небольшим караваном вьючных животных совершил полный опасностей переход через высокие перевалы Каракорума и Гималаев в Кашмир.

В Индию можно было пройти другим путем, более доступным и быстрым, но менее интересным, через Памир и Гилгит, которым пользовались британские военные и члены

колониальной администрации. Но страсть исследователя и желание повторить нелегкий путь Марко Поло и других первопроходцев заставили Назарова направить караван через высочайшую в мире горную страну. И на этом пути он проводит научные наблюдения и делает открытия. Представляется важной высказанная Назаровым мысль о восстановлении на картах Центральной Азии меридионального хребта Болор. В XX веке этот чрезвычайно четкий поперечный горный барьер был исключен из научной географии. Горная система Высокой Азии распалась на отдельные хребты, потеряв свою вселенскую значимость. Было бы справедливым, как пишет Назаров, восстановить меридиональный хребет и назвать его именем великого географа Александра Гумбольдта!

Более тридцати лет Назаров прожил в Центральной Азии. Он прекрасно знал языки и обычаи местного населения и изнутри показывает картины их жизни. Глазами опытного исследователя мы видим страну, ее животный и растительный мир, величественную природу Высокой Азии. Его свидетельства о событиях, которые происходили в начале XX века на территории Русского и Китайского Туркестана, представляют исключительный интерес.

Позже Назаров работал геологом во многих южноафриканских компаниях, преподавал в университетах Кейптауна, Претории, Блумфонтейна. Скончался Павел Степанович Назаров в Йоханнесбурге в 1942 году.

Первое издание книги Назарова «MOVED ON! From Kashgar to Kashmir» вышло в Лондоне на английском языке в 1935 году. Представляя русский перевод книги, мы надеемся, что она будет интересна не только любителям путешествий и приключений, но и окажется полезной для геологов, историков, зоологов и ботаников — всем, кто не равнодушен к природе и обитателям региона планеты под названием Центральная Азия.

При переводе все слова и выражения, написанные автором не на языке оригинала, выделены курсивом. Сохранены и обозначены курсивом авторские латинские определения флоры и фауны. Английские единицы измерений переведены в метрическую систему. Примечания написаны переводчиком, с сохранением примечаний автора.

*Владимир Петров,
переводчик*

Часть I

ЗЕМЛЯ ИСЧЕЗНУВШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ГЛАВА I. Кашгар

*Кашгар — Первое знакомство — Почему я оказался здесь —
Древний город и его окрестности, одежда и звуки —
Встречи с китайцами — Китайские дамы — Шествия —
Молитвы о дожде... и результаты — Предсказания —
Похороны*

В этом мире мало труднодоступных мест подобных Кашгарии. Этот регион, окруженный высочайшими горами и самыми страшными пустынями мира, находится в самом центре Азии на территории Китайского (Восточного) Туркестана. Здесь нет ни железных, ни автомобильных дорог, сюда не залетают самолеты и путешественник, желающий попасть в эту страну, не имеет иного выбора, кроме испытанного веками способа передвижения на лошадях или верблюдах.

Добравшись сюда, путешественник попадал как бы в давно минувшие дни средневековой жизни. Города были окружены древними крепостными стенами, ворота которых находились под охраной и запирались на ночь. В самом городе не было видно заводских труб, не слышалось рева машин или звука парового свистка. Повседневная жизнь местного населения казалась застывшей и неизменной на протяжении веков. Здесь не встречалось обычного рабочего или фабричного люда, но и не было официально безработных, хотя можно было видеть немало сидящих без дела людей, среди которых находились и полураздетые нищие, иногда восседающие на лошадях.

Эта необыкновенная земля, площадью в один миллион квадратных километров, не так уж мала, но на сегодняшний день только полтора ее процента пригодны для земледелия.

Современная европейская цивилизация не затронула эту изолированную страну, хранящую под песками, среди огромных и безводных пустынь, останки древней, высокоразвитой и своеобразной культуры с ее замечательными произведениями искусства и бесценными манускриптами, написанными на различных языках. В то далекое время, когда христианская цивилизация в Европе еще только зарождалась, Святой Иероним^[1] писал следующие строки: «В юности я видел в Галии, что аттикоты, народ британский, питаются человеческим мясом и, когда встречаются в лесах стада свиней, крупного и мелкого скота, они обыкновенно отрезают у пастухов задние части, а у женщин еще и груди, и считают это самой лакомой пищей». Эти слова свидетельствуют, что Запад тогда не ушел еще далеко от варварства, а здесь в Азии, на земле, где сейчас простираются безводные пустыни, люди уже создавали величественные произведения искусства, изучали древних философов Индии и Греции, хранили приверженность конфессии, наполненной высокими чувствами и гуманизмом учений Зороастра и Гаутамы Будды. Древняя история Кашгарии была тесно связана с Древней Персией, хотя и оторвана от нее большими расстояниями и высокими горными хребтами Памира.

Река Тюмен-Су в окрестностях Кашгара

Аттракцион с дрессированным козлом на Кашгарском базаре

Первым европейцем, достигшим этого загадочного и совершенно неизвестного для Европы края был Адольф Шлагинтвейт^[2], который прибыл в Кашгар из Индии

в 1857 году, пройдя через Кашмир, Гималаи, Каракорум и Куэнь Лунь. Он имел несчастье прибыть сюда, когда страна была «освобождена от китайского ига» мусульманскими татарами [3] во главе с Ходжа Вали-ханом. После длительных пыток ученый был обезглавлен на Конном Рынке и его голову установили на пирамиде из черепов других несчастных, которых постигла та же участь.

По иронии судьбы часто «либерализованные» люди обоснованно горько оплакивают свое «освобождение»! В долгой истории Кашгара такое случалось не раз. Я сам это видел собственными глазами, пережив два года в «освобожденной» России, а затем проведя четыре года в Китае рядом с людьми, которые были «освобождены» от императорского режима. [4]

Более повезло второму европейцу — англичанину, мистеру Р. Шоу, чайному плантатору и купцу, которому удалось проникнуть в Хотан в 1868 году. Два года спустя сюда прибыли Д. Форсайт, Г. Хендерсон, и А. Юм, последний позже опубликовал наиболее интересные научные сообщения об их путешествии из Лахора в Яркенд. В 1873—74 годах мистер Форсайт совершил важную и хорошо оснащенную экспедицию ко двору Якуб-бека — выходца из Российского Туркестана, который в то время был у власти в Кашгаре. Целью экспедиции было заключение торгового договора с этим авантюристом. В составе этой экспедиции находились еще трое ученых — геолог доктор Столичка, этнограф Г. Белью, натуралист Дж. Биддулф. Экспедиция открыла новый мир в самом сердце Азии и собрала очень ценный материал для изучения таинственной страны Алтын Шаар. Под таким названием была известна ранее недоступная для европейцев Кашгария. К сожалению, экспедиция понесла серьезную потерю в лице доктора Столичка, который был первым исследователем геологии этой страны. На обратном пути он не мог перенести разреженной

атмосферы высочайшего в мире плато Каракорума и умер от паралича сердца.

Примерно в это же время Кашгар открывали и с другой стороны. Первым русским, прибывшим сюда, был генерал Куропаткин, в то время капитан Генерального штаба.[\[5\]](#)

Шторм революции, пронесшийся над Россией, разбросал ее образованных людей по всем странам земного шара, в том числе и меня, оказавшемся в этой мрачной, пустынной, но очень интересной земле. Я имел очень хорошее представление о жизни в Кашгаре по отчетам путешественников. До революции сюда из Лондона можно было доехать в течение десяти дней до города Андижана, конечной станции Туркестанской железной дороги, и оттуда достичь Кашгара за двенадцать — четырнадцать дней верхом на лошадях. Но сегодня этот маршрут закрыт, и Кашгар стал более изолированным от цивилизованного мира. Теперь необходимо два месяца пути по Крыше Мира, чтобы добраться сюда из Индии, или шесть месяцев изнурительной поездки через пустыню Гоби из Пекина, с вероятностью быть ограбленным китайскими разбойниками, или еще хуже, быть захваченным продолжительной суровой зимой с ее страшными метелями. В этом случае путешествие вполне может длиться целый год.

Кашгар был исходным пунктом нескольких научных экспедиций по изучению таинственного региона в сердце Азии. Пржевальский, Козлов, Роборовский, Свен Гедин, сэр Аурель Стейн, доктор фон Лекок и другие известные путешественники побывали здесь.

Через эти же ворота, семьсот лет назад, Марко Поло въехал в почти сказочную страну *Катай*. Он был поражен чудесами, которые он здесь увидел. «Народ Кашгар, — писал он, — имеет удивительное общение с нечистой силой, поскольку они могут разговаривать со своими идолами. Они могут также своим

колдовством изменять погоду, превращать день в ночь и делать множество вещей, настолько необычных, что, не видя самому, трудно поверить в эти чудеса».

Такая земля, естественно, привлекала меня с ранних лет, и я хотел увидеть своими глазами ее необычную природу, малоизвестных животных, и все другие замечательные явления, принадлежащие этой области, окруженной непроходимыми пустынями и высочайшими горами. Отсюда открывался путь к исследованию Тибета и самой Индии.

Принято считать, что из этих неизвестных глубин Азии, как из вулкана, были выброшены потоки людей — бесчисленные орды, разрушающие цивилизацию Европы и опустошающие зажиточные и культурные земли старого западного мира. И в то же время нас учили со школьной скамьи тому, что и наши предки арии тоже вышли из глубин Азии. Здесь на севере Индии, зажатая высокими гребнями гор Гиндукуша, находилась древняя страна арийцев Ариаварта — прародина, так называемой, белой «Кавказской расы»[\[6\]](#) человечества.

И вот я сам стоял на пороге города Кашгара, не как путешественник или научный исследователь и даже не простой турист, а как бедняга — беженец, изгнанный из социалистического большевистского рая, потерявший свою отчизну, свою землю, свою семью, свой дом, свою собственность и оставшийся без гроша.

Здесь я нашел Русско-Азиатский банк, и, как старому клиенту, служащий филиала любезно предоставил номер в мое распоряжение. Здание находилось за пределами городских стен, недалеко от реки Тюмен, на берегах которой стоит этот древний город. Когда я рассчитался с киргизами, которые провели меня через все трудности и опасности путешествия, я остался вообще без денег, и мне пришлось срочно осмотреться, чтобы найти какую-нибудь работу, обеспечивающую мое существование.

Возможность остаться навсегда в Кашгаре и провести здесь остаток своей жизни никогда не приходила мне в голову. Найти работу по роду своей деятельности, казалось маловероятным, или даже невозможным, и потому мои мысли устремлялись на юг, где в ясные дни, вдаль можно было различить снежные вершины Куэнь Луня. За горными пустынями Каракорума и целым рядом гребней Гималаев лежал Кашмир, земля поэзии, романтический порог далекой Индии, где до сих пор находились цивилизованные мужчины и женщины, откуда были открыты широкие дороги в любые части земного шара.

Однажды вечером я вышел на берег реки. Он был заполнен людьми и животными. Мужчины купались и мыли лошадей. Группа ослов, каждый нагруженный парой специально приспособленных для перевозки воды бочек, спокойно ожидала, пока бочки одна за другой будут заполнены водой. По дороге, ведущей от ворот к реке, несколько человек ехали с вереницей изможденных лошадей, под вьючными седлами на их спинах.

— *Каурдан атлар келган?* (Откуда пришли эти лошади?), — спросил я.

— *Сринагардан* (Из Сринагара), — отвечали они с гордостью.

Мое сердце подпрыгнуло от радости. Это случилось первый раз, когда я услышал произнесенное вслух имя Сринагар — столицы Кашмира, которое до сих пор для меня было пустым географическим термином. Теперь я попал в радиус его влияния, глядя на лошадей, которые в этот день прибыли с тяжелым грузом из обильной земли Лаллы-Рук[7], за ледяными перевалами Гималаев и за безжизненными пустынями Каракорума, усыпанные костями погибших животных, которые были разбросаны вдоль пути, отмечая его для будущих путешественников.

Вся обширная равнина, на которой стоит город Кашгар и окружающие его поселения, не что иное, как пустыня, ибо

даже берега рек, которые протекают через нее, Тюмен, Кызыл-Су и Гез, мертвы и бесплодны. Только там, где люди вырыли каналы и организовано искусственное орошение, растут трава и деревья, поднимаются сады и виноградники. Резкая линия отделяет орошаемые посеы от пустыни. Там, где нет воды, растет только верблюжья колючка (*Alhagi camelorwn*) с корнями, глубоко уходящими вниз, и кусты каперсов (*Capparis spinosa*) раскидывающие по земле свои жесткие, темно-зеленые листья с приятными белыми цветами и стручками, которые расщепляются, обнажая свои малиновые внутренности. Почки каперсов используются в китайской гастрономии на всем пути до Шанхая и довольно странно, что местные жители их не собирают.

Британское Генеральное консульство в Кашгаре.
Вид с западной стороны

Окраина Кашгара

Местами берега каналов и временных потоков покрыты непреодолимыми зарослями колючек. Но в большей части долины, особенно на гравийной почве, вообще ничего не растет. И ничего в этом удивительного нет, так как в течение года количество осадков в Кашгаре редко превышает пяти сантиметров в год. Влага, приходящая от Атлантического океана, выпадает на высоких хребтах горной системы Памиро-Алая, которые как гигантский конденсатор осаждают дожди, мало что оставляя для равнины Кашгара.

Район очень напоминал мне Фергану, богатую провинцию в русском Туркестане. Природа, животные, растения, люди, строения — все было таким же. И после высокого перевала, соединяющего хребты Тянь-Шаня и Алая, Кашгарская равнина была ничем иным как продолжением Ферганской впадины, что подтверждается и ее геологическим строением. Этот перевал, достигающий высоты 4000 метров, является причиной того, что Восточный Туркестан имеет совершенно другую судьбу, чем Западный.

В средние века эта страна была известна как Уйгурия, в то время как русские называли ее Малой Бухарой.

Кашгар, как и другие города Восточного Туркестана, окружен высокими массивными стенами со сторожевыми башнями и тяжелыми воротами, которые придают ему средневековый вид. Во всем остальном он мало отличается от городов Российского Туркестана. Узкие улицы с однообразными домами в два или три этажа, построенными из сырцового кирпича, либо из глины и прутьев. Плоские крыши, сделанные из тростника, покрытого глиной. Стены домов иногда настолько тонкие, что вся постройка сотрясается до основания, когда человек с тяжелым грузом поднимается вверх. Не удивительно, если из-за сильного дождя, к счастью редко бывающего в регионе, все строения могут рухнуть до основания и похоронить своих несчастных обитателей. Такая форма архитектуры очевидно

существовала и в более старые времена, что выявлено раскопками сэра Аурела Стейна. Этим можно объяснить бесследное исчезновение с лица Земли целых городов в Центральной Азии. Только в строениях, погребенных под подвижными сухими песками пустыни, сохранились произведения искусства, такие как фрески, ткани и многие другие. Таким чудесным образом сохранились останки древних цивилизаций. Храмы и обширные здания были раскопаны в мощных отложениях лёсса, покрывающего берега высохших рек и склоны гор.

Европейский квартал Кашгара располагался за пределами городских стен. Старые российские дома, здания банков, английское и российское консульства и шведская миссия — все расположены в поясе садов и пахотных земель, которые на значительном расстоянии окружают город. Во время летней жары воздух внутри города становится невыносимым, многие жители уходят за его пределы и живут в своих садах и полях, в том числе и самые бедные, чья недвижимость не превышает и одного акра. Не стоит большого труда слепить хижину из глины, или поставить каркас из ветвей ивы и посадить тыквы вокруг него. Тыквы растут очень быстро и покрывают стены хижины тенью своих зеленых листьев с приятными белыми цветами, а осенью приносят крупные плоды, пригодные для хранения воды, молока, масла или другой жидкости, объемом до пяти литров.

Кашгарцы очень любят цветы и выращивают их везде, где только могут, иногда рядом со своими маленькими лавками, которые находятся прямо на дороге. Довольно часто можно увидеть нищего с розой, застрявшей в фуражке. Любимый цветок здесь — олеандр, выращенный в горшках. Китайские чиновники разводят лотос в специально подготовленных для этого небольших бассейнах. Очень много высокой красивой космеи (*Cosmia*) с крупными цветами различной окраски. Этот

цветок очень редко встречается в Европе, но в садах европейцев в Центральной Африке стал сорняком.

Внешний вид кашгарцев гораздо ярче и более разнообразен, чем азиатов в русском Туркестане. В Хиве, например, все люди, от самого хана и до низов одеты в одинаковые длинные плащи или *халаты* однообразного покроя и одного темно-красного цвета и в одинаковые высокие овчинные шапки. Только дома разрешено носить яркие и дорогие *халаты*. Туркмены одеваются так же. В Бухаре и Самарканде одежда представлена разнообразно и красочно. *Халаты* разных цветов и формы с яркими узорами, особенно на богатых мужчинах и чиновниках, шиты из дорогих шерстяных и шелковых тканей. Но так как Шариат запрещает своим верноподданным предаваться роскоши, дорогие *халаты* всегда покрыты самым дешевым ситцем, так что Пророк не имеет никаких оснований упрекать верующих в ношении действительно роскошной одежды.

Головной убор мужчин в Бухаре и Самарканде — *саллия* — белый тюрбан из тонкого индийского муслина, знак значимости или духовного сана. В прочих частях Туркестана только муллы носят тюрбан, другие надевают его только в торжественных случаях, как европеец шелковую шляпу. В Ташкенте и Фергане население одето более скромно и *халаты* всегда темного цвета. В Кашгаре *халаты* имеют яркие цвета, в то время как на голове носят либо небольшую сверкающую цветную шапочку — *тюбетей* или коническую войлочную шляпу — киргизский колпак.

Прекрасный пол в Кашгаре в течение веков известен своим легкомыслием и кокетством. Здесь вы редко увидите темно-зеленовато-серую *паранджу* — длинный плащ, покрывающий все части тела с головы до ног, что обязательно для всех женщин и девочек в русском Туркестане, или черный из лошадиного волоса *чимбет* — вуаль, которая полностью закрывает лицо.

Дамы Кашгара носят короткие яркие *халаты*, различных цветов из разного вида материала, включая шелк и бархат. На головах у них либо пестрые *тюбетей*, часто вышитые золотой нитью или конические бархатные шляпы с вышивкой шерстью. Их лица закрыты прозрачными вуалями разных цветов. Путешественника тотчас поражает степень эмансипации здешних женщин по сравнению с русским Туркестаном. Здесь не редкость увидеть женщину, продающую что-либо на базаре, что совершенно невозможно в пуританских Самарканде или Бухаре — центрах мусульманского обучения и преданности. Говорят, что уровень морали здесь стал строже за последние несколько десятилетий под влиянием мулл из русского Туркестана. Ранее дамы Кашгара даже не покрывали свои лица вовсе, и были более свободными, чем сегодня.

Для сохранения нравственности и святости семейного очага во время правления Якуб-бека (1865—1876) обнародовали закон, по которому каждому, посетившему страну без жены, давалось три дня, чтобы жениться или покинуть эти земли. Для удобства посетителей невесты каждое утро выставлялись на базаре продавщицами молока. И здесь не было недостатка в выборе. До настоящего времени, в городе Янги Гиссар, в сорока километрах к югу от Кашгара, часть базара отводится для таких невест. И никогда нет сложности в поиске муллы в ближайшей мечети, чтобы провести церемонию. Если такой брак заключается на определенный короткий период, после неизбежного *плова*, съеденного на свадебном пиру, мулла заранее читает и церемонию развода. Неопределенность относительно брачных обязательств вызвало значительный интерес и в Индии среди членов экспедиции Форсайта.

Сартские музыканты

В нашем саду, в тени высоких тополей, мы могли постоянно слышать крик коршунов, наслаждаться мелодичной трелью китайских гусей, монотонным воркованием голубей и песнями скворцов. Последние в свое характерное пение приносят различные подражания в виде крика ржанки, свиста кулика или трубных звуков иволги, которые они слышат всюду на водопое в болотистых источниках.

Сарты^[8] Кашгара более музыкальны, чем их сородичи в Российском Туркестане. Они легко подбирают любые европейские мелодии. В их простых уличных народных песнях мне не раз слышалась Марсельеза. Приятные песенки я слышал и во время обмолота кукурузы, работы с волами, ослами или лошадьми. Иногда доносились звуки совсем как из охотничьего рога. Таким образом, хозяин одной из примитивных мельниц информировал общественность, что его мельница свободна и можно привозить зерно.

По утрам и вечерам в окружающем воздухе звучали для верующих протяжные призывы муэдзина из мечети: «*Аллах бисмиллах! ир-рахман-ир-рахим!*» Этот призыв к молитве звучит особым образом, невыразимо печальными, скорбными, горестными и высокими тонами.

Таковы музыкальные звуки вокруг города. В самом городе слышится только шум базара, ржание лошадей и всюду проникающий рев ослов.

В летнее время, когда абрикосы уже созрели, а в работах на полях появляется перерыв, уроженцы окрестных деревень приходят в город, чтобы посетить могилу святого Абаха ходжи. Они почти все едут на ослах, и на несколько ночей изгоняется сон — все звуки тонут в своеобразном и постоянном реве. Здесь на ослах выполняются все работы: выпас скота, боронование, перевозка кукурузы, воды, кирпича, камня, дров и так далее. Часто вы можете встретить на дорогах огромные кучи соломы или хвороста, которые двигаются по направлению к вам — это

перемещается крошечный осел, полностью скрытый под своим грузом.

Существовал еще один таинственный шум, который озадачивал меня в течение долгого времени. Приятный, мелодичный, мягкий звук, что-то подобное Эоловой арфе, но громче. Звук исходил с ясного неба, словно от небесной свирели, постепенно затихая, в спокойном утреннем воздухе. Мне удалось проследить источник этих мелодичных и таинственных звуков только после того, как я прожил несколько месяцев в Кашгаре. Кашгарцы — большие любители голубей и разводят этих птиц в больших масштабах. Они привязывают маленькие свистки к хвостам самых сильных птиц. И когда они, взлетев высоко, потом быстро падают вниз, с неба раздаются звуки свирели.

Осень приходит в Кашгар незаметно, здесь это самое лучшее время года. Температура воздуха постепенно снижается, ночи становятся прохладными, виноград и сочные дыни в изобилии продаются на базаре, а над водоемами по вечерам появляются стаи диких уток. Небо становится ясным и голубым, воздух сухим и прозрачным, а величественные вершины Кунгура (7680 м) и зубчатый гребень Чакраджила (6720 м) видны далеко на западе, а утром далеко на юге можно увидеть туманный контур Куэнь Луня — Небесных Гор. Я ходил на охоту на различные озера, куда уже прилетали на зимовку стаи диких уток, но это были пока только местные виды. Они прибывали сюда с востока, от озера Марал Баши, где летом были лучшие места кормежки, а зимой вода замерзает, и утки летят в Кашгар, где встречаются с сородичами из районов Крайнего Севера. Сама охота не была особенно интересной, но я был рад возможности увидеть что-нибудь новое на кашгарской равнине. Природа здесь оставляет желать лучшего. Это всего лишь бледное отражение природных богатств Западного Туркестана с его обильным и разнообразным миром пернатых.

Человек бесконечным трудом сумел завоевать каждый кусочек засоленных почв этой пустыни и с помощью орошения сделал землю способной к плодородию. Никто не может ответить на вопрос когда и что впервые заставило человека появиться в этой непривлекательной долине с ее бесплодной почвой. Что заставило его создать великую систему каналов для орошения этой сухой и соленой земли, когда на севере, не слишком далеко за хребтами Тянь-Шаня, имелись роскошные травянистые степи с великолепной плодородной почвой, где не было необходимости в искусственном орошении и земли еще по-прежнему свободные и малонаселенные.

Кашгарской равнине очень не хватает воды и китайские власти всегда находятся в поисках новых источников для орошения пустыни и тем самым значительно обогащают себя.

Однажды по этому поводу ко мне пришел китайский чиновник и с таинственным видом начал разговор на довольно хорошем русском языке:

— Вы инженер. Можете ли вы сделать тоннель в горе?

— Это зависит от горы и от размера тоннеля, — ответил я.

— Гора не очень большая, но и не маленькая, — сказал он уклончиво.

— А что будет передвигаться по тоннелю? — спросил я.

— Ну, видите ли, — он понизил голос до шепота. — В горах есть место и там большое озеро, а за горами находится река, в которой очень мало воды. Если мы проведем тоннель через гору, мы пустим воду из озера в реку и сможем орошать огромные площади, которые сейчас просто бесполезны.

— Но откуда вы знаете, что вода из озера будет стекать в реку? Конечно, мы должны первым делом провести соответствующие наблюдения. Мы должны иметь данные уровня воды и определить ее количество, — объяснил я ему.

— Не могли бы вы сделать это? — спросил он.

— Конечно могу, — ответил я. — Но я должен иметь необходимые приборы для измерения расхода воды: нивелир, теодолит, и так далее. Есть ли они у Вас?

— Нет, у нас нет таких инструментов, — ответил он. — Но у нас есть очень хорошие *уста*, то есть ремесленники, которые могут сделать для вас любые инструменты, какие вы хотите, даже замок, или могут починить швейную машинку.

— Я боюсь, что ваши *уста* вряд ли смогут сделать съемочные инструменты, какие мне надо, — ответил я с улыбкой. — Вы должны послать за ними в Англию.

— Что они стоят?

— Около тысячи *сар*^[9], я думаю не меньше.

— Боже мой! — воскликнул он с удивлением. — Мы думали весь тоннель будет стоить столько!

И на этом закончился тот план орошения.

Китайские власти чрезвычайно щепетильны в расходах на общественные нужды и всегда стараются, чтобы население выполняло такие работы даром. Кроме того, в первую очередь, в сознании любого китайца стоит проблема, какую выгоду он может получить из намечаемого дела. Должности инженера или иного специалиста у них исполняют лучшие *уста* — мастеровые, плотники, столяры и так далее.

В восьмидесяти километрах к западу от Кашгара есть прииск отличной легко выплавляемой руды, из которой китайцы получают медь, используемую для чеканки монет. В Кашгаре имелся монетный двор и раньше они изготавливали здесь серебряные деньги из металла, поставляемого Русско-Азиатским банком, но теперь они ограничились медной монетой, но не достигли больших успехов в ее изготовлении. Медь получалась хрупкой и монеты после чеканки часто выходили с трещинами. Местные *уста* долго ломали головы над проблемой и «специалисты» чеканного дела получали

многочисленные порки за свои неудачи, но это не приносило никакой пользы и медь продолжала давать трещины.

Управляющим монетного двора был очаровательный и хорошо образованный китаец по имени Лу. Сам он говорил только на китайском и тюркском языках, но своим детям дал русское образование. И они, мальчик двенадцати лет и девочка пятнадцати лет, оба отлично говорили по-русски. Девушка легко читала русские книги и документы, была знакома с главными произведениями наших великих писателей, и я полагаю, что она была единственной китайской девочкой на всей огромной территории Синьцзяна, имевшей европейское образование. Однажды утром мне нанесли визит три китайских чиновника. В качестве переводчика они привели с собой маленького сына господина Лу. После обычных приветствий и добрых пожеланий мальчик приступил к делу и перевел:

— Господин Назаров. Вы умный и знающий человек, и мы пришли просить у вас ценные советы.

Этим формальным вступлением я был озадачен и растерянно думал, за какими советами пришла эта депутация. Но все оказалось не таким уж значительным. Они принесли мне образцы меди и несколько монет с трещинами и хотели узнать причину дефекта. Я осмотрел образцы и сразу понял, что беда была в связи с включением высокой доли примесей в металле. Очевидно, китайские *уста* не знали процесса рафинирования меди, и их печи не были приспособлены для такой цели.

— Ваша медь отличная, — сказал я, — но не достаточно чистая. Надо осмотреть ваши печи, а затем подумать, как решить проблему.

К моему удивлению, они выглядели очень смущенными, о чем-то бормотали между собой, а потом дали некоторые инструкции мальчику, который снова стал в позу и начал говорить:

— Наш монетный двор очень плохо построен. Там грязно и полно мусора, и мы просто не можем показать его в таком состоянии такому важному человеку, как Вы.

Я рассмеялся и объяснил, что все это не имеет значения, по крайней мере, я не буду вмешиваться вообще в состояние монетного двора и производства, но они были упрямы, и я понял, что была какая-то другая скрытая причина, из-за которой они не хотели показать мне свой метод работы. Я не стал настаивать. С многочисленными заверениями, заявлениями, извинениями и хорошими пожеланиями они ушли.

Три месяца спустя, то есть время, для них достаточное, чтобы получить ответ от генерал-губернатора провинции Синьцзян с разрешением, чтобы показать свой монетный двор иностранцу, я получил от господина Лу приглашение на ужин.

После хорошего ужина, с настоящей китайской кухней, который, как я узнал впоследствии, был специально приготовлен самой госпожой Лу, меня и еще одного гостя пригласили поехать и посмотреть монетный двор. Было совершенно ясно, что за эти три месяца они провели подготовку к приему «важного человека» и помещения были хорошо убраны.

Их способ очистки меди показал именно то, что я предполагал. Сам металл был хороший и чистый, но в процессе литья поступало большое количество кислорода из воздуха, и китайские ремесленники не знали совершенно простой операции по предотвращению окисления металла. Я объяснил в чем дело, и прямо предложил обучить их людей как рафинировать медь. Чиновник переполнил меня словами благодарности, и сказал, что он об этом хорошо подумает. Больше я никогда не слышал об этом ни слова. Очевидно, было решено, что все эти хлопоты не стоят расходов. Легко переносящему тяготы жизни населению Кашгара, несмотря

на их постоянную нужду в деньгах, пришлось смириться с плохо изготовленными монетами.

По случаю дети господина Лу посещали российские семьи. На Рождество и Пасху они сделали ряд визитов и им понравились наши российские яства, особенно наши куличи. У меня не было сомнений, что блестящая карьера ждет мальчика, но положение его сестры было действительно трагичным. Благодаря ее образованию, целый новый мир европейской жизни и культуры открывался для нее, но он был совершенно чуждым для ее семьи и ее окружения, неграмотного и погруженного в приметы, предрассудки и фантастические концепции о внешнем мире. В этом отдаленном уголке земного шара китайские женщины проводят жизнь в изоляции в соответствии с древними традициями. Молодая душа этой девушки была, так сказать, заражена сладким ядом европеизма. Брак с каким-нибудь грубым, невежественным китайцем и перспектива быть похороненной в уединенном гареме были бы ужасными для этой умной и культурной девушки. Господин Лу понимал тягу души своей дочери, и делал все возможное, чтобы перебраться со своей семьей в Пекин, но я не слышал, сумел ли он сделать.

По китайским обычаям дамы, то есть женщины чиновников и из хорошо обеспеченных семей, полностью изолированы от мужского общества и этикет строго запрещает им выходить замуж за иностранцев. По этой причине, когда китайские дамы наносят визиты в европейские семьи, принимаются особые меры предосторожности, чтобы они держались подальше от мужчин. В то же время я не раз имел возможность быть на чаепитиях российских и китайских женщин и не ощущал никаких сложностей от своего присутствия, хотя это и было каким-то нарушением местного этикета. Все дамы вели себя совершенно естественным образом, непринужденно смеясь и болтая и даже немного кокетничая.

Конечно, мое присутствие давало толчок к беседе, некоторые китаянки говорили достаточно хорошо по-тюркски, в то время как российские дамы не знали на нем ни слова, поэтому я выступал в качестве переводчика. Как правило, разговор на китайском постоянно поддерживался с помощью дочери Лу. Китайские дамы не скрывали, в отличие от мусульманок, своих сильно раскрашенных лиц и черных волос, украшенных искусственными цветами. Когда дамы выезжали в город, они были удивительно похожи на фарфоровые фигурки, которые часто можно было видеть, выглядывающими из *мана*. [\[10\]](#)

Высокий прием китайской госпожи
в Британском Генеральном консульстве

Кашгарские женщины в праздничных одеждах

Женский выходной костюм, как правило, шитый из черного шелка, состоял из куртки и брюк. Когда они приходят в дом и остаются там даже на короткое время, этикет требует хозяйке предложить дамам снять брюки, что они делают с удовольствием. Дамы остаются в длинных юбках, как мы привыкли видеть их на картинах из китайской жизни. Мужской костюм такой же по внешнему виду и часто бывает трудно отличить девушку от юноши, а старики — китайцы, с их безусыми лицами, выглядят просто как старухи.

Однажды, вскоре после моего прибытия в Кашгар, идя по улице, я увидел едущего навстречу всадника. Шея лошади была увешана колокольчиками, на седле, утопающем в коврах, сидела девушка, длинные черные волосы свисали по ее спине, ее щеки алели от румян. Проезжая мимо меня, она слегка поклонилась и с очаровательной и дружелюбной улыбкой поздоровалась со мной.

— Ого! — подумал я про себя. — Как легки и свободны китайские дамы, и какие общительные!

На лацканах ее черного шелкового жакета были какие-то китайские иероглифы, вышитые желтым шелком. Я спросил в соседнем магазине, кто эта странная молодая амазонка.

— Это офицер. Молодой маньчжурец, они до сих пор носят косички, — объяснили мне.

Иногда дороги за пределами городских стен оживлялись процессиями. Если *даоинь*, то есть губернатор, или *титай* — верховный главнокомандующий, отправляются с каким-нибудь визитом, раздается выстрел из пушки, информирующий население, что шествие началось, а затем еще другой залп дает предупреждение о прибытии вельможи. Это в обычном случае. Официальный же приезд сановника сопровождается свитой с отрядом войск. Впереди и позади движется пехота и кавалерия. Много знамен, стучат барабаны, пронзительно свистят трубы, режут фанфары. Лейтмотив китайской музыки

легко воспроизвести. Все, что вам нужно сделать, это взять большой медный поднос с трещиной и колотить в него. Этот потрясающий грохот является основой китайской музыки. Во время театральных представлений именно этот шум акцентирует каждую реплику, произнесенную героем.

Я видел одну великолепную процессию, сопровождающую старшую жену *титая* и мать коменданта кашгарской крепости. В ней принимало участие, по крайней мере, двести человек. Среди них были пешие и всадники, без оружия и вооруженные, знаменосцы и музыканты. Возглавлял процессию китаец в европейской одежде при шляпе котелком, сидящий на прекрасной лошади без седла. Знатная дама ехала из Кашгара в Янги-Гиссар на расстояние в восемь километров.

Очень интересные шествия проходили вокруг города, во время молений о дожде.

Опять под знаменами шли кавалерия и пехота. Священники, несли кадила и сверкающее бронзовое изображение под специальным балдахинном, рядом вели великолепную черную лошадь, любимого боевого коня *даоиня*, который сам лично не принимал участия в церемонии. Лошадь в этой религиозной процессии как бы представляла личность самого *даоиня*, который, конечно, никогда не слышал, что Калигула тоже отправлял своего любимого коня председательствовать на заседаниях Сената. Подобная идея здесь возникла самостоятельно.

Так как в самой кашгарской равнине не бывает достаточно дождей, то часто зимой, когда мало снега в горах и летом ожидается дефицит воды в реках, совершаются молитвы о дожде. Вся Кашгария является мусульманской страной и, как правило, молитвы проводятся муллами в мечетях. Люди посылают депутацию к *даоиню*, который дает поручения муллам, чтобы помолиться о дожде и снеге.

В особо важных случаях при молениях о дожде принимали участие и китайские духовные лица. Церемония сопровождается особым ритуалом с Небесным камнем — небольшим метеоритом, который упал в стране очень давно. К сожалению, муллы не согласились показать мне этот метеорит.

Однажды после сухой малоснежной зимы были исполнены просьбы молящихся. Но, видимо, муллы при исполнении ритуала перестарались. Черные тучи надолго нависли над горами и тропический ливень обрушился на город, разрушая стены и уничтожая дома. Очень много людей было раздавлено насмерть. Боясь дальнейших бедствий, народ в ужасе бросился к *даоиню* с жалобами на мулл.

Губернатор, всегда помня о нуждах своего возлюбленного народа, вызвал виновных и угрожал выпороть их, если дождь тотчас не прекратится. Такая мудрость со стороны энергичного губернатора была вознаграждена блестящим результатом. Молитвы мулл немедленно остановили чрезмерное выпадение осадков и предотвратили дальнейшую катастрофу.

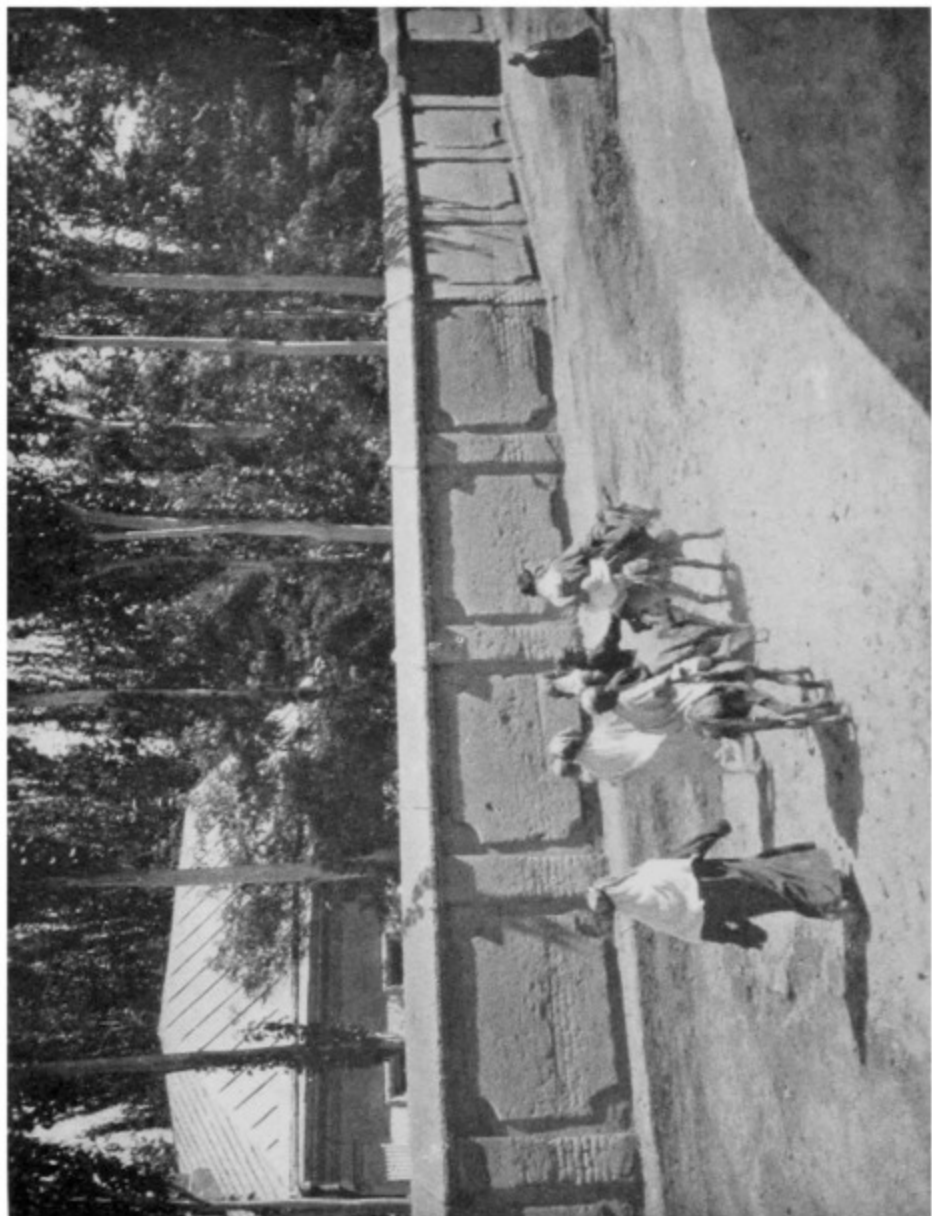
Это воздействие на дождь было, несомненно, одним из чудес, о которых свидетельствует Марко Поло. Здесь все еще сохраняется пережиток тех дней, когда Кашгар был землей некромантов и колдунов. Я сам видел прорицательницу, которая помогала населению Кашгара обнаружить преступников и найти украденное или потерянное имущество. Своими действиями она исполняла роль подобную дельфийским оракулам. Это была старенькая женщина очень обычной наружности. Во время процесса ясновидения, она сидела на низкой скамеечке над мангалом с горящими углями и высыпала на него семена гармалы. — очень важный ингредиент во всех колдовских церемониях Центральной Азии. Гармала (*Peganum harmala*) — очищает, предохраняет от дурного глаза и так далее. Дым от сжигания этих семян имеет

опьяняющий эффект и прорицательница впадает в транс, бормоча отдельные слова и фразы. Кашгарцы твердо верят в добродетельность колдуньи, услуги которой имеют большое преимущество в том, что они дешевы. Сеанс стоит всего два теньги или четыре пенса. Надо отдать ей должное и сказать честно, что однажды, когда коробка с серебром, стоимостью около шестидесяти фунтов, при очень загадочных обстоятельствах исчезла из Русско-Азиатского банка и, когда поиски ее не обнаружили, кто-то в шутку предложил воспользоваться услугами старой прорицательницы. Так и сделали, и, действуя по ее указаниям, начали копать во дворе банка и сразу нашли пропавшее серебро.

Иногда громкая, трескучая, но в тоже время грустная и печальная музыка сообщала миру, что происходят похороны богатого китайца. Траурные шествия сопровождалось бумажными моделями всего имущества умершего — его дома, мебели и прочего скарба. Все это сжигалось на похоронах и, таким образом, как бы сопровождало души усопших в потусторонний мир. Очевидно, что это пережиток того времени, когда недвижимость человека хоронилась вместе с ним, в том числе и его жены, слуги, любимые животные, как это делалось древними скифами и жителями древнего царства Ура в Месопотамии. Как показали недавние раскопки, а также, в соответствии с описаниями арабского географа Ибн Батуа, подобное имело место и среди предков русских. На похоронах сверкают фейерверки, рвутся хлопушки, зажигают травы и свечи. Это делается, чтобы отогнать злых духов, вера в которые не покидает китайца всю его жизнь. Вот почему он строит свой дом, особенно его спальную часть, с различными перегородками и извилистыми коридорами, что предохраняет его от встречи наяву с кошмарами из своих сновидений. Злой дух всегда может пролететь через открытую дверь и нанести какой-нибудь вред людям во дворе. Но, к счастью, китайцы

об этом прекрасно знают, и на небольшом расстоянии от ворот в китайский двор всегда возводится параллельно с воротами стена.

Злые духи могут летать только по прямой линии, не совершая каких-либо поворотов, и, следовательно, когда они врезаются в защитную стенку, то отлетают назад, либо поднимаются высоко в воздух и пролетают над домом, не сделав ему никаких повреждений. Эти защитные стены особенно эффективны, если на них изображены драконы или тигры, которые своим страшным видом отпугивают духов.

Русско-Азиатский банк в Кашгаре

Группа китайских должностных лиц в Кашгаре

Китайские гробы оригинального дизайна, в стиле близком рококо. Китайские купцы, когда вы покупаете что-либо в его магазине, иногда с гордостью могут показать вам массивный

и богато украшенный гроб, подвешенный к потолку или стоящий где-то в задней комнате. Многие из них рассчитывают на отдых только в «Общем саде всех провинций», как гласит надпись над воротами китайского кладбища, в уверенности, что они после смерти будут отправлены на отдых в настоящий Китай — на землю своих отцов. Большинство китайцев считают нахождение в далекой мусульманской Кашгарии всего лишь временной короткой ссылкой.

Одной из особенностей Кашгара является то, что он окружен кладбищами — современными, старыми и древними. От последних на поверхности не осталось никаких признаков кроме земли, рассеянной на полях и дающей плоды истинно верующим. Наличие полусгнивших, разложенных костей не беспокоит сартов вообще. Какое значение могут иметь кости древних грешников, большинство из которых, вероятно, были *кафирами*? На противоположной стороне реки, на месте старого города, в настоящее время смытого эрозией, над могилой буддийского святого стоит мавзолей в виде пирамиды из необожженных кирпичей, переживший время памятник прежних домусульманских дней. Когда я ходил в российское консульство из дома, где я жил, мне приходилось проходить через кладбища — два мусульманских и одно китайское. И, возвращаясь домой, иногда довольно поздно, я никогда не испытывал ни малейшего ощущения волнения или страха. Тем не менее, я признаюсь, не решился бы пойти на ночную прогулку по христианскому кладбищу — так сильны чувства, привитые в нас с детства.

Однажды поздней темной ночью, я, возвращаясь домой через мусульманское кладбище, увидел в дальнем углу странный, слабый свет, который как бы выходил из-под земли.

Я пошел к нему, и, приблизившись, услышал низкий, сдержанный ропот. Подойдя совсем близко, я увидел в крошечной палатке за могилой муллу, сидевшего на корточках

и в тусклом свете свечи читающего Коран над могилой конюха консульства Великобритании, который умер этим утром, и, по мусульманскому обычаю, был похоронен в этот же день. Местные кладбища, печальные и тоскливые окрестности, безжизненная река среди голых песчаных берегов, скудная дикая жизнь представляли собой лишь слабую тень от богатой Ферганы и часто вызывали во мне чувство депрессии и печали. Мои мысли обращались на север, где за заснеженными вершинами Тянь-Шаня осталось много дорогого для меня, оставлено дело всей моей жизни, все осталось навсегда в прошлом, куда уже не вернуться. Мое нынешнее положение было грустным, а мое будущее тусклым и неопределенным, без надежды на счастье или благополучие.

ГЛАВА II. Народ Кашгарии

Народ Кашгарии — Сарты — Китайцы — Городская жизнь — Жестокость китайцев — Древности — Почему исчезла древняя цивилизация? — Ранняя история — Новая история — Якуб-бек — Брат убивает брата

До большевистской революции и отказа Советов от всех экстерриториальных привилегий, которыми российские субъекты ранее пользовались в Китае, Кашгар был экономически ничем другим, как частью Российского Туркестана. Влияние России было чрезвычайно велико, и самой крупной персоной на месте был по сути не Китайский губернатор, а Имперский Русский консул.

Отделенная от остального Китая обширными пустынями, а от Индии почти непроходимыми горами, Кашгария тяготела естественно к Туркестану, куда дорога была не очень трудной, и существующее железнодорожное сообщение открывало

легкий путь на запад, в результате этого сокращалось путешествие и в сам Пекин. Кроме того, население этих двух провинций было очень близким по расе, религии и языку. Кашгар был наводнен дешевыми российскими товарами, особенно ценились недорогие хлопчатобумажные ткани. Денежное обращение практически происходило исключительно русскими бумажными рублями, которые иногда возглавляли валютный премиум-класс. Любопытно, что в течение первых нескольких месяцев после вступления России в Великую войну, [\[11\]](#) меновая стоимость рубля не упала, а даже выросла, и только в конце 1914 года началось его падение.

По договору российские товары не облагались пошлиной, и российские подданные были освобождены от налогообложения, а также от местной юрисдикции. Местные жители стремились получить российское гражданство всеми правдами и неправдами. Торговля с Россией приносила значительные прибыли купцам, кроме того, Фергана получала существенные доходы за счет летней миграции десятков тысяч работников из бедной части населения. Возможность же появления в Кашгаре в течение четырех или пяти дней казачьего полка с горной артиллерией, не говоря уже о постоянном присутствии кавалерийского караула у Консульства, численностью в сто человек с пулеметами, достаточно хорошо влияли на поведение китайских властей и заставляли их принимать безропотно «советы» русского консула.

Во время китайской революции в Кашгарии вспыхнули беспорядки и убийства. Российский консул вызвал батальон пехоты и полк казаков из Ташкента для защиты русских подданных. Китайские революционные власти в Кашгаре направили в Консульство представителей с протестом против введения Российских войск на дружественную территорию Китая. Консул, молча выслушав их пространные рассуждения,

встал, ударил кулаком по столу и резко послал ко всем чертям. Члены делегации поспешно удалились. Позже огромная толпа вместе с солдатами вышла на улицу города встречать прибывающие российские войска. Офицерам был дан официальный банкет, а нижние чины получили многочисленные подарки. Такое быстрое изменение в отношениях к подписанным соглашениям является характеристикой китайского народа и дипломатов.

Когда Китай имел сильного северного соседа, никому там не приходила в голову даже мысль потребовать, чтобы европейцы подчинялись их юрисдикции или шли на уступки китайской стороне.

Кладбище жертв революции 1861г.
Вид на горы Бостан-Терек с крыши Генерального консульства

Распад Российской империи и появление Советского правительства имели тяжелые последствия среди кашгарского населения. Торговля прекратилась, прибыль исчезла, граница закрылась. Выходцы из Кашгара, пребывавшие на российской территории, потеряли свою собственность, сотни, как «эксплуататоры и враги народа», лишились и своих голов. Довольно часто я слышал молитву: «Верни, О Аллах, Белого царя в Россию и все будет хорошо». И это пели китайские республиканцы!

Кашгарцы ко мне лично относились с большой добротой. Всякий раз, когда у меня была возможность купить что-нибудь в магазине, они часто старались продать мне вещи по самой низкой цене, а иногда даже отказывались вообще принимать плату. Требовалось много усилий с моей стороны, чтобы убедить местного парикмахера принять деньги за то, что он подстриг мне голову и сбрил длинную бороду, которая, когда я впервые прибыл в Кашгар, придавала мне такой дикий и неотесанный вид.

Советские власти Автономной Социалистической Республики Туркестан, [\[12\]](#) превратившие в течение трех лет в руины свою богатую и процветающую страну, смотрели завистливыми глазами на Кашгар, где по-прежнему было много зерна, крупного рогатого скота и овец, где можно было купить сапоги и хорошие местного производства ткани и даже индийские или британские товары. Конечно, они не были озабочены о голодном нищем населении, но требования бойцов Красной Армии и рабочих, у которых отсутствовали даже предметы первой необходимости, вынуждали их проявлять усилия для открытия торговых отношений с Кашгаром, границы которого были закрыты по распоряжению *даоиня*. Хитрые китайцы отлично понимали, какую опасность представляют для их страны агенты мировой революции.

Дуду — генерал-губернатор провинции Синцзян, однако, занимал другую позицию. Он проживал в Урумчи, далеко от Кашгара. Некоторые тайные сделки с большевиками побудили его поменять взгляд на открытие границы и возобновление торговли с советскими властями. *Даоинь* по приказу дуду в пограничном пункте Иркештам провел переговоры с делегатами Советов.

Предусмотрительный *даоинь* взял с собой большую группу добропорядочных граждан Кашгара, в основном мужчин — ремесленников, чье имущество было «национализировано» Советами или чьи родственники были убиты большевиками в Русском Туркестане.

Советские делегаты, из которых три четверти были евреями, уже рисовали в своем уме радужные картины очень прибыльного бизнеса, и представляли возвращение домой с огромным караваном различных товаров, спешили узнать, как скоро и при каких условиях будет возобновлена торговля.

— Прежде чем говорить о решении вопроса, — сказал *даоинь*, — я должен объяснить вам, что форма правления здесь в Китае республиканская, и, следовательно, все важные вопросы решаются выборными представителями народа. Я сам не имею права принимать решения. Согласно нашей конституции, я просто председательствующий на собрании, где все вопросы решаются большинством голосов.

— Передайте ваши вопросы этим господам, — продолжил он, указывая на своих помощников, которые были хорошо подготовленные, одетые в самые лучшие *халаты*, и с достоинством стояли в стороне в ожидании указаний. Они единогласно заявили, что готовы возобновить торговые отношения с Советской Республикой, но в первую очередь необходимо погасить задолженности по счетам и оплатить в полном объеме все требования за ущерб, нанесенный гражданам Кашгара и возместить все потери имущества

и товаров, а также произвести компенсацию семьям китайских граждан, убитых большевиками. Только по завершению в полном объеме этих выплат в золоте или китайской серебряной валюте будет обсуждаться вопрос о возобновлении торговых связей.

Большевики были разочарованы. Все их яркие надежды привести домой много различных товаров, таких необходимых и долгожданных, рухнули с небес на землю.

— Прислушайтесь к ним, — сказал *даоинь*. — Прислушайтесь к голосам представителей нашего народа. Вы знаете, у нас демократическая страна, и я не могу ничего сделать против решения народа.

Советские представители «самой свободной страны в мире» не могли оспаривать эти убедительные аргументы, основанные на известных марксистских принципах. После небольшого совещания между собой, советские делегаты попросили *даоиня* хотя бы предоставить продовольствие и фураж в голодающий гарнизон Иркештама.

— С удовольствием, конечно, буду счастлив сделать это, — ответил *даоинь* успокаивающе. — Пожалуйста, дайте мне полный перечень ваших потребностей.

В восторге большевики быстро составили длинный список провизии и фуража, не забыв включить ботинки и теплую одежду для оборванного гарнизона.

— И когда мы можем рассчитывать на получение этих вещей? — спросили они с нетерпением, надеясь получить и для себя и своих товарищей хорошее питание и теплую одежду

— Я не могу сказать вам об этом точно, — ответил китаец спокойно, — но не будет никаких задержек, как только я получу разрешение от центрального правительства. Я пошлю завтра ваше ходатайство со специальным курьером в Пекин.

Это означало, что делегаты и красный гарнизон могут ожидать получение необходимых продуктов и одежды семь или

восемь месяцев, при условии, что правительство Пекина даст согласие!

Большевики, не дождались обещанного, и эвакуировали форт Иркештам, оставив там только охранника.

Даоинь потом мне с улыбкой рассказывал как были недовольны советские делегаты результатами переговоров. Он спросил их, знают ли они инженера Назарова, который живет в Кашгаре и почему он бежал из Ташкента?

— Мы не знаем, — отвечали они, немного путаясь. — Мы пытались убедить его не уходить, но он не прислушался к нам и убежал. Мы совсем не препятствовали ему.

В эту зиму в Семиречье произошло восстание против большевиков. Оно было подавлено, как обычно, безжалостно и жестоко. Повстанцы были рассеяны или убиты. Группа беженцев, состоящая из семидесяти восьми хорошо вооруженных мужчин вместе с женщинами и детьми, перешла на китайскую территорию и просила у *даоиня* убежища в Кашгаре. Если бы они немного лучше знали китайцев, то просто бы приехали туда без особого разрешения. К сожалению, все еще сохраняя некоторую веру в международное право и цивилизацию китайских властей, они по требованию китайских пограничников, состоящих из десяти киргизов, сложили оружие и спокойно ожидали разрешения на переход.

В разрешении на въезд в Кашгар им было отказано на том основании, что Китай является нейтральной страной и, следовательно, не в состоянии действовать в пользу одной из сторон, претендующих на власть в России. *Даоинь*, однако, послал им немного еды и корма для лошадей. И вся группа была отправлена в район Ак-Су, как будто с целью урегулирования там их вопроса. По приказу Аксуйского *даоиня* они были уведены очень искусно и незаметно обратно на русскую территорию, где были встречены отрядом большевиков, которые уничтожили их всех без исключения — мужчин,

женщин и детей. Кашгарский *даоинь*, умный и образованный китаец, рассказывая об этом, сказал, что большевики только внешне напоминают людей, но у них сердца как у диких зверей.

Европейцу трудно или почти невозможно понять, как работает сердце и ум китаец. Часто можно услышать выражение, что у китайцев вообще нет нервов. Это действительно так. Они способны на величайшие жестокости и изобретения самых изуверских пыток, на которые они смотрят довольно равнодушно. Один китайский чиновник, мой хороший знакомый, получивший отличное образование в России, хладнокровно наказал своего повара. За небольшую провинность он ему нанес полторы тысячи ударов. Смеясь, он говорил мне, что после порки у этого сарта кулинарное мастерство улучшилось безмерно. И в тоже время сам он был не злой и довольно милый человек.

Китайцы любят животных, как диких так и домашних, они хорошо к ним относятся, заботятся о них и не жалеют денег на их кормление. В этом отношении они сильно отличаются от сартов, которые считают деньги, потраченные на кормление животных, потерянными впустую. Лошади и мулы, принадлежащие китайцам, имеют сытый и ухоженный вид, но бедные животные, которые принадлежат сартам, всегда со впалыми боками и выступающими ребрами.

Китайцы обучают лошадей двигаться без поводьев и по команде. Приказы — вправо, влево, стоп, вперед, назад, медленнее, быстрее и так далее — передаются особыми односложными звуками специального китайского языка для лошадей. В их тележках — *мана* лошади, запряженные в тандеме с лидером, часто связаны только одним поводом, который является совершенно бесполезным для управления. Но они объезжают все изгибы и углы, делая сложные маневры на рыси по узким улицам города, переполненного людьми, полностью по голосовым командам. Ездок только держит в руках пару

бичей — длинный и короткий. Дунгане, то есть, китайские мусульмане, которые живут в Семиречье, таким же образом управляют даже *тройками*, что приводит в изумление русских крестьян.

Китайские купцы славятся своей порядочностью и честностью в финансовых операциях. У сартов, однако, все наоборот. Кража для них самая распространенная в мире вещь. Они крадут безо всякого стыда друг у друга, взламывая ночью в домах и магазинах тонкие, кое-как построенные стены. Жена татарина, приехавшего сюда из Ташкента, жаловалась даже на своих знакомых из зажиточного торгового класса. Когда они приходили к ней в гости, то уходя, забирали с собой, пряча в одежде, ложки и другие предметы домашней утвари, но больше всего уносили тарелок и блюдец. Ценности и ювелирные изделия перед приходом гостей, конечно же, тщательно прятались и надежно запирались. Если кража была замечена вовремя, хозяева бесцеремонно обыскивали всех гостей и, когда виновные в пропаже находились, все смеялись и инцидент рассматривался как обычная шутка.

В Китае очень жестоко наказывают за кражу. Воров порют и, по крайней мере, в той части Китая, где я был, они обязаны носить *канг* — колоду, большой и тяжелый деревянный щит с отверстием для головы, которая, таким образом, отделена от туловища так, что несчастный человек не может достать рта своими руками. День и ночь бедняга сидит с колодой на шее, не в состоянии без посторонней помощи съесть или выпить, или прогнать тучи мух, которые жужжат вокруг, мучая его.

Иногда в борьбе с ворами применяются еще более изощренные методы. Преступников режут на части и куски вывешиваются на городских воротах с надписями на китайском и сартском языках, предупреждая всех, какая судьба ожидает их за воровство. Эти жестокие меры, однако, не дают или почти не дают никаких результатов в пресечении краж, и те

происходят даже в собственном доме *даоиня*. В единственной прачечной Кашгара, хозяином которой был сарт по имени Абду Кадыр, обслуживающий всех европейских колонистов города, было три кражи. В первую кражу вора застрелили из охотничьего ружья, за что хозяин получил денежное вознаграждение от местного комиссара полиции в двадцать *сар*, то есть около трех фунтов стерлингов. Во вторую кражу вор был только ранен, но, когда русский врач вылечил его, преступник получил пятьсот ударов и был прикован на год к столбу. В третий раз этот же вор рано утром пробрался через окно, и вылез назад с бельем, приготовленным к отправке, прихватив еще много других вещей на глазах Абду Кадыра и его жены. На следующий день пойманный вор под пытками признался во всем, получил две тысячи ударов и был посажен в тюрьму. Оказывается на его теле не заросли еще раны от предыдущей порки. Такие закоренелые воры выходят из отбросов населения, *кумарбаши*, бродяг, потерявших все, сартских и китайских маргиналов и им подобных.

Еще одна интересная черта сартов в их отношении к личной гигиене. Пренебрегая предписаниям Шариата об омовении, или выполняя его чисто формально песком или пылью, выходцы из Кашгара редко моются. Единственные из известных мне людей, которые ведут себя в этом отношении хуже, это тибетцы. Образованный мусульманин, совершивший паломничество в Мекку, рассказывал мне, что грязнее всех среди паломников были уроженцы Кашгара, а самыми чистыми выходцы Явы. Однажды я говорил с русским врачом, занятым удалением личинок из уха довольно симпатичной молодой женщины, которая страдала от этого заболевания, и врач сказал мне, что такие случаи широко распространены здесь в летнее время — кашгарцы сильно страдают от кожных заболеваний и паразитов. Эта женщина обратилась к врачу, потому что была сравнительно образованной и из хорошей семьи: она была

сестрой выше упомянутого хозяина прачечной, а ее брат был слугой в русском доме, так что вся семья были знакома с европейскими правилами гигиены.

Что касается образования и культуры, то кашгарцы находятся гораздо ниже своих братьев из Ферганы — андижанцев, как они их называют. У них особый акцент, произношение, с проглатыванием окончаний слов, и сохранение архаичных форм джагатайского языка, сразу выдают представителей Кашгара среди более образованных сартов Российского Туркестана. Их простота, невежество и грубые манеры делают их мишенью для шуток на базарах Ферганы и Ташкента. Однако, о себе они имеют очень высокое мнение. Даже самые нищие, которые совершенно невежественны и неграмотны, и простые *мардикеры* — чернорабочие настаивают на добавление почетного звания *ахун* [\[13\]](#) *мусульманский богослов, ученый мулла*. в конце их имен. Что означает *ахун* понятно по именам Омар ахуна, Ибрагим ахуна и других почитателей Корана.

Один довольно образованный кашгарский сарт, изготавливающий простым способом перегонки очень хороший и чистый спирт из *кишмиша* — сушеного винограда, вполне серьезно говорил мне, что порох был изобретен философом Афлатуном, так он называл Платона, которого почитал с большим уважением, как истинно верующего мусульманина.

— Вы знаете, его книгу изучают в *медресе* в Бухаре, — добавил он в свое доказательство.

Довольно странно, но жители Кашгара, мало обращают свои мысли в сторону Бухары. Их симпатии и духовные взгляды направлены скорее к Турции, которую они рассматривают как идеал мусульманской страны по праведности, образованию и военной мощи, в блаженном неведении о реформах Гази [\[14\]](#) и не желающие верить тому, что они о них слышат.

Физически тип оседлого городского населения в этой части Восточного Туркестана больше похож на арийский, чем на туранский. У них темные, а иногда даже светлые волосы, большие круглые глаза и носы правильной формы.

Хотя китайцы управляют страной с небольшими перерывами почти с первых веков христианской эры, их влияние едва заметно в физическом типе населения. В средние века вся эта область была известна как Уйгурия и уйгурский тип, несомненно, представляет здесь арийскую смесь с туранской или турецко-татарской кровью. В бурной истории уйгурского народа его кровь была смешана и с турками и с монголами. Но основное ядро населения, явно арийского происхождения, из Персии.

Река Тюмен-Су в окрестностях Кашгара

Таджики, населяющие долины Памира, Сарыкол и Бадахшан, являются связующим звеном между древними уйгурами и персами. Среди памирских таджиков имеются потомки исмаилитов приверженцев «Горного Старца», с которыми крестоносцы, называя их «ассасинами», сталкивались в Персии, Сирии и даже Египете, откуда они уже давно полностью исчезли. Сегодня памирские таджики — тихий и спокойный народ, что вообще-то следует признать странным, так как их духовный лидер — политик и миллионер Ага Хан является прямым потомком главы исмаилитов, эмигрировавших из Персии в Индию.

В ранней истории Персии мы видим следы распространения персов и персидского влияния в регионы Кашгара, Хотана и в бассейн Лоб Нора. Очевидно, это движение происходило в большей степени через Памир, по тому же маршруту, которым последовал Марко Поло в тринадцатом веке. Северный маршрут через Семиречье был в те дни очевидно опасен из-за наличия тюрков-кочевников, то есть, скифов, саков или киргизов. В Кашгаре сегодня влияние персидской крови можно увидеть в маленьких, пухлых фигурках женщин, в их больших, круглых, темно-карих глазах.

Туранские племена хун юй были известны в китайской мифологии за двадцать три столетия до нашей эры. Позже название народа сменилось на хан юн и, наконец, во время правления династии Цин, они стали хунны. Этот народ сыграл большую роль в истории. Хунны покорили Китай, Восточный и Западный Туркестан, Бухару и Туркмению. В конце первого века нашей эры они пошли на запад и легко взяли обширный прикаспийский регион. Это был переломный момент в истории человечества — началом движения варварских орд в средневековую Европу. Калмыки или джунгары — монголоидные тюрки, считают любимым лакомством кусок нежного мяса, предварительно положенный под седло лошади,

где он, пропитываясь потом животного, становится почти готовым к употреблению. Историки описывают какое отвращение чувствовали европейцы от такого способа приготовления стейка, который был обычным в армии Аттилы. Прототип этого блюда — *Bifteck a la Tartare* и сегодня подается в лондонских ресторанах. До сих пор потомки гуннов живут в Европе.

Не надо думать, что пыльные равнины Кашгарии всегда были ареной дикости, жестокости и кровопролития. Ее далекое прошлое полно поэзии, искусства и высокой культуры, местом встречи цивилизаций Индии, Китая, Персии и Греции. В те дни ее пустыни были полны жизни, процветающих городов и роскошных садов. К сожалению, это могучее прошлое похоронено в мистической пелене туманной истории.

Нет ни письменных летописей, ни исторических данных для оценки древней истории этой интересной земли. Так же, как геологи создают картину исторического прошлого по остаткам давно исчезнувших организмов и по слоям, в которых их находят, так и историки должны восстановить прошлое по раскопкам среди пустынь руин исчезнувших цивилизаций, по фрагментам древних рукописей на забытых языках, по старым традициям и народным преданиям.

В двадцати километрах от Кашгара, в пустынной долине Артуш у источника называемого Уч Мирван — Три Окна, мы встретили следы жизни, ранее неизвестной и совершенно отличной от сегодняшней. Здесь на правом берегу реки, прямо в середине высокого отвесного лёссового утеса видны три зияющие прямоугольные отверстия, окна или двери, ведущие внутрь холма. К сожалению, наше любопытство исследователей не было удовлетворено, так как ни сверху, ни снизу не было доступа в эти загадочные входы. Внизу были видны остатки крутой лестницы, что когда-то туда вела. Время или люди разрушили этот доступ внутрь пещер. Было бесполезно

расспрашивать местных. Скорее бы одни ответили, что ничего не знают, кто-нибудь сказал бы, что это обитель джиннов, другие, что это Бурхан — храм идолопоклонников, но хорошо информированные посчитают все это легендой. Только когда солнце спускается к горизонту и его лучи падают прямо в эти отверстия можно получить какое-то представление о внутреннем интерьере вырубленных в лёссе помещений. Можно увидеть стены, украшенные неизвестными мастерами фресками, напоминающими византийские иконы.

Прошли столетия с тех пор как здесь появились предки современных уйгуров и они были одинаково терпимы ко всем конфессиям древнего мира. У сегодняшних кашгарцев не сохранилась память о своем собственном прошлом. Они не имеют никакой истории. Ислам ввел их в летаргию, законсервировал их развитие. И не следует осуждать их за отсутствие интереса дальше мелочных бытовых забот. Сегодняшний уйгуро-сарт не трогает и не уничтожает памятники далекого прошлого, и это важно, потому как невежественное любопытство более опасно, чем простое безразличие.

Есть интересные и прекрасно сохранившиеся фрески среди руин города Куча, где были обнаружены какие-то старые рукописи, написанные на санскрите. Они были намеренно испорчены туземцами, почернели от дыма пожаров, зажженных специально для этой цели. И объяснение этому заключается в следующем. Под влиянием европейских научных исследователей, у китайских чиновников появился интерес к античным редкостям и они стали посещать руины, чтобы увидеть на месте памятники древнего искусства. Согласно китайскому этикету, чиновники путешествуют с многочисленной свитой и охраной. Такие группы важных туристов сопровождалась массой служащих, солдат, придворных, лошадей, мулов, и так далее. Обеспечение всей

этой толпы, в соответствии с китайским обычаем, ложилось на население. Кроме того, мелкие местные властители — *беки* никогда не упускали возможностей возложить специальную подать на население, с целью развлечь таких важных гостей. Доведенные до отчаяния от подобных одиозных экспедиций туземцы решили избавиться от источника своих бед и приступили к уничтожению драгоценных останков древнего искусства.

Руины древних городов встречаются в районе Марал Баши, в песчаной пустыне Такла-Макан, и недалеко от города Турфана, где были найдены старые уйгурские рукописи, возраста с седьмого по тринадцатый века нашей эры. Много китайских рукописей было обнаружено в районе озера Лоб Нор. Но самые интересные руины все же в Хотане, где найдены целые библиотеки на нескольких языках: кхароштхи, брахми, тибетском, китайском и иврите, последний пришел от евреев Персии. Интересно, что некоторые из старых рукописей, обнаруженные Аурелем Стейном, начиная со второго века нашей эры, были написаны на бумаге — важное свидетельство о древности изобретения материала, такого обычного для нашей современной цивилизации. До настоящего времени Хотан славится прочной, первоклассной бумагой, изготавливаемой туземцами из коры шелковицы.

На месте старого города Хотан, где сейчас расположена деревня Тоткан, местные находят сандаловую древесину, засыпанную толстым слоем песка, и до сих пор используют ее для окрашивания кожи и, что еще более примечательно, они находят упаковки чая, так хорошо сохранившегося, что его можно пить! Это свидетельствует о поразительно сильном консерванте горячего сухого песка. Осталось, однако, мало домов и других строений от древнего города. В том же районе, на глубине шести метров при рытье канала было недавно открыто странное месторождение золота. Туземцы начали мыть

это золото, которое имело своеобразный характер в виде очень тонких чешуек. Загадка этой своеобразной золотоносной залежи объясняется в книге, написанной китайским путешественником Фа Сяном [15], который прошел через этот регион в четвертом веке после Рождества Христова, на пути из Китая в Индию. Он рассказывает о богатом, процветающем городе, который стоял на этом месте, с большим населением, и многими буддийскими храмами, сверкающими позолоченными куполами в безоблачном небе. Город исчез, храмы превратились в руины и их позолоченные крыши рухнули и были погребены песком. Медь окислилась и исчезла, растворенная водой или рассеянная ветрами, но тонкие чешуи золота остались, и теперь через полтора тысячелетия бедные и невежественные потомки тех высокоразвитых и цивилизованных людей прилагают большие усилия, чтобы добыть эти редкие крупинки древнего богатства своей страны, занесенной песками.

Читатели, желающие получить представление о великом историческом прошлом этого интересного региона должны обратиться к работам сэра Ауреля Стейна, который воскресил для Европы эту неизвестную, забытую цивилизацию и произведения ее искусства. В прекрасной книге Стейна «Сериндия» имеются великолепные иллюстрации фресок, одежды, посуды, драгоценных предметов и так далее. Его более поздний труд «На древних дорогах Центральной Азии» описывает в популярной форме большую работу разведчика в Центральной Азии, вызывая в воображении некоторые детали официальной и военной жизни становления Китайской империи, и иллюстрирует влияние западного классицизма в восточном искусстве. Большая коллекция из северной Кашгарии была увезена немецким археологом доктором фон Лекоком. Таким образом, многие редкости и сокровища этой земли, столь удаленные от нас в пространстве и времени,

сохранены для цивилизованного человечества в музеях Лондона и Берлина. Но гораздо больше осталось еще в таинственных пустынях Центральной Азии, и многие предметы деятельности человеческого разума и рук все еще покоятся в древних библиотеках, погребенных под песками.

Недавно сэру Аурель Стейну генерал-губернатор провинции Синьцзян запретил продолжать археологические исследования в пределах его юрисдикции, так что этот неутомимый работник, выявивший такие неожиданные сокровища мира, вынужден был оставить землю Алтышаара. Приказ был основан на утверждении, что Китай должен самостоятельно исследовать свои собственные древности.

Политика силы в течение последних лет показала заблуждение китайцев в том, что они являются одной из наиболее современных и развитых стран в мире. Всего лишь несколько лет назад, когда северный Медведь был готов в любой момент накрутить хвост Восточному Дракону, российские исследователи уделяли мало внимания на запреты китайских властей. Генерал Пржевальский, например, прямо посылал китайских чиновников к черту, и делал все, как ему заблагорассудится. Но времена изменились, смелость и наглость китайцев выросла, в то время как реальная сила Китая уменьшилась.

Ученый мир и цивилизованное человечество несут тяжелые потери. Кто знает, какие сокровища и памятники древней литературы могут быть еще обнаружены в тех чудесных древних библиотеках, хранящихся в песках пустыни? В чьи руки могут попасть эти бесценные предметы? Может быть, какой-нибудь странствующий кочевник пустыни бросит их в огонь, чтобы приготовить чай, или какой-нибудь китайский чиновник использует вырванные листы из книги, написанной в первом веке христианства, чтобы зажечь свою трубку с опиумом?

Христианство проникло в эти глубины Азии в очень короткие сроки, и его восточная ветвь — церковь несторианского толка процветала здесь более тысячи лет наряду с манихейством, маздеизмом и буддизмом. Кашгар долгие века был резиденцией христианского епископа. Не исключено, что здесь в древних библиотеках могут быть сокрыты некоторые из тех старых христианских книг, потеря которых делает такой большой разрыв в наших священных писаниях. Например, из двенадцати книг Деяний Апостолов до нас дошли фрагмент первого и только один девятый в полном объеме. Сегодня только древние библиотеки исчезнувших городов Центральной Азии могут быть местом, где есть еще надежда найти ценные рукописи христианского мира и потерянные труды их классиков. Многие задавались вопросом, что могло стать причиной разорения этих исчезнувших городов, исчезновения процветающей цивилизации, превращения цветущей страны в безводное песчаное пространство.

Разрушение городов Центральной Азии — обычное явление при постепенном высыхании этой огромной депрессии, которая по преданию сравнительно недавно была дном великого моря в центре Азии, называемого китайцами — Хан Хай[16].

Обилие соли в почве песчаных отложений, *барханы* или песчаные дюны, присутствие в центре континента болотистой низменности, таинственный Лоб Нор, питающийся от реки Тарим, которая, в свою очередь собирает воды целого ряда притоков — Кашгар Дарьи, Яркенда, Хотан Дарьи, Ак-Су, и так далее, все, кажется, подтверждает китайскую теорию о существовании здесь огромного внутреннего моря. Один немецкий ученый идет еще дальше, считая библейский потоп результатом прорыва моря Хан Хай через горы Тянь-Шаня на равнины Туркестана, Персии и Месопотамии. Но геологические данные полностью противоречат этим

фантастическим рассказам. В этом регионе была пустыня еще в середине эпохи третичного периода. И с того времени здесь не было морских отложений, а присутствуют только озерные и эоловые образования, характерные для условий пустыни. Климат этой страны стал сухим в очень далеком геологическом прошлом, и количество атмосферных осадков здесь периодически изменяется в зависимости от различных факторов. Регион на самом деле не находится в большом понижении или депрессии, как это выглядит на географической карте. Средняя высота бассейна Тарим составляет около 900 метров над уровнем моря, долины Кашгара — 1300 метров, то есть на высоте Риги Кулм в Швейцарии. Это фактически альпийская зона. Нижняя часть региона у озера Лобнор находится на высоте 600 метров над уровнем моря. Высыхание Туркестана в историческом периоде и, как следствие, разрушение его городов и исчезновение древней цивилизации были объектом исследований американской экспедиции Пампелли в начале века. Эта экспедиция получила очень ценные физико-географические и геологические результаты, но, конечно, не выявила какого-либо высыхания Туркестана в нашу эпоху.

Наоборот, все факты, как правило, показывают, что Центральная Азия сегодня имеет больше атмосферной влаги, чем это было в прошлом — две или три тысячи лет назад.

Культурные слои городища Йоткан древнего Хотана,
обнаженные в результате наводнения 1922 года

Девятнадцать лет назад покойный профессор геологии Джон Грегори, в научной статье под названием «Высыхает ли Земля?» с обычной для него ясностью обсудил этот вопрос. Он пришел к выводу, что «Археологические и исторические данные показывают, что климат Центральной Азии был очень засушливым с самых ранних времен, о которых имеются человеческие записи». Разрушение этой земли не связано с процессами Природы, все случилось в результате деятельности человека. Войны, междоусобная борьба, захваты, нашествия и набеги диких орд разрушали оросительные каналы, уничтожали торговые города и разоряли оседлое население.

Нигде в мире, пожалуй, нет такой близкой связи и полной зависимости человеческой жизни и культуры от поступления воды, как здесь в Центральной Азии, где это видно так ярко и очевидно. Если нет воды для орошения, мы видим безжизненные пространства, смертельные для человека и зверя, подайте сюда воду из рек и горных ручьев или вырытых колодцев, и пустыня сразу превращается в цветущий сад. Там, где есть деревья, поля и дома, движение песчаных дюн останавливается и они вырастают в землю.

Перекройте каналы, и растительность поникнет и умрет, и под волнами песчаного океана будут погребены и цветущий когда-то оазис и все признаки человеческой деятельности вокруг него. Такие случаи уничтожения или строительства живительных *арыков* или оросительных каналов и превращения цветущего оазиса в пустыню или наоборот пустыни в изобильную землю имели место в Туркестане и сохранились в памяти живущих людей.

Не так давно появилась работа под названием «Яростный ветер над Азией», доктора Эмиля Тринклера[\[17\]](#), в которой автор пытается доказать, что «возраст пустыни Такла-Макан

намного меньше, чем принято считать и что три тысячи лет назад страна была лесистой и орошаемой».

Мне кажется, совершенно неправильным такое предположение автора. Три тысячи лет являются незначительным промежутком геологического времени. В Центральной Азии это историческое время, и в этом времени нет ни малейших исторических свидетельств, ни признаков трансформации огромной площади в Центральной Азии от хорошо обводненных земель и обширных лесов в океан зыбучих песков. Здесь находят остатки культивируемых растений и следы искусственного орошения, возраст которых превышает две тысячи лет. Так почему же нет никаких следов от прежних больших лесов?

Центральная Азия была бессточной, засушливой пустынной страной с середины третичной эпохи. С трех сторон над ней поднимаются высокие горные цепи, вертикальные движения которых продолжают до сих пор, и они полностью изолируют регион от изобильных атмосферных осадков со стороны океана. И невозможно представить себе, что всего три тысячи лет назад орографические, геологические и климатические условия Центральной Азии были совершенно другими, с обильными осадками, способными орошать обширные леса на территории, занимаемой сегодня пустыней Такла-Макан.

Такая гипотеза требует исчезновения западных и южных горных барьеров, представленных высочайшими горными системами мира. На карте этой части Азии видно, что только незначительная часть площади занята культурными оазисами, вся жизнь в которых зависит от орошения водой, стекающей с гор. Растительность есть только там, где подземные воды располагаются неглубоко от поверхности, а в Такла-Макане грунтовые воды залегают очень глубоко или полностью отсутствуют. Какое гигантское количество воды потребуется для

естественного орошения этого бескрайнего моря зыбучих песков, и откуда она могла здесь быть три тысячи лет назад?

Первым действием захватчика в Центральной Азии всегда было уничтожение каналов и перекрытие подачи воды в города и селения, и тогда они становились легкой добычей. С гибелью населения умирал и населенный пункт, превращаясь навсегда в пустыню.

Возникает другой вопрос. Кто первым проник в пустыни Центральной Азии, вдохнул в них жизнь и сделал возможным здесь постоянное существование цивилизации? История не дает нам точного ответа. Мы знаем только, что еще в двенадцатом веке до нашей эры были оседлая жизнь и искусственное орошение в Хорезме, сегодняшней Хиве, что все основные каналы оазиса Ташкента носят имена персидских сатрапов Дария Гистаспа — Салар, Боз, Кай-Кавус, Зах, и т. д. Неотразимо желание прийти к выводу, что здесь было древнее персидское царство Ассирии и Вавилона, известное своим развитием оросительной техники и искусством привлечения свободно текущих вод в безводные пустыни.

Но на самом деле все не так. Шумерцы, заложившие основы цивилизации Вавилона и Ассирии, были, очевидно, тюрками, иммигрантами в Месопотамии из Центральной Азии. В транскаспийском регионе, недалеко от города Ашхабада, в Курган-Анау, экспедиция Пампелли обнаружила на большой глубине, под несколькими «культурными слоями» находки керамических сосудов, посуды и столовых приборов, в точности таких, как и в Шумере. Под ними были находки каменного века. Цивилизация Шумера, как известно, рассматривается наиболее древней культурой человечества.

Ранняя история Центральной Азии изобилует тайнами и загадками. Древние мифы и поэзия донесли до наших дней информацию о прошлом Кашгара и Хотана. Многие века до нашей эры этот регион входил в состав обширной Туранской

империи, управляемой длинным списком скифских императоров, как правило, называемых потомками великого Афрасиаба. Богатством, военной мощью, законами древней цивилизации, сыгравшей большую роль в истории, владел народ, называемый в тюркских, китайских, индийских и греческих источниках различными именами — скифами, юэчжи, саками, сакья, готами, массагетами и другими. Их столицей был Самарканд. Недалеко от этого города в наши дни существует место, известное по имени древнего императора Афрасиаба, где время от времени находят различные предметы старины.

Произведения персидских поэтов и исторические хроники рассказывают об ужасном опустошении страны вторгшимися сюда скифами. В мифологии отображена, по сути, вечная наследственная вражда двух народов с различными культурами — земледельцев Ирана и кочевников Турана. В седьмом веке до нашей эры персам удалось оттеснить скифов за пределы Окса, так называлась прежде Амударья, которая надолго стала естественной границей между враждующими народами.

В шестом веке до нашей эры мы находим первые упоминания о территории Кашгара и Хотана в мифах о Сиявуше. Владения Турана распространялись тогда на обширную территорию, включая и Лоб Нор. Сиявуш был сыном персидского царя Кай Кавуса. Поссорившись с отцом в 580 году до н.э., он бежал из страны за Амударью и нашел убежище у давнего врага их семьи Афрасиаба, который жил в Рамистане, между городами Самарканд и Бухара. Название селения сохранилось и по сей день, известное великолепным храмом огнепоклонников Аташ Кахад. В Персии и в Туране в этот период процветала религия Зороастра, в то время как дальше на восток располагались поклонники буддизма.

Скифский царь встретил Сиявуша с почетом и в знак гостеприимства, отдал ему в жены свою собственную дочь, красавицу Фарангис. В качестве приданого Афрасиаб дал Сиявушу провинцию Хотан. Счастливая пара отправилась в Кашгар и для своей резиденции выбрала место, называемое Кунг, возможно это Каток, руины которого находятся около Лоб Нора, около двенадцати или четырнадцати дней пути от города Хотана. Очевидно, в те дни это была хорошо населенная и цветущая страна. Ныне это бесплодная, соленая пустыня, где бушуют песчаные бури, и только иногда покажется кочевник на своем верблюде — корабле пустыни. Но счастье молодой пары продолжалось недолго. Зависть и хитрость, распространенная в Азии, погубила Сиявуша. Герсивез — брат царя Афрасиаба, завидуя успехам Сиявуша, его растущей власти, его богатству и влиянию, посеял семена подозрения в царские уши. Будто бы Сиявуш стремится к независимости с целью создания своей империи в дальнем углу Центральной Азии. Сиявуш был приглашен ко двору и вероломно убит. Место его убийства долго, пока существовали в Туркестане поклонники Зороастра, было священным. Каждый год паломники приходили сюда и проводили обряд жертвоприношения. Подлое убийство невинного молодого принца вызвало раздражение в Персии, и разгневанный император Кай Кавус послал своего любимого генерала Рустама, с огромным войском, чтобы отомстить за убийство своего сына. Рустам два года осаждал Рамистан, но безрезультатно. Он даже построил целый город напротив осажденной крепости, и, в конце концов, Афрасиаб бежал из страны.

Фарангис осталась с сыном по имени Кай Хосров, который сменил на троне своего деда Кай Кавуса и, став императором Персии, прожил жизнь, полную приключений. Он долго воевал с дедом Афрасиабом, стремясь отомстить за убийство своего

отца. После многих сражений, ему удалось сокрушить своего противника, захватить Самарканд и убить Афрасиаба.

Так описываются события, касающиеся ранней истории Кашгара, в сказании о Сиявуше.

В период между падением династии Афрасиаба и вторжением Александра Великого и создания греко-бактрийской империи, Кашгар был ареной вечных столкновений между местным населением и ордами тюркских народов.

Китай в этот период был разделен на несколько княжеств. Но в 94 году н.э. китайский генерал Пан Чао вторгся большими силами в Восточный Туркестан. После присоединения Кашгарии к Китаю он выдвинулся в Западный Туркестан, в земли Юэчжи, [\[18\]](#) имя которых созвучно с киргизским *уй* — близкое слову *юрта*, и *чи* — палаточный житель, кочевник.

Пан Чао установил свою власть до побережья Каспийского моря. В 102 году этот китайский Наполеон, движимый своей военной амбицией, даже послал экспедицию на завоевание Римской империи. С этого периода и до арабского завоевания Кашгария принадлежит Китаю. В это время она была известна как Кичик Бухара, т. е. Малая Бухара, в отличие от Большой Бухары, где тогда формировалось мощное государство. Его столица Бухара была построена на разливах реки Масаф, сегодняшнего Зарафшана. В этих болотах, по описанию Арриана, Александр Великий отправился на охоту и собственноручно убил «льва», скорее всего тигра, так как эти животные населяли здешние болота до последнего времени. Последний тигр был убит в болотах близ Бухары в 1894 году.

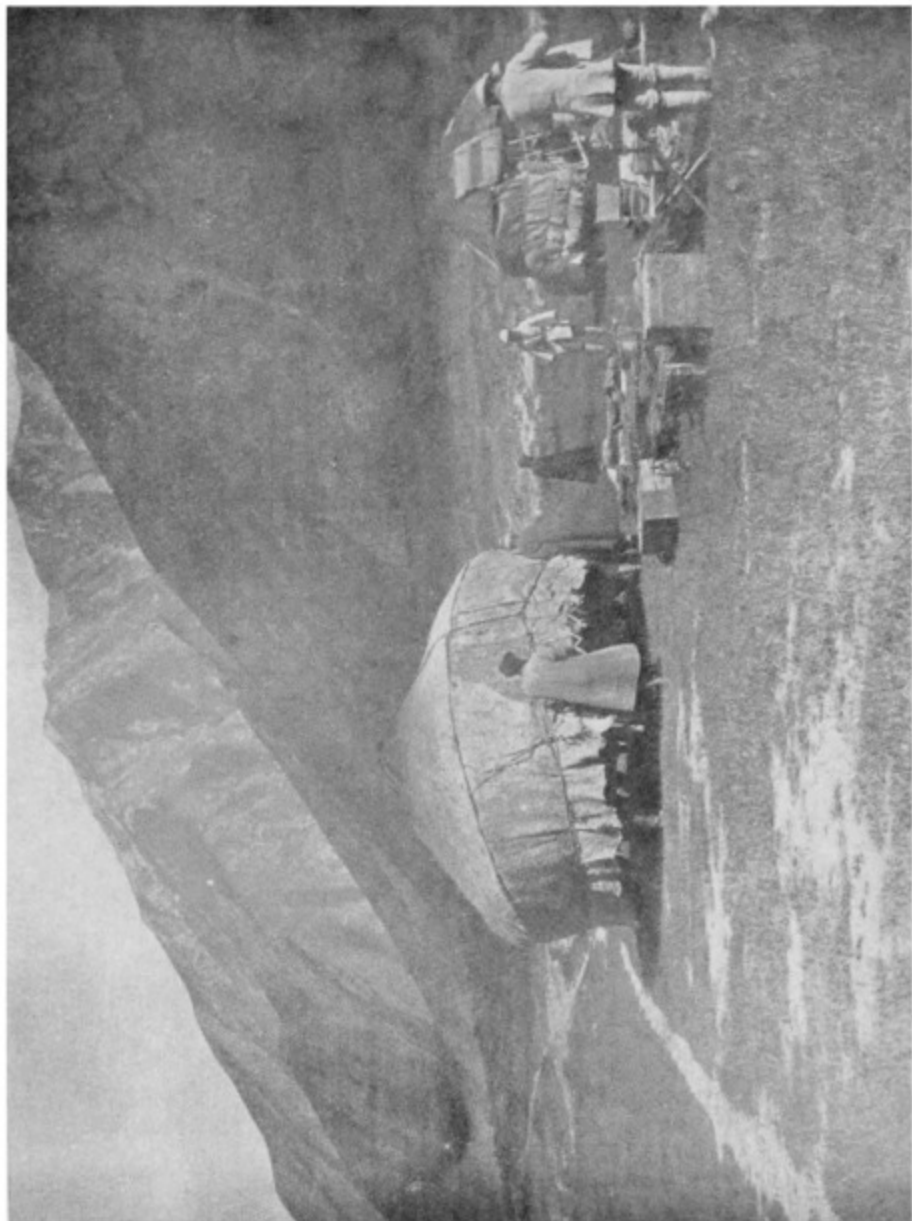
Говоря о спорте, здесь можно упомянуть, что по преданию конная игра в поло зародилась и развилась на этой самой земле в дни Афрасиаба. Удивительно, но в настоящее время в поло совершенно не играют ни в Восточном, ни в Западном Туркестане.

Кроме Бухары был еще один важный город страны — Байкент^[19] или Пайкент поздних дней, торговый центр, имеющий активные связи с Кашгаром и Китаем на востоке и Персией и Римской империей на западе. Торговля обогащала города Восточного Туркестана и подготовила их к принятию греческой и римской культуры и цивилизации, которая началась в Греко-Бактрийское время. Бактрия — современный Бадахшан, контролировал короткий торговый путь с Хотана через Памир. С другой стороны, индийское влияние происходило не только через Бактрию, но и прямым путем через Гималаи и Каракорум по Согдийскому проходу древности — Соджила тибетцев. Китайцы, в соответствии с обычаем, не вмешивались во внутренние дела населения, довольствуясь сбором податей. Они управляли страной через местных *беков*, собирающих налоги, таможенные пошлины и иные сборы, и делали все это с очень высокой религиозной терпимостью. Здесь процветали не только буддизм, но и зороастризм, манихейство, и несторианское христианство.

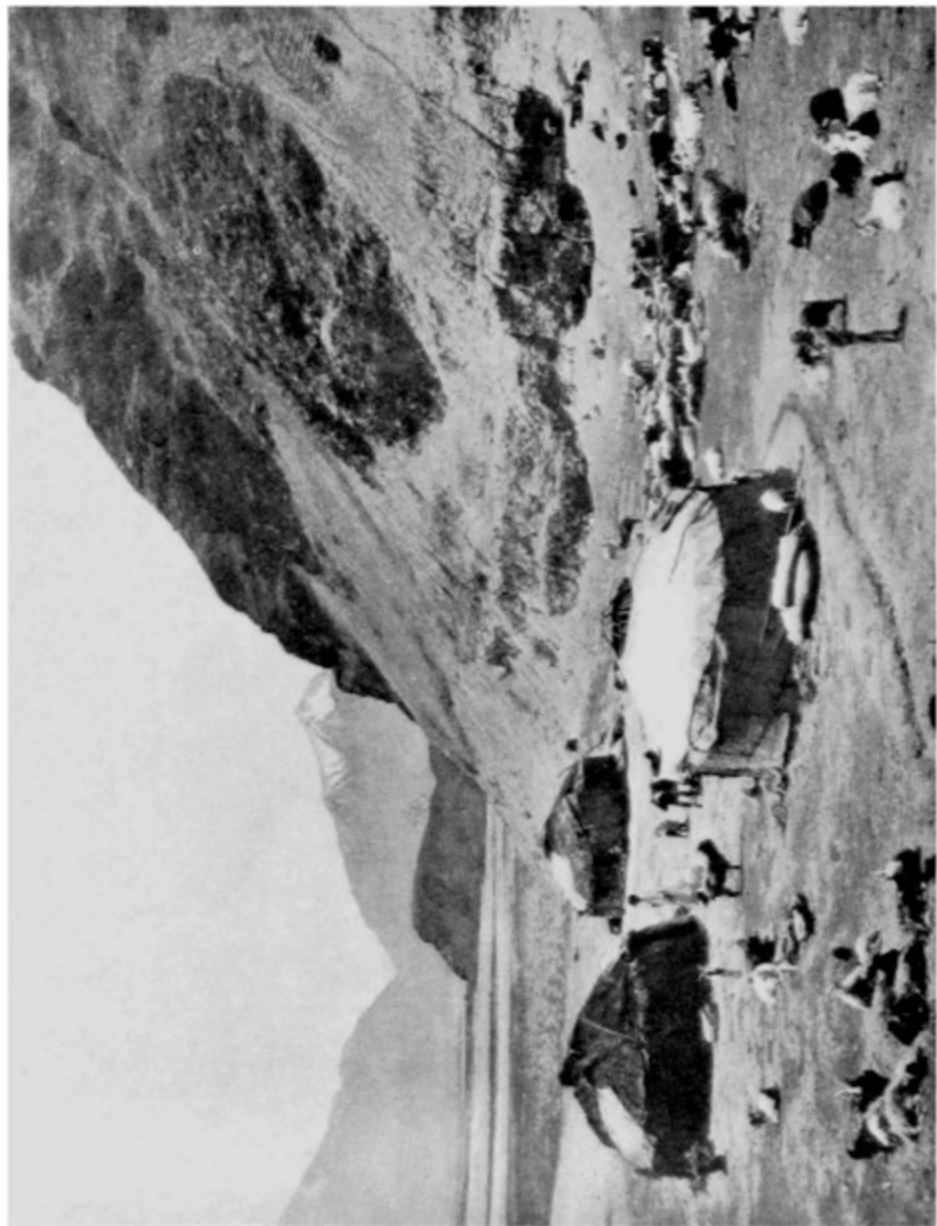
Арабское вторжение в Туркестан произошло раньше, чем его покорение мечом ислама, и характеризует эпоху, трагическую и наполненную романтикой.

Под командованием великого лидера Кутейбы, арабы пересекли Джейхун и взяли город Пайкент, где их добычей стало огромное количество золота, серебра и драгоценных камней. Среди них были два изумруда размером с голубиное яйцо, которые украшали здешнего идола. Во время разорения Пайкента многие его жители были по торговым делам в Кашгаре. Когда они вернулись, то нашли свои дома в руках врагов, а членов своих семей в заточении, но у них было достаточно богатства, чтобы выкупить все и восстановить свой город — яркое свидетельство интенсивности торговли с Кашгаром. Когда арабы осадили Бухару, на троне была вдова бухар-худата, по имени Хатун, известная во всей Центральной

Азии своей красотой, мудростью, ученостью, богатством и своими любовными историями. Этой азиатской Клеопатре удалось откупиться от арабов и сохранить город от захвата, вручив арабскому предводителю миллион дирхемов. Арабы отошли за Джейхун, то есть Аму Дарью. Это было в 675 году н.э.

Установка киргизских ак-уй или юрт

Киргизское стойбище

Но вторжения арабов продолжались. Был взят Самарканд, культура которого, богатство и великолепие хорошо описываются арабскими историками. Затем — Фергана. Оттуда Кутейба перешел со своей армией через перевал Терек Даван в Кашгар, и, почти не встретив сопротивления, появился у ворот Турфана. Здесь он получил известие о смерти эмира Валида и вернулся в Хорасан. Арабское влияние менее заметно в Кашгаре, чем в Западном Туркестане. Наиболее важным из сановников Туркестана, который обратился в ислам, был зороастриец Саман. Его внуки стали правителями четырех провинций — Герата, Самарканда, Ферганы и Ташкента, и пользовались покровительством самого халифа. Одному из них, правителю Ферганы по имени Наср, во время восстания сеистанских князей против халифа, удалось захватить власть в Бухаре и Туркестане, где он основал династию саманидов. Его брат и преемник поднял мощь Самарканда до зенита его расцвета и после своей смерти в 907 году он оставил своему преемнику царство, которое простиралось от Исфохана и Шираза до Турфана и Гоби, и от Сеистана и Персидского залива до степей юга России. После падения саманидов Кашгар стал столицей этой грандиозной империи в Центральной Азии, хотя и ненадолго. Западные территории попали под власть султана Санджара, а сам Кашгар был захвачен вместе с почти всей территорией Китая, каракитаями, народом, связанным с тунгусами. Как ни странно, но именно они дали свое имя Китаю в России, точно также как немецкие франки дали свое имя Галлии, которая стала вслед за ними называться Францией.

В 1220 году Кашгария была захвачена монгольскими ордами Чингиз-хана, но ущерб, нанесенный ими, был, вероятно, относительно малым. И именно с этого времени в Кашгарии начинается период расцвета. Ее города на пути из Китая в Европу приобретают важное значение, развивается торговля, усиливается христианство за счет монголов, многие из которых

были христианами. И христианство было не только в одном ряду с исламом и буддизмом, но и приобретало господствующее значение. Марко Поло в тринадцатом веке нашел христианского епископа в Яркенде.

В 1389 году Кашгар был взят Тамерланом, который назначил правителем страны своего сына. Впоследствии правление переходило от одного хана к другому под знаком вражды, кровопролитий, грабежей, захватов и набегов кочевников. Земля не знала покоя, пока не была взята китайцами.

В начале семнадцатого века, во время восстания против китайцев и междоусобных разборок среди туземцев, власть была захвачена уроженцем Кашгара Хабитуллой. Он был, так называемым, национальным правителем Кашгарии, который впоследствии был провозглашен святым, и ему было дано имя Абах Ходжа. Прекрасное здание мечети, построенное в его честь, расположено в центре обширного кладбища, где он похоронен, и является местом ежегодного паломничества тысяч поклонников. К сожалению, ни государственная его деятельность, ни личная жизнь не оправдывают того значения, которое уделяется его памяти. Он быстро передал власть иностранному правителю провинции Хай, то есть Кульдже, и, как многие его современники, забавлялся с наложницами и танцующими мальчиками, одевая их в шелк и обирая народ.

После смерти высокочтимого Абаха, страна свалилась на целый век в анархию, пока мир не был восстановлен завоевавшими вновь край китайцами, которые вели себя с обычной для них хитростью. Они использовали разногласия между соперничающими за власть религиозными группами и правителями различных провинций. Иногда они сознательно назначали в правители потерпевшего поражение, чтобы возбудить ненависть людей против него, а затем, когда их враг был достаточно ослаблен внутренними раздорами и интригами

и не мог оказать эффективного сопротивления, против него применяли оружие.

В тоже время население Кашгара и Восточного Туркестана — древней Уйгурии, никогда не отличались единством, патриотизмом, гражданским мужеством или признанием общих интересов единой страны.

Хитрость, предательство, зависть, соперничество, эгоизм и подлость людей способствовали фатальному исходу борьбы за свободу Кашгарии как государства, несмотря на благоприятные географические условия для существования независимой политической организации.

И все-таки, в течение девятнадцатого века было не менее четырех восстаний против китайской власти под руководством различных ходжей^[20], которые всегда находили убежище в Андижане. Ходжи организовывали повстанцев, а затем нападали на Кашгар, Яркенд, Хотан, убивали или изгоняли китайских чиновников и захватывали высшие посты в стране. Люди встречали своих спасителей от китайского ига с радостью, видя в ходжах свое собственное народное правоверное независимое «национальное правительство». Но требовалось всего несколько недель, и «освобожденный» народ начинал с тоской вспоминать китайские власти и китайскую администрацию, при которой они пользовались благословенным миром, спокойствием и свободной торговлей, что было невозможным в условиях хватких и сильных рук своих «освободителей». Захватывая власть, ходжи приступали к систематическому грабежу населения, и вели себя так, как будто они были в завоеванной стране. Экзекуции, пытки, жестокость любого рода для всех, кто не повиновался их приказам, становились еще хуже под собственными правителями, чем при китайской власти. Последнее восстание, возглавленное ходжой Вали Ханом в 1856 году, отличалось крайней жестокостью.

Оплакиваемый путешественник, Адольф Шлагинтвейт, который имел несчастье приехать в Кашгар в это время, как я уже упоминал, перед смертью подвергся жестоким пыткам.

В начале шестидесятых годов XIX века в Центральном Китае вспыхнуло восстание среди дунган — китайских мусульман, и быстро распространилась по всему Восточному Туркестану. В то время только небольшие русские силы всего в полторы тысячи человек под командованием генерала Черняева вступили в Западный Туркестан. Ташкент, а затем и часть Кокандского ханства (Ферганская область), защищал Алимкул — главнокомандующий Худояр хана, который послал своего друга Бузург Ходжу в Кашгар на помощь своим единоверцам. Ходжа в то время занимал должность *куш-беги*^[21], то есть комиссара полиции, в Пскенте, в сорока километрах от Ташкента. Он взял с собой кокандского военачальника Якуб Бека, который в молодости был *бача* или танцевальным мальчиком, вроде мужского гейши, в *чайхане*. Вся сила их группы, которая вторглась в Кашгарию, состояла из шестидесяти шести воинов, но к ним присоединились беженцы из Ферганы и недовольные местные кашгарцы. Город Кашгар сдался без сопротивления. Это было в 1865 году, через год после того, как генерал Черняев взял Ташкент. Затем они осадили Янги Шаар, место *амбана* или китайского губернатора, но взять крепость удалось только после предательства Хо Далая, который командовал гарнизоном. Он вступил в тайную переписку с Якуб Беком, и предложил сдать крепость и принять ислам, если ему, семье и слугам будет гарантирована безопасность и сохранят его имущество. Завершив сделку с Якуб Беком, Хо Далай послал весть *амбаню*. *Амбань*, шокированный изменой своего подчиненного, взорвал крепость и погиб в руинах вместе со своей семьей. Последователи Хо Далая, с тремя сотнями китайских и дунганских солдат, образовали как бы свиту Якуб Бека, и пользовались его покровительством и свободой. Но остальной

город был отдан на семь дней солдатам на мародерство. На месте старой крепости *амбана*, Якуб Бек построил себе *урда* или цитадель, и женился на дочери Хо Далая. Главнокомандующий войском Бузург Ходжа после таких быстрых и блестящих успехов расслабился, предался всем удовольствиям жизни и вел разгульную жизнь в своем гареме. Конечно же, он был легко свергнут Якуб Бекон и брошен в тюрьму, но позже ему позволили вернуться обратно в Коканд — редкий случай помилования при азиатских обычаях.

Якуб Бек вскоре становится бесспорным хозяином всего Восточного Туркестана от Гоби до Тянь-Шаня. Он принимает титул эмира Мухаммеда Якуб Хана, Эмир-аль-мусульман — главный из истинно верующих. Он стал также называть себя Аталыком, то есть, защитником веры. Он признал султана Турции своим духовным защитником и просил разрешения от его имени издавать указы и помещать его имя на монетах.

Появление нового мощного мухаммеданского государства в Центральной Азии возбудили незамедлительное внимание в Лондоне и Санкт-Петербурге, и с обеих сторон были сразу отправлены посольства. Британцы преувеличивали значение Якуба Бека. Они относились к нему как к могущественному правителю обширной страны, подобной в свое время стране Тамерлана, но в глазах россиян он был только сартским авантюристом. В то время русские презрительно относились к ханам Коканда и Хивы и эмиру Бухары.

В России с удивлением читали о том, какое глубокое уважение члены посольства Форсайта в публичной церемонии проявили к молодому и жестокому деспоту, «Его Высочеству» Кули-Беку — сыну и наследнику Якуб Бека. Этот детеныш сарта, сын выскочки, шарлатана и бывшего танцевального мальчика, который начинал жизнь развлечениями посетителей *чайханы*, в своих нечеловеческих зверствах превзошел даже своего отца. Ему было тогда двадцать шесть лет и он пользовался

репутацией у солдат. Провинции Урумчи и Манас, которые ему отец поручил покорить, он превращает в пустыню. Братья называли его Хан Кули Бек, их мать была киргизкой из рода кипчаков.

Жестокость и поборы правления Якуб хана постепенно провоцировали население Кашгара против своего «освободителя», а китайцы ловко использовали его растущую непопулярность. Китайская армия начала свое продвижение со стороны Гоби. Китайцы возвращали под свою власть города и провинции, восстанавливали порядок и справедливость. Они отменили все репрессивные меры и официальные налоги Якуба хана, хорошо относились к населению, освобождали военнопленных. Результатом этой хитрой политики было то, что население повсюду встречало китайцев с распростертыми объятиями, а войска Якуб хана были не прочь им сдаться.

Военная фортуна предала Якуба. Не видя возможности дальнейшего сопротивления китайцам, в состоянии отчаяния он покончил с жизнью, приняв яд. Это случилось в 1876 году. История гласит, что он поставил свою жизнь в руки судьбы. Он заказал две одинаковые чашки кофе и положил смертельный яд в одну из них. Затем он два-три раза поменял местами чашки, на короткое время вышел в другую комнату, вернулся, взял ближайшую чашку и выпил ее.

После его смерти два его сына начали отчаянно бороться за трон, были предательства с обеих сторон и много пролито крови. Наконец, видя неминуемость общей опасности с китайской стороны, Бек-Кули-бек предложил примирение. Братья встретились в назначенное время в условленном месте, каждый со своей вооруженной свитой. Отъехав вперед, они спешили, подошли друг к другу и протянули руки, чтобы пожать их в знак дружбы и забвения своей вражды. Они обнялись, и в тот самый момент Бек-Кули-бек выхватил револьвер, выстрелил в своего брата и тот скончался на месте.

Таким образом, история Каина и Авеля повторилась в долине Кашгара.

Когда я был молодым человеком, я часто видел на хлопковом заводе отца в Ташкенте сарта с длинной черной, явно крашеной бородой, хотя он не был старым человеком. Он был землевладельцем и хлопковым торговцем из Пскента. На наш завод сарт привозил на очистку хлопок, и я иногда подписывал ему чеки, по которым он получал кредит в банке за сданный товар. В этом скромном и тихом сарте, которого звали Бек-Кули-бек, никто не узнал бы Его Высочества, наследника престола, который в свое время, готов был к любой жестокости, грабежу и разорению всей провинции и коварному, хладнокровному убийству родного брата.

Когда в девяностых годах снова появились признаки волнений среди мусульман Кашгара, я спросил полушутя Бека-Кули-бека:

— Вы слышали, что происходит в Кашгаре. Почему вам не испытать судьбу там снова?

— *Тахир*,[\[22\]](#) — ответил бывший правитель Кашгара, скромно опустив глаза, — мое время прошло...

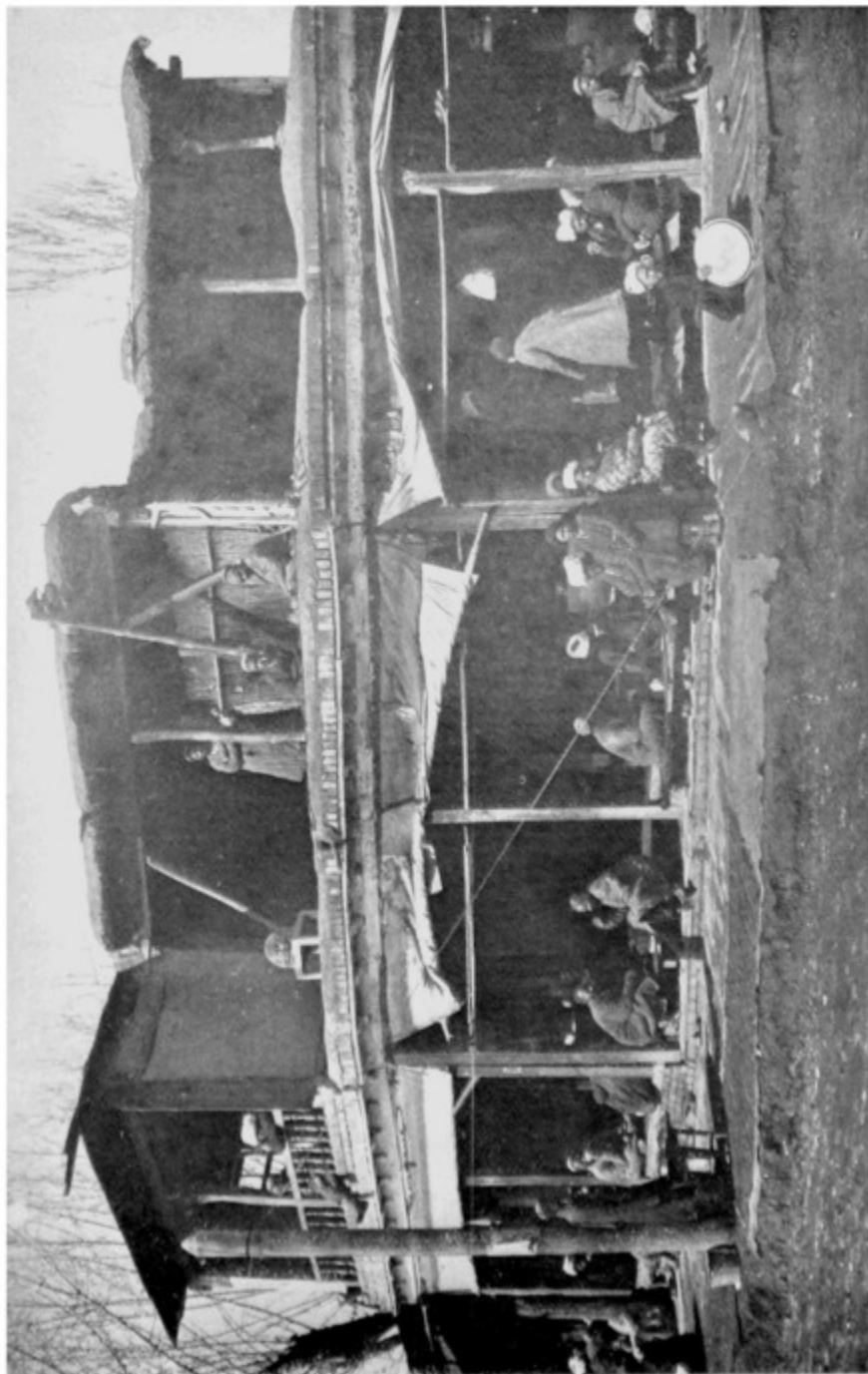
Sic transit gloria mundi![\[23\]](#)

ГЛАВА III. Общественная жизнь Кашгара

Базарная жизнь — Китайская справедливость — Зверства генерала Ма — Его глупость и насильственный конец — Жестокость Дуду — Казни в обед и ужин — Отличные законы и страшные наказания — Общественная жизнь — Британское Генеральное консульство — Окно в Европу

Во всех городах Центральной Азии базар не только место продажи фруктов, овощей, и другой провизии, но и центр общественной жизни. В его многочисленных и просторных *чайханах* или чайных, оснащенных гигантскими самоварами и устеленных пестрыми коврами, в вечернее время перед омовением и молитвами собирается самое пестрое общество. Центральная Азия является демократической страной, без классовых различий или каст. Богатые и бедные, официальные беки и простые *дежкане* или фермеры сидят бок о бок в *чайхане* и пьют тот же чай из одинаковых *пиал*, едят один и тот же хлеб и вдыхают пары одного и того же табака из одного *чилима* или *наргиле*. Никогда в их головы не приходит брезгливая мысль брать ли в уста мундштук, который был обсосан сотней других, не думая о салфетке.

Здесь они свободно обсуждают все новости дня, последние мероприятия правительства, деятельность беков или сотрудников полиции, решения судей, коммерческую информацию и политические новости. В *чайхане* нет запретных тем и общественное мнение здесь выражается открыто. В итоге даже высокопоставленные и влиятельные люди должны считаться с базарными сплетнями, не отмахиваясь от них. Временами они переключаются на свои народные формы вещания, особенно любят искусство устных рассказчиков с их притчами и остротами или развлекающих их бродячих дервишей и юродивых *дувана*.

Чайхана. Чайный домик

Некоторые новости, как молния, быстрым и таинственным способом, долетают не только на базар в Кашгаре, и не только от Яркенда, Хотана или других городов Кашгарии, но даже от таких далеких как Пекин или Кабул. Базарные волны слухов не менее загадочны, чем волны электромагнетизма.

Но вы будете напрасно искать китайских чиновников или солдат в плотных и разнообразных толпах чайных домов. Считая себя более цивилизованными и образованными людьми, они не смешиваются с местными жителями, хотя держат ухо востро, тщательно прислушиваясь к мнению базара.

На рыночной площади Кашгара находится самая большая городская мечеть, и поэтому можно сказать, что здесь, на базаре — центр духовной жизни города. Здесь обсуждаются и законы Шариата, и такие события, как потеря калоши каким-нибудь рассеянным мусульманином, сосредоточившим все свое внимание на молитве. В этой стране воров такое явление обычно, и более практичные и осторожные верующие размещают свои калоши перед собой и, падая ниц или стоя на коленях, не отрывают от них глаз.

Иногда среди дня на базаре можно увидеть выезд инспектора базарных мер и весов. Первым едет самая уважаемая личность — *кази* или судья, за ним человек с *камчой* — длинным, толстым кнутом. Это исполнительный экзекутор, немедленно приводящий в силу приговор *кази*. За ним едут *беки* — *паршабы* или сотрудники полиции, и толпа зевак. Вместо гирь они используют округлые камни, взятые прямо из реки. Мерой длины является *аршин* или *газ*. Любопытно, что нагрузка на осла принимается за единицу веса многих товаров, таких как дрова, люцерна, сено, ячмень, пшеница, дыни, виноград, вода и так далее. Можно услышать обычное выражение: «Я сегодня купил пару ослов дынь». Нагрузка осла составляет около 70 килограмм. Продавец

признается виновным при продаже товаров с заниженным весом или плохого качества, получает приговор от *кази*, который тотчас осуществляется на месте экзекутором с кнутом. В случае с богатым торговцем телесное наказание с удовольствием заменяется штрафом, так как доход этот идет непосредственно в карман хранителя Шариата.

Однажды я увидел, как эта инспекция остановила сарта с парой ослов, груженных черным виноградом.

— Куда эти ягоды? — строго спросил *кази*.

— Я везу их для русского, — ответил сарт.

— Зачем ему так много? Он будет торговать ими? — продолжал допрашивать *кази*.

— Нет, он из них делает вино, — ответил наивно селянин.

— Что! — воскликнул *кази* в ужасе. — Ты хочешь сказать, дурак, что не знаешь, что вино строго запрещено по шариату? Как ты смеешь нарушать законы Пророка, чье имя будет благословенно, и принимать участие в деле ненавистном Аллаху?

Преступник был должным образом наказан, а его виноград конфискован оскорбленными защитниками шариата.

На следующий день *паршаб* появился в доме русского, где был пойман еще один нарушитель закона воздержания от алкоголя. Его осел был также нагружен виноградом, явно предназначенным для нарушения Корана. Но этот сарт был опытнее. Он дал полицейскому восемь *теньге*, около четырех пенсов, и этой взяткой дело было закончено.

Однако, не надо полагать, что Кашгар отличается своей трезвостью. Китайские власти не запрещают продажу или потребление спиртных напитков, хотя сартов пьющих мало и редко можно увидеть человека в состоянии алкогольного опьянения. Вместо алкоголя употребляют наркотики — опиум и гашиш.

В 1921 году на главных воротах города, северных и южных, где начинаются базарные улицы, появились объявления на двух языках — китайском и местном диалекте тюркского, которые мало кому из жителей были понятны. Так большевики распространяли свой известный «Указ об амнистии», призывающий всех граждан Российской Федерации, проживающих за границей, немедленно зарегистрироваться в ближайшем советском Консульстве под угрозой лишения всех гражданских прав и признания их в качестве преступников. Генерал-губернатор провинции Синьцзян поручил *даоиню* уведомить российских граждан в Кашгаре об этом требовании. *Даоинь*, не желая тревожить многочисленных мусульман, бывших русских подданных, и не беспокоя русскую колонию, отдал приказ, чтобы объявления были сделаны только на официальном языке, то есть на китайском, так что «Указ» остался лишь на бумаге. Я и сам не слышал о нем в течение шести месяцев.

Но это только невинное замечание о том, что можно увидеть на этих массивных, окованных железом воротах города. Часто их украшают очень страшные вещи. За четыре года, что я жил в Кашгаре, я видел связки отрезанных человеческих рук или ног, прибитых к воротам, с надписями, извещающими, кому они принадлежали и почему были отрезаны. Иногда законный владелец рук или ног был прикован рядом со своими отрезанными конечностями. Наказанные часто были «жертвами правосудия» кровожадного тирана, который властвовал в Кашгаре в течение многих лет, генерала Ма — номинального Верховного главнокомандующего армии или *титая*. На самом деле это был деспот, неподотчетный никакому лицу, полномочия которого ограничивались только собственной прихотью. Жизнь и деятельность этого злого монстра, в лице безобразного маленького старого китайца, были наглядно описаны в интересной книге К. П. Скрайна «Китайская

Центральная Азия»[\[24\]](#). В ней автор дает не только подробный отчет о жестокости и насильственной смерти этого необычного деспота, но и описывает страну и народ, природу, таинственные неизвестные горные ущелья, очаровательные долины и просто обычную жизнь ее жителей.

Я ограничусь лишь несколькими эпизодами в карьере *титая*, которым я сам был свидетелем.

Однажды, вскоре после моего приезда я, покупая какие-то фрукты на базаре, услышал пронзительный крик, а затем громкий плач. Я оглянулся и увидел истощенную, оборванную, полуголую старуху, с голодным безумным взглядом ее широко открытых глаз.

— Где мой сын? Где мой дорогой мальчик? Верните мне его! — отчаянно восклицало это несчастное существо.

— В чем дело? — спросил я ближайшего сарта.

Он взглянул на меня и отошел. Я обратился к другому:

— Почему это бедная женщина плачет о своем мальчике?

Он тоже отодвинулся в сторону, бормоча что-то. Я уловил слово *титай*.

Позже мой знакомый рассказал такую историю. У бедной женщины был единственный сын, мальчик тринадцати лет, которого она безумно любила. Он был ужасно избалован и дружил с какими-то *кумарбаши* или профессиональными уличными игроками. Однажды, когда она послала его купить за последние деньги немного еды, юный сорванец ушел и проиграл все. Несчастливая мать пожаловалась соседям и спросила их, что делать с ее неуправляемым подростком. Кто-то предложил ей роковую идею — обратиться к *титая*. Старый человек внимательно выслушал ее жалобы и сказал:

— Приведите вашего сына ко мне сегодня вечером и я обучу его. Я обещаю вам, что он никогда не будет больше играть. Придете за ним утром.

На следующий день, когда она пришла за сыном, *титай* отвел ее во внутренний двор и показал страшное зрелище. На вкопанном в центре двора столбе висело прочно привязанное тело ее мальчика с зияющей раной в горле.

Последний кашгарский тигай генерал Ма с семьей

— Вот он! Заберите его. Я обещал вам, что он не будет больше играть в азартные игры с *кумарбаши*, — сказал ей злодей.

Бедная несчастная мать сошла с ума, и теперь все время бродит по городу и ищет своего сына, живя на милостыню благотворителей.

Вот еще одна история, связанная с *титаем*. Китаец, служащий почтового отделения, у которого не было собственных детей, взял сына бедного сарта, кормил и одевал его и дал ему хорошее образование. Ребенок вырос воспитанным парнем с хорошими манерами и его приемные отец и мать не чаяли в нем души. В один прекрасный день его настоящий отец, который был отпетым негодяем, стал требовать сына обратно. Китаец неосмотрительно дал ему немного денег. Это понравилось сарту, и он начал приходить к китайцу за деньгами все чаще и чаще, пока в один день тот, уставший от такого процесса, не послал его заниматься своими делами. Сарт пожаловался *титаяю*, который тотчас же послал за несчастным чиновником. Когда китайца привели к *титаяю*, тот был безнадежно пьян. И в таком состоянии приказал своим солдатам прямо на месте расстрелять китайца, что они и сделали.

Одна очень красивая девушка имела несчастье привлечь внимание старого негодяя, и он ее родителям приказал отправить дочь к нему в гарем. Несчастные, которые души не чаяли в своей дочери, имели неосторожность отказаться и этот дьявол распял их на стенах своей крепости. Он жестоко расправлялся со своими женами. Когда одна из них досадила ему своими разговорами, он вырезал ей язык. Другая допустила нескромность, глядя из окна на маршировавших во дворе солдат. Ей связали руки за спиной, пропустили через них шест, на котором ее таскали, избивая до смерти.

Любимым методом наказания за мелкие правонарушения у *титая* было отрубание у жертвы суставов на пальцах, используя машину типа соломорезки.

Не ограничиваясь своими военными функциями, он обращал свой взор на горнодобывающую промышленность, разработки меди, нефти, нефрита, угля, перегонку керосина, отжиг кокса, присваивая чужую собственность и расширяя свою территорию экспроприацией земельных участков. В последнем случае, если он не платил наличными, то давал расписки, обещая заплатить после сбора урожая риса, что на практике означало «до греческих календ»[\[25\]](#). Однажды какой-то сарт, у которого он таким образом «купил» землю, имел наглость прийти к нему осенью после сбора урожая риса, чтобы попросить его отдать долг. Ответом *титая* было, что этот человек не имел никакого права на эту принадлежащую государству землю, и приказал переломать несчастному руки и ноги и бросить его в реку. Можно еще много писать о злодеяниях, совершенных этим монстром.

На болоте, известном как Бакалык — Лягушачье, он построил свой «дворец», состоящий из нескольких дворов и нескольких малых построек при одном большом доме.

Трехэтажный дом соорудили полностью на деревянном каркасе с наполнением стен глиняной смесью. На верхнем этаже находилась приемная. Когда я поднимался по покосившийся лестнице в этот приемный зал, все здание содрогалось. Крыша, покрытая камышом, не была полностью водонепроницаемой.

Однако *титай* был чрезвычайно горд своим дворцом и считал его лучшим в мире. Однажды он спросил шведского инженера, который строил для него нефтеперегонку:

— У вашего короля такой же хороший дворец, как у меня?

— Нет, — ответил ему швед серьезно. — Конечно, у нашего короля, нет такого дворца, как у Вас.

— Ха-ха! — усмехнулся старый китаец. — Почему бы ему не построить по такому же плану, как у меня? Я могу дать ему копию.

— Наш король бедный, — ответил ему швед, — и не может позволить себе такую роскошь.

Титай был в восторге от такой лестной новости, которая ставила его гораздо выше шведского короля.

— И что же твой король делает, когда идет дождь, и вода протекает сквозь крышу? — спросил *титай* шведа.

— Также как и вы, — невозмутимо ответил инженер, — он ставит таз, чтобы собрать капли, а потом шваброй вытирает воду с пола.

Как и все китайцы, *титай* наслаждался любой лестью, даже более невероятной, чем описанная выше.

Как-то *титай* принял двух человек из русской колонии с просьбой продать им несколько килограммов пороха для охотничьих надобностей. Он очень любезно их встретил, но наотрез отказался продавать порох.

— Как я могу продавать государственные запасы частным лицам, тем более иностранным гражданам? — спросил он их. — Порох в распоряжении китайского правительства и я должен отчитываться за каждый килограмм. Какие могут быть гарантии, что вы собираетесь использовать его только для охоты?

Тем временем они пили неизбежный при таких визитах чай и он спросил своих посетителей о состоянии дел в Советской России.

— Положение там и в самом деле очень плохое, — ответили ему. — Большевики захватили всю власть, грабят, разрушают и убивают.

— Почему ни один из ваших прежних генералов не применит силу и не остановит все это? — спросил он.

— К сожалению, у нас сейчас нет таких хороших генералов, — ответили они скромно.

— Если бы я был там, я бы достаточно быстро расправился с большевиками! В очень короткое время ни один бы из них не остался жив! — воскликнул *титай*.

— О, вы бы, конечно! — соглашались его гости.

— Вы действительно так думаете? — воскликнул старик в восторге.

— Мы уверены, — сказали они, забавляясь невероятной глупостью старого разбойника. — Вашего имени было бы достаточно, чтобы вселить ужас в сердца большевиков. Вы всеми признанный величайший воин нашего времени и газеты всего мира полны похвал Вашим заслугам. Комиссары умрут от страха, когда услышат, что знаменитый генерал Ма вышел на поле сражений против них.

— На самом деле газеты обо мне пишут? — спросил он.

— Конечно всюду: в Индии, Японии, Англии, Франции, Америке... везде, о вас слышали и пишут!

Старый злодей был ошеломлен от восторга, от всей души тряс руки своим гостям и говорил на прощанье:

— Как это приятно встретить таких высокообразованных людей, как вы, какое удовольствие было поговорить с вами. Я буду рад показать вам, как ценю ваше общество. Вы, кажется, говорили, что вам надо немного пороха. Сколько вы хотите?

— О, генерал, несколько килограммов, скажем, три или четыре. Если это только возможно выделить нам так много?

Титайские жертвы

— И это все? Вам его хватит надолго? Лучше взять больше, скажем, десять или пятнадцать килограммов. Я дам приказ прямо сейчас, чтобы отправить его к вам, — сказал *титай*.

В тот же день они получили в подарок столько пороха, сколько хотели.

Но не следует думать, что генерал Ма был совершенно глупым, несмотря на его безграмотность.

— Почему я должен читать и писать? — обычно говорил он. — Я солдат, а для чтения и письма у меня есть клерк.

Когда беспроводная станция была установлена в Кашгаре, *титай* очень скептически отнесся к этому.

— Это явное шарлатанство, — воскликнул он. — Эти инженеры обманули дураков в Пекине. Как они могли поверить, что будут говорить с Кашгаром с помощью этой железной башни? Я могу понять, телеграммы, идущие по проводам, но как можно говорить за тысячи ли только этими штуками?

Легкомыслие генерала Ма было вполне логичным. В истории науки много случаев, когда люди отказывались принимать очевидные факты только потому, что они для них были необъяснимыми. И в наши дни есть много, так называемых людей от науки, которые не ушли далеко от точки зрения китайского генерала.

Его сын Шей-тай — комендант крепости Кашгар — не был таким жестоким. Возможно, по молодости или потому что он был рабом опиумной трубки, но даже, когда слуга потерял хозяйственные деньги, он и не подумал наказать его тремя тысячами ударов.

— Курение опиума — великолепная вещь, — говорил он. — Вы никогда не будете болеть, если курите опиум.

С другой стороны вдыхать аромат цветов или духов, он считал очень вредным.

— Нос быстро разъедают постоянные запахи душистых цветов. Посмотрите, как здесь в Кашгаре много мужчин

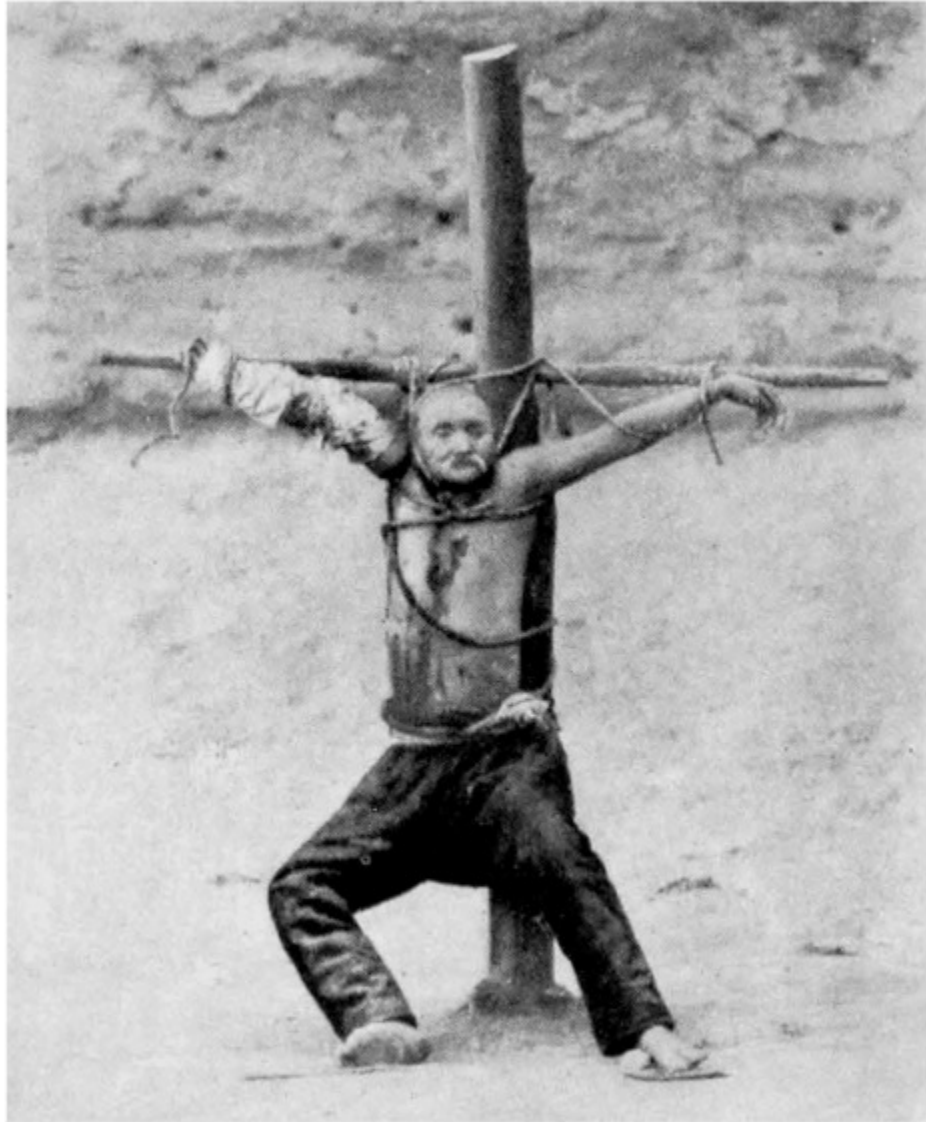
и женщины с разъеденными носами, это все из-за сильно благоухающих цветов, — говорил он.

Как послушный сын, он беспрекословно подчинялся отцу. Старик, услышав однажды, что его сыну удалось получить в «жены» на редкость красивую девушку, приказал отдать ее ему, что сын и сделал не задумываясь. Сыновья почтительность рассматриваются китайцами в качестве одного из главных достоинств.

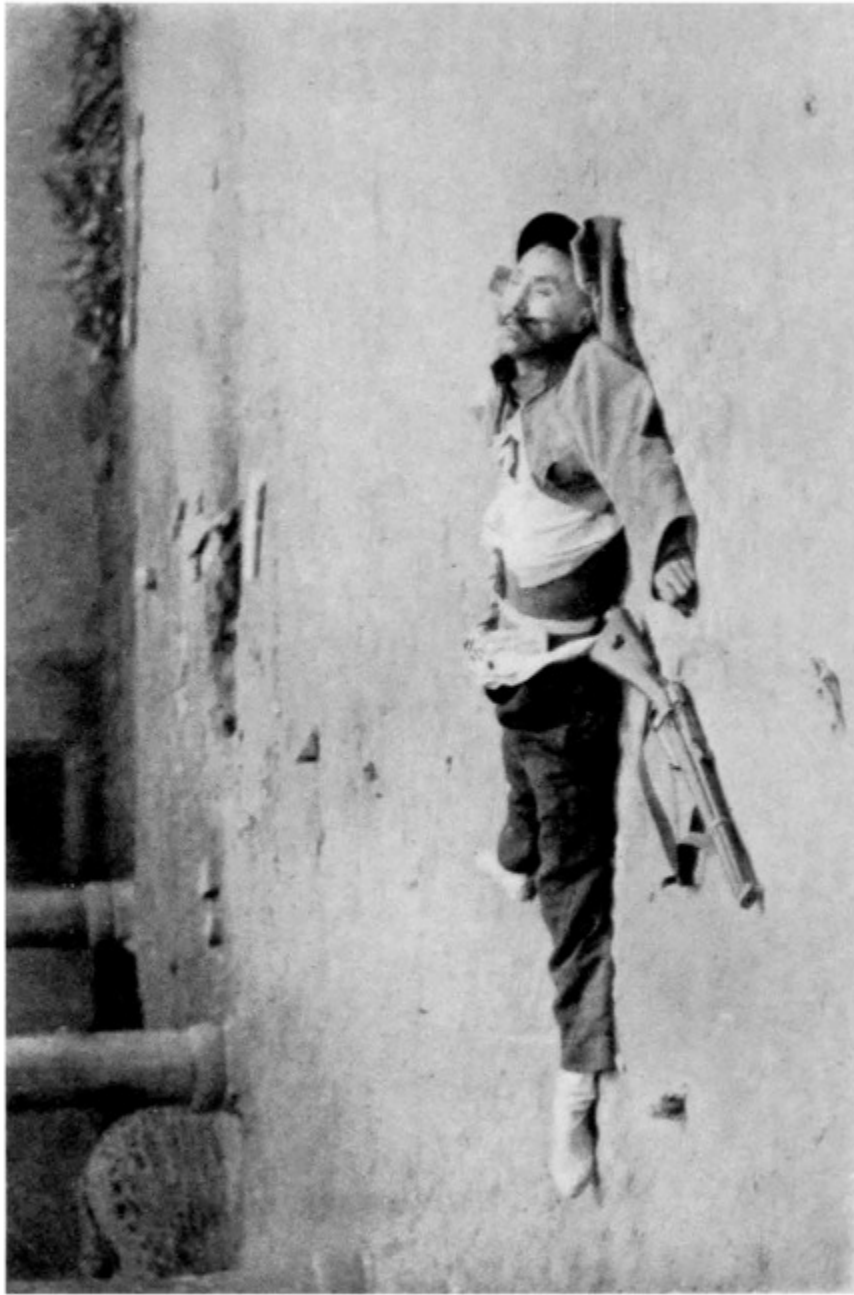
Судьба генерала Ма и его сына подробно описываются в книге Скрайна. Чаша беззакония была переполнена, и даже китайские власти не могли его больше терпеть. Генерал-губернатор провинции Синьцзян послал отряд особого назначения из Урумчи, и тот умелым маневром рано утром захватил крепость Янги-Шаар, примерно в четырех километрах от Кашгара. Сюда бежал Ма, когда его знаменитый дворец был сожжен. Командиру отряда было приказано поймать и привести *тита* живым в Урумчи, с целью, конечно, вымогательства у него значительного выкупа. Но старый злодей сдаваться не собирался. Он оказал довольно сильное сопротивление, был ранен и вывезен за городские стены. Там его застрелили, а тело выставили напоказ, чтобы люди могли видеть, что с их мучителем покончено. Его сын тоже отказался сдаться, отстреливался и был убит. Это произошло в июле 1924 года, перед моим отъездом из Кашгара.

Генерал-губернатор Синьцзяна *дуду* был убит двумя годами позже. Он был далеко позади генерала Ма в смысле жестокости, которая является врожденной для китайцев, о которых правильно сказано, что у них отсутствуют нервы. В отличие от Ма, *дуду* был высокообразованным человеком, конечно, по китайской мерке. Он имел большую репутацию хорошего знатока истории китайской философии и был автором нескольких работ на эту тему. Его философские достижения, однако, ни в коей мере не мешали ему грабить народ. Он

по аналогии с большевиками владел хлебной монополией. Когда белогвардейцы и беженцы прибыли на китайскую территорию, сложив оружие, он продал за наличные деньги этих бедняг и оружие, которое они сдали, обратно их врагам. Он заключил в тюрьму и буквально заковал в цепи лидеров белого движения, которые наивно верили в силу международных законов и вручили себя им в надежде на милосердие. Простые солдаты белой армии, сложившие оружие в поисках убежища на китайской территории, стали субъектами настоящей работорговли.

Возмездие Немесиды – генерал Ма

Одна из жертв борьбы за власть

Однажды во время официального обеда в присутствии многочисленных гостей, два китайских чиновника были расстреляны, один за другим. Их преступление состояло в том, что в какой-то мере они выразили недовольство тирану. Третий, боясь той же участи, пытался спрятаться, но был там же заколот солдатскими штыками. Обед прошел, как будто ничего особенного не случилось. Так как китайские банкеты состоят из многих десятков блюд, поглощение которых требует многих часов, то обеденного времени достаточно и для выполнения экзекуций.

Ужин у китайцев действительно считается наиболее удобным временем для арестов. Типичный пример этому атаман Анненков, который долго вел решительную борьбу против большевиков в Сибири, пока не исчерпал все силы. Затем с горсткой последователей он был вынужден искать убежище на китайской территории. Его, как выдающегося офицера, пригласили к дуду на банкет, а после ужина арестовали, бросили в тюрьму, приковав к стенке клетки.

Время ужина особенно удобно для отправки любого нежелательного человека с помощью яда в другой мир. По этой причине гости, которые имеют основания получить блюдо, специально подготовленное для них хозяином, всегда принимают меры предосторожности, меняясь поданным им блюдом с хозяином или с ближайшим соседом. Кашгарские *даоинь* и *титай*, например, бешено ненавидели друг друга, и они всегда поступали так, когда встречались на каком-то торжественный ужине или развлечении.

В базарные дни пересечения дорог у северных ворот были ареной почти еженедельных казней. Здесь публично отрезались руки, ноги, или головы наказуемых. Для этих целей использовался специальный короткий, широкий меч. Палач всегда вытирал меч куском хлеба, который он затем съедал, чтобы быть жестоким, сильным и безжалостным к людям.

Потом он сам себе наносил несколько хороших ударов кнутом, чтобы не чувствовать угрызений совести. В каждом случае казни *амбань* или местный правитель, допустивший преступление в своем районе, выплачивал штраф в двести *сар* за халатность.

После учреждения российского консульства в Кашгаре публичные казни и увечья были, но в целом уменьшилась жестокость властей. Но с развитием «национального самосознания» китайцы все меньше и меньше стали обращать внимание на мнение Европы по этим вопросам.

Когда я был в Кашгаре они отрезали руки туземцам за отказ поменять старые бумажные деньги на новые. Вот такими были строгие финансовые меры в действии!

В достижении своей цели — устрашения преступников, эти жестокие казни и пытки потерпели неудачу. Кашгарские воры не побоялись ограбить даже дворец самого грозного *титая*. Убийства ради добычи здесь происходят довольно часто, но на дорогах этой территории Китая не встречались полчища разбойников или профессиональных грабителей.

Если образованного китайца в Европе упрекнуть в том, что в его стране практикуются жестокости и пытки, он с негодованием будет отрицать этот факт и решительно утверждать, что китайские суды ни в чем не уступают европейским. В доказательство он укажет на недавно принятый закон об уголовных наказаниях, который был подготовлен известными европейскими юристами. Он и на самом деле хорош, и, возможно, превосходит любой существующий в Европе уголовный кодекс. Европейские и американские делегаты на Вашингтонской конференции были так очарованы этим замечательным кодексом и безупречным покроем хвостатого смокинга доктора Веллингтона Ку[26], что были почти готовы отдать собственных граждан в руки благородной китайской юрисдикции. Но китайцы, напуганные собственным

успехом, просили отложить принятие этого вопроса на три года. Ибо, на самом деле китайские суды так же далеки от своих законов, как и их, так называемая республика, от своей Конституции. Я очень сомневаюсь, что копию этих законов можно найти в каком-нибудь суде Синьцзяна. Кодекс законов в любом случае рассматривается как совершенно излишний. Забавную иллюстрацию этому дает случай, когда представителю компании Маркони было необходимо купить участок земли для установки станции беспроводной связи. Пытаясь при этом сделать все по закону, он попросил показать ему копию кодекса. Китайские власти просто не могли понять, что хочет от них этот англичанин, который просит какую-то книгу и откровенно удивлялись, чем она может быть ему полезна.

— Мы дадим вам любой участок земли, какой вы хотите, — говорили они. — Вы должны только выбрать место и показать нам. А мы сделаем все, что необходимо. Зачем Вам какая-то книга законов. У нас нет и никогда не было такой и никому она не нужна.

Я боюсь утомить читателя перечнем темных сторон китайского характера, но это необходимо для завершения картины жизни в Кашгаре. Условия там очень далеки от сегодняшнего западного мира и достаточно близки к средневековью, полностью отличаясь от тех, которые европейцы и американцы представляют по республикам Дальнего Востока.

Моя жизнь в этом изолированном уголке мира была бы очень одинокой и скучной, если бы не присутствие нескольких русских и наличие Британского консульства. Без них я чувствовал бы себя перемещенным машиной времени назад в дни Марко Поло. Но через Британское консульство у меня была связь с двадцатым веком и с Европой. Полковник Эссертон и мистер Н. Фитсмаурс были чрезвычайно добры ко мне. Я, так долго отлученный от книг и внешнего мира, наслаждался

чтением в прекрасной библиотеке. Газетные сообщения и телеграммы агентства Рейтер сообщали о событиях в мире. Это было настоящее окно в Европу из другого мира. Русская колония и англичане обменивались гостеприимными обедами, чаепитиями и пикниками. В Кашгаре все эти развлечения называются *тамаша*. Любой прием, пикник, даже обычная прогулка за пределами города, шоу в театре, спектакли, концерт, или любая форма развлечения называются *тамаша*. Это было самое нужное и всеобъемлющее слово. Многие вещи, которые простой житель Кашгара совершенно не в состоянии понять, становятся для него ясными, если вы назовете их *тамаша*. Когда я занимался геологическим изучением окрестностей города, блуждая среди лабиринта вертикальных стен, каналов и тоннелей, образованных в лёссах пустынной эрозией, любой сарт, случайно мной встреченный, обязательно спрашивал, что я делаю. Это было совершенно невозможно объяснить ему, но он всегда был полностью удовлетворен волшебными словами: «*Тамашага келган* (Я здесь для *тамаша*)». Вы могли даже зайти в чужой сад и опять же сослаться на *тамаша* в свое оправдание и ваша провинность будет беспрекословно оправдана.

Видя, как мы гуляем за пределами города, что может прийти в голову средневековому азиату? Конечно, *тамаша*.

Однажды я получил приглашение на *тамаша*.

— Что это будет? — спросил я.

— *Кебаб*, — был ответ, или то, что у нас в России назвали бы *шашлык*[\[27\]](#) с исполнением местных песен.

Кашгарские ужины совсем другие, чем китайские. Они, как правило, состоят только из одного блюда, иногда из двух и редко из трех. Подают неизменный *плов* или *шашлык*, или *кавардак*, вид тушеной баранины с овощами. Важным атрибутом является *дастархан*, это слово, собственно говоря, означает, скатерть. Она расстилается на столе, если

присутствуют европейцы, или на полу, если вокруг все свои, и покрыта всевозможными сладостями, сушеными и свежими фруктами, вареньем, арбузами и так далее. Все это сопровождается чаем, общением с друзьями и даже танцами. Когда приходит время для реального обеда, они приносят *pièce de resistance*^[28] в виде *плова* или *шашлыка*, который гости начинают есть с жадностью. Считается дурным тоном, заводить интересный разговор на данном этапе. Внимание сосредоточено на серьезном деле. Даже во время последующего чаепития сохраняется достойная тишина, которая способствует лучшему пищеварению. Когда гости отведали от души сытной и тяжелой пищи, отказ от которой оскорбителен для хозяина, а алкогольные напитки запрещены, и все условия способствуют сонливости, тогда гости освобождаются и уходят спать.

Однажды вечером я был приглашен на *дастархан*. Гостей развлекала дама в платье из красного шелка и в черной вельветовой безрукавке, расшитой золотом. Ее черные блестящие волосы были украшены золотой короной, с которой гирляндами свисали золотые украшения. Сидя среди подушек на ковре, покрывающем пол, она аккомпанировала себе на *дутаре* — местном, похожем на гитару инструменте, и пела современные баллады неизвестного автора, о подвигах туркестанского героя Хал Ходжи, который умер на Тянь-Шане в 1922 году.

Много лет назад Хал Ходжа, как и многие герои Центральной Азии, был разбойником в Фергане. Захваченный царским правительством, он был сослан на каторгу в Сибирь. Вернувшись на родину, незадолго до большевистской революции, Хал Ходжа вскоре объявил себя жестоким противником советской власти. Он собрал группу смельчаков и они начали нападать на поезда, отряды Красной Армии, а однажды даже захватили город Андижан. Он быстро стал национальным героем Туркестана. Антибольшевистское

движения, созданное им, распространилось по всему Туркестану и угнетенное коренное население возлагало большие надежды на него. В марте 1922 года при отходе через горы на китайскую территорию, Хал Ходжа был захвачен лавиной в глубокой узкой долине, и вся его группа из трех сотен человек была уничтожена. Еще раз судьба сыграла на руку большевикам, освободив их от наиболее опасного врага и рассеяв последние надежды несчастного населения Ферганы. Уроженцы Кашгара приняли близко к сердцу беду их сородичей отчаянно и долго сражавшихся за восстановление старого режима в Туркестане. Их чувства нашли свое отражение в стихах и музыке, посвященных памяти Хал Ходжи в балладе, которую пели в Кашгаре в начале 1922 года. Она заканчивается призывом: «Проснись от сна твоего под снегом! Встань снова, чтобы защитить угнетенных!»

Эта зима была очень трудной. В горах выпало много снега и сообщение с Русским Туркестаном было прервано или было сопряжено с чрезвычайными трудностями. Ужасные слухи приходили к нам с той стороны. На базаре мужчины говорили, что в России был страшный голод и что в Оренбурге люди убивали и ели друг друга. В марте Консульство получило французскую газету *L'illustration* с ужасными фотографиями из Оренбургской области. На них были показаны груды тел мужчин и женщин, лежащих без погребения на кладбищах, умерших от голода — их некому было хоронить. На других — покрытая снегом степь была усеяна истощенными телами замерзших киргизов. В стране, когда-то такой плодородной и житочной первыми плодами рук Ленина стал каннибализм.

Британское Генеральное консульство в Кашгаре

Летом 1922 года полковник Эссертон — генеральный британский консул и мистер Н. Фитсмаурс — вице-консул покинули Кашгар и их место заняли мистеры К.Р. Скрин и Хардинг. Русская колония сердечно проводила отъезжающих друзей, которым она была благодарна за гостеприимство и доброту. Наделало шуму в русской колонии, особенно среди дам, известие, что прибыла также и госпожа Скрин, что означало присутствие хозяйки в великолепном здании Британского консульства. Не обошлось без небольшого внутреннего трепета, когда наши дамы получили первое приглашение на чаепитие в саду консульства. Были трудности с языком, конечно, и также понятно состояние некоторых женщин, которые впервые встречали даму одной из великих столиц Европы, в то время как они долгие годы находились в заточении в таком диком месте. Но они сразу почувствовали легкость от непоказной простоты и безупречного такта хозяйки, к которой все сразу почувствовали любовь.

Столы были накрыты в тени высоких деревьев среди кустов роз, рядом был пруд с цветущими лилиями. Отличное обслуживание и предметы сервировки стола, огромный пытящий самовар, испускающий облако пара, один вид которого завораживает любое русское сердце, сразу создали атмосферу непринужденности и дружелюбия. Несмотря на неудобство общения через переводчика, беседа сделалась живой и все безмерно веселились. Это был праздничный день для нашего бедного небольшого кашгарского общества, открывший для нас новую перспективу возможностей для досуга и развлечений среди небольшой колонии, которая не в малой степени страдала от депрессии и однообразия. Мистер и миссис Скрин никого не разочаровали за все время их пребывания в Кашгаре. Благодаря многочисленным *тамаша* и своим жизнелюбием, они приносили много света и счастья в семьи, которые забыли радость жизни. Очаровательная

молодая хозяйка Британского консульства была на самом деле общественным благодетелем, который заслужил нежную благодарность от всех нас.

И, прежде всего, от детей нашей маленькой колонии. Бедные маленькие души не имели ни игрушек, ни книг, и их жизнь была не очень счастливой до сих пор. Но теперь в консульстве провели целый ряд радостных развлечений, увенчанных прибытием такого персонажа как сам Дед Мороз с огромным мешком, полным разных прекрасных вещей из Европы. О таких игрушках дети даже никогда не мечтали. Неудивительно, что они твердо поверили в мир магии, свершившейся в Кашгаре, и в добрую фею из сада британского консульства.

ГЛАВА IV. Природа. Поездка в Марал Баши

Звери, птицы и растения — Проблема опиума под новым углом — Поездка в Марал Баши — Охота и естественная история — Падение в воду

Зимой в Кашгар через Тянь-Шань добираются гости с севера: гуси, утки, кулики и другие птицы. Здесь их не очень много, так как основной путь миграции птиц из Сибири проходит далеко на востоке, но все-таки на незамерзающих ручьях и теплых источниках в окрестностях Кашгара достаточно птиц. Каждый зимний вечер высокие деревья в садах покрываются стаями черных ворон (*Corvus intermedins, Adams*) и грачами (*C. frugilegus*), которые поднимают страшный шум. Перед закатом еще летят вниз по реке стая за стаяй красные утки или огари (*Casarca ferruginea, Pall.*). Их звонкие трубные крики, одновременно схожие со звуками горна и собачьего лая, за что киргизы

называют эту красивую утку «Ит-ала-каз» — собачий пестрый гусь.

С приходом зимних холодов великолепные родники, рядом с садом Британского консульства, с чистой, никогда не замерзающей водой, превращаются в настоящий зоопарк. Большие стаи скворцов отягощают деревья и наполняют воздух своим приятным щебетом и свистом, как они это делают в Лондоне на карнизах Британского музея. Наши кашгарские скворцы представлены *Sturnus nitens* и *St. purpurascens*. Они мигрируют в зимний период в Индию, в то время как обычные европейские виды *St. vulgaris* занимают их места. Каждый год прилетают сюда на зимовку особи большой белой цапли (*Egretta alba*, L.), иногда вместе с серой (*Ardea cinerea*, L.) Огромные стаи воробьев (*Passer indicus*) располагаются в местах, согретых солнцем, а на болоте вы можете встретить погоньшей-крошек (*Porzana bailloni*, Vieill.), которые очень доверчивы. Они позволяют взять себя на руки, не оказывая никакого сопротивления, и, если положить их обратно, не делают никакой попытки к бегству и продолжают спокойно прогуливаться, поклевывая корм. Их старший брат — водяной пастушок (*Rallus aquaticus*, L.) тоже не проявляет страха перед человеком. В кустах порхают крапивники (*Troglodytes pallidas*) и несколько азиатских представителей бекасов (*Scolopax stenura*, Kuhl.) единого европейского вида проводят зиму в этом болоте. А ближе к сумеркам две или три кряквы обязательно опустятся вниз.

Я никогда не решался стрелять на этом болоте, проходя для охоты километр или два на восток к рисовым полям, которые тянутся между городскими стенами и болотами. Там было много бекасов, и я был уверен, что встречу большого дупеля (*Capella media*. Lath.), в два раза крупнее обычного и скорее похожего на вальдшнепа, но более серого цвета. Они всегда встречаются в одиночку, поэтому одно из его названий —

одиночный бекас, который избегает не только компании других птиц, но даже и собственного вида. Ходжсон [29] назвал его *Scolopax solitaria*.

Несмотря на холода, в ясные дни в нашем зоопарке мы могли услышать приятные песни трясогузки (*Motacilla dukhunensis*, Gould), неперменным обитателем каждой улицы, двора и сада Туркестана. Встречаются и другие разновидности трясогузки (*M. personata*, Gould, and *M. luzoniensis*, Scop).

На глиняных стенах британского консульства часто можно увидеть красные, похожие на алые маки, проблески крыльев стенолаза (*Tichodroma phoenicoptera*) — красивой птицы, старательно собирающей пауков и насекомых, впавших в спячку в щелях стены. Эти любители гор вынуждены спускаться вниз на равнины из-за сильных морозов и глубоких снегов в альпийской зоне. Еще одна красивая птица — наш зимородок (*Alcedo bengalensis*), живым изумрудом трепещущий над водой. Я очень любил смотреть на этих птиц и часто проводил долгие часы в единении с природой в моем личном маленьком зоопарке.

Предвестниками весны были неотделимые от жилья в Туркестане удода. Появление воздушных змеев — коршунов (*Milvus govinda*, Sykes) в синем небе Кашгарии и их пронзительные душераздирающие крики — верный знак начала жаркой погоды. К этому времени поля зеленеют, деревья покрываются листвой, северные гости уже улетели домой, местные вернулись к местам своих гнездовий, вороны разлетелись по полям и наш зоопарк опустел.

Птицы скрываются в зеленой листве и к ним трудно подобраться. Долго и терпеливо надо просматривать плотную листву высоких тополей, чтобы найти гнезда так называемых испанских воробьев (*Passer hispanicus*), появившихся Бог знает откуда, или великолепных больших чечевиц (*Carpodacus rubicilla*), которые выглядят как воробьи, искупавшиеся в крови,

или нашей местной иволги (*Oriolus kundoo*, Sykes), чьи песни можно слышать достаточно часто, но увидеть птицу можно только в полете. Кашгарские сарты и китайцы любят птиц. В их садах формируется своя собственная постоянная фауна. Сарты часто держат петухов перепелов и куропаток в клетках для птичьих боев. Петухи этих птиц очень драчливы и их бои любимый спорт среди туземцев Туркестана. Очень хорошо проплачиваются ставки боев и приз победителей достигает значительных объемов. Характерные песни перепелов и куропаток, как правило, можно услышать на базарах городов и селений. Кашгарские перепела принадлежат, по-видимому, к различным видам. Куропатки также различаются по ареалам, в Яркенде и в Ладаке наблюдаются совсем другие формы.

Любопытно, что в другой стороне Старого Света, в Испании, местные куропатки, кузины нашего восточного *кеклика*, также используются в качестве бойцовой птицы, и ловятся теми же способами, что и в Азии. Возможно, этот обычай привнесен сюда арабами, влияние которых так сильно отмечается в Испании и в Кашгаре.

Кеклик является доверчивой птицей, с выраженной тенденцией к приручению, но человек злостно злоупотребляет его доверием ради вкусного мяса. Там, где их оставили в покое, как например, в Малом Тибете, они живут сами по себе недалеко от дома среди обычных обитателей садовой фауны, таких как воробьи и голуби. В одном из моих прежних рудников, расположенном в горном ущелье, я делал все, чтобы защитить птиц, и *кеклики* бегали стаями рядом с выработками, как домашние птицы, не пугаясь даже звуков выстрелов. Выходя из своей клетки, они не улетают в горы или поля, а поселяются в ближнем саду, как правило, выбирая женщину своей покровительницей. Когда я жил в Ташкенте, одна из этих птиц случайно привязалась к моей знакомой девушке, последовала за ней в дом и стала совсем ручной. Однажды моя

жена готовила варенье в саду, как это было принято в нашей стране, во двор залетела пара кекликов, одна птица села рядом, а другая на ее плечо. Обычно эти птицы садятся на плечо, выпрашивая корм. В Индии кеклик (*Caccabis chukar*) является символом спортивной птицы.

Моими любимыми птицами в Кашгаре были голуби. Здесь они представлены двумя родами. Один из них *Streptopelia stoliczkae*. Эти птицы примерно такие же по величине как домашние голуби, нежного серовато-сиреневого цвета с пятнами розовых проблесков, с бархатистым черным воротником. Живут они только в сельских садах и я не встречал их вдали от человеческого жилья.

Другой вид голубей *Peristera cambayensis*, Gmel. Они намного меньше, одного розовато-коричневого цвета. Они часто содержатся в клетках и в Европе известны как египетский голубь. Оба вида являются неотъемлемой частью каждого дома, сада или двора в Кашгарии, особенно второй, который, кажется, сильнее привязан к человеку. Они посещают сараи, склады, веранды и даже жилые дома, если двери или окна оставлены открытыми. Каждый год пара этих очаровательных птиц выкармливали своих птенцов в моей комнате, делая гнезда на плите. Самец птицы собирает материал, а самка строит гнездо, каждый участник при этом благодарно воркует, признавая вклад другого в общее дело. Молодые птицы покидают гнездо, когда они еще не могут летать, проводя все свое время во дворе, куда их родители прилетают кормить. Через несколько дней птенцы становятся независимыми, и тогда старые птицы вновь латают гнездо, готовясь получить второй выводок. Я не приручал молодых голубей, но взрослых птиц прикармливал хлебными крошками на окне. Они очень быстро привыкли к этому и вскоре поняли, что можно брать крошки из блюдца, которое я держал в руке, и, в конце концов, они кормились прямо из моих рук. Птицы садились на руку или

плечо и, если я лежал в постели поздно утром, залетали в комнату, садились на подушку или на голову. Все голуби, которых я смог приручить, были из мелкого вида. Большие тоже подлетали к окну, но никогда не брали корма из рук. Они постоянные здешние обитатели, в то время как мелкий вид появился здесь из Ферганы в конце девятнадцатого века. Каждая пара птиц ежегодно гнездится на своем собственном определенном месте, изгоняя прочь чужаков. Мои голуби, узнавая меня на улице, слетали вниз, чтобы поприветствовать меня, но никогда не выпрашивали еды. Они боялись других людей, даже тех, кто был в моей комнате. Интересно, что ни один из этих видов голубей не живет где-нибудь в Центральной Азии реально в диком состоянии, например в лесах. Всюду они обитают только совместно с человеком. В Центральной Африке, наоборот, два подобных больших вида живут только в лесах. Из малых видов *Peristera* иногда живут в городах, но другие голуби тоже избегают близости с человеком. Может ли это означать, что обе эти птицы были ввезены в Центральную Азию из Африки, и в своем новом доме не хотят расставаться со своим защитником, который принес их сюда? Любопытно, что кашгарский голубь (*Streptopelia*) неизвестен в Западном Туркестане. Тогда каким путем он попал в Кашгарию из Африки?

Есть несколько видов млекопитающих в кашгарском регионе, которые не были должным образом описаны. Например, дикая кошка — родственница камышового кота (*Felis chaus*), особый вид куницы, и, по крайней мере, один новый вид летучих мышей.

Существует одно дикое животное в Центральной Азии, которое показывает примечательную привязанность к человеку, несмотря на его ночной образ жизни. Это еж. В Центральной Азии известны три их вида. В киргизской степи — *Erinaceus auritus*, в Западном Туркестане — *E. russowi* и в Восточном — *E.*

albiventris. Они меньше, чем европейские виды, более желтоватого цвета, с широкими ушами. Все три вида очень похожи и одинаково привязаны к людям. Всем известен сердитый характер обычного европейского ежа, как он скручивается в клубок при подходе человека, как бесполезно пытаться его раскатать, как злобно он фыркает на своего предполагаемого противника и старается уколоть иглами всякого, кто захочет прикоснуться к нему. Наш маленький азиатский еж ведет себя так только по отношению к животным, но при виде человека не сворачивается в клубок и не делает попытки убежать, это позволяет подобрать его как котенка. Если это маленькое существо подвергается нападению собак, которые при этом страшно лают, он скатывается для самообороны, а если вдруг появляется человек, он бежит к нему, как к своей естественной защите. Если вы возьмете его на колени, он будет лежать как котенок, и вполне доволен, если ему щекочут шею или гладят немного бархатистый животик. Он даже опустит свои колючки, чтобы ему поглаживали спинку. Но это еще не все. Если вы положите его на стол, он будет кормиться из ваших рук, пить молоко или съесть крошечные кусочки мяса. Это действительно удивительная вещь для совсем дикого зверька, который никогда, наверное, не видел прежде человека, никогда не был прирученным, но пойманный ведет себя так же, как котенок, который стал, так сказать, цивилизованным с незапамятных времен. Я находил этих маленьких ежей в киргизских степях, в садах Ташкента, в горах Тянь-Шаня и в пустынях и садах Кашгара, и везде они были совершенно ручными, позволяли мне свободно к ним подойти и приласкать их.

Жители Кашгара любят содержать диких животных в неволе. К нам часто делали почтительные визиты великолепные *киики* или козероги (*Capra sibirica*). Они взбирались на крыши домов и городские стены, как кошки, без сомнения принимая их

за родные скалы и утесы. Они очень любят хлеб и особенно табак, который жуют так же легко, как любой сарт или янки. Газели — оба туркестанских вида *Gazella subgutterosa* и его более восточная сестра *G. yarkandensis* тоже очень любят табак. Они легко приручаются и приходят в комнату, выпрашивая сигареты. Эту страсть можно проверить в зоопарке. Когда мы хотели переманить газелей с нижней части сада, было достаточным показать портсигар и постучать по нему, и они быстро прибежали за своим любимым лакомством. К сожалению, почти невозможно держать таких животных в самом городе или рядом с ним, рано или поздно они становятся добычей уличной стаи собак. Большинство бесхозных собак больны паршой или страдают от лейшманиоза — страшного заболевания, которое может передаваться и детям. Днем бездомные собаки — тихие и безобидные животные. Большую часть светлого времени они спят на улицах или в логовах, вырытых ими в стенах и заборах. Ночами же собаки отправляются мародерствовать. И никакие заборы и стены любой толщины не удержат от их, казалось бы, разумной дьявольской хитрости. Овцы, козы, телята, птицы — все становятся жертвами их жадных пастей. Местные жители терпеливо переносят неприятности, исходящие от собак, и даже не пытаются уничтожить их. Нередко среди собак наблюдается бешенство, и тогда они кусают людей и других собак, но как ни странно, согласно наблюдениям российских и шведских врачей, случаев бешенства среди людей не было известно в Кашгаре в течение тридцати лет.

Мне удалось наблюдать различные игры с молодым снежным барсом (*Panthera uncia*), которого держал в неволе один сарт. В отличие от его более известного кузена обычного леопарда Африки и Индии, которого мы русские знаем по Кавказу, снежный барс Центральной Азии очень легко приручается, в неволе становится спокойным, хорошо себя

ведет и очень дружелюбен по отношению к людям. Я знаю несколько случаев, когда барсы, пойманные молодыми, воспитывались как домашние животные, живущие в доме и не трогающие птиц. Единственное неудобство в том, что они становятся слишком ласковыми и их игривость становится надоедливой, так как они постоянно вовлекают людей в свою шумную возню.

Барс очень умное животное. Когда его выпускали из клетки, он тут же начинал играть, и, если его игра становилась слишком грубой, стоило только отдать резкий приказ, и он сразу останавливался. Я легко научил его нескольким словам команды, которые он понимал и всегда выполнял. Однажды, когда барс поранил себе спину и его принесли в лазарет к русскому врачу, он спокойно позволил выбрить спину и обработать рану. Барс стоял всю операцию, мягко облизывая руку врача, видимо понимая, что человек делает ему добро. Не многие дети будут так спокойно себя вести, позволяя врачу работать без суеты.

Флора в Кашгарии также очень интересна. Есть своеобразный кустарник с красными съедобными ягодами вроде вишни, которые созревают в самом начале весны. Туземцы, называют его *женишту*, что близко к латинскому *Planta genista* и связано с английской историей династии Плантагенетов [\[30\]](#), получившей имя от этого растения. Заметим, что в Европе несколько растений имеют это название, но слово *genista*, безусловно, азиатского происхождения. Это не единственное центральноазиатское слово, вошедшее в европейские языки. Даже такое английское слово *hurrah!* и русское *ура!* не что иное, как боевой клич тюрков, киргизов и, без сомнения, их предков скифов, принесенный в Европу гуннами и оставшийся там. Буквально оно означает «Бей!», «*Урр!*» по-тюркски. Другое тюркское слово *ураган*, также звучит

и в России, французы сделали его *ouragan*, англичане — *hurricane*.

Еще одно растение Центральной Азии вполне может иметь большое будущее в текстильной промышленности. Это низкорослый кустарник с соцветием розовых цветов, известный по местному названию как *кендырь* или *турка*. Он имеет два вида *Arcyuth venetum* в Западном и *A. hendersoni. Hook.* в Восточном Туркестане. Оба вида дают первоклассное, тонкое, очень длинное волокно, как лен. Из молодых растений, срезанных весной, получают тонкий, белый, блестящий, нитевидный шелк, ткани, сотканые из него, трудно отличить от натурального шелка. Если волокно берется из зрелого стебля осенью, оно становится грубее по текстуре, коричневого цвета, как *джут*, но мягче и тоньше. Это волокно не только прочное, но также имеет очень важную особенность — оно не гниет в воде и не портится от сырости. Трудно придумать более подходящий материал для рыболовных сетей, морских канатов и подобных материалов. В Хиве и на Аральском море рыболовные сети, канаты и т. д. — все сделано из *кендыря*, а рыбаки никогда не устают петь ему хвалебные песни. Но нет никакого промышленного его производства. Растение растет в диком виде в изобилии вдоль песчаных берегов Аму-Дарьи и женщины — *каракалпаки*, или черные шапки, которые идентифицируют себя с меланхленами Геродота, в домашних изделиях делают различные вещи из него. Это многолетнее растение устойчивое к морозам до -25 и даже -30 градусов Цельсия, требует только увлажненные почвы. Я думаю, оно может с успехом выращиваться во многих странах, и станет важным сырьем для промышленности.

Третьим интересным растением в Кашгарии является *тузрак* (*Populus diver sifolia*). Это дерево, иногда высотой с европейский тополь, только листья толстые и жесткие. Примечательно, что на нем вместе с обычной листвой вы вдруг заметите побеги,

растущие из ствола с длинными, тонкими, нежными листьями, как у ивы. Деревья имеют необычное свойство расти на сильно засоленных почвах и формируют большие леса на глинистых грунтах, где летом и зимой земля выглядит так, как будто она покрыта белой пленкой солеподобного снега.

Говоря о растительности китайского Туркестана, мы не должны пройти без упоминания одного растительного продукта, который играет доминирующую роль в жизни китайцев, а также в определенной степени и местных сартов. Это опиум.

Я не думаю, есть ли другие примеры такого вопиюще неуклюжего и спонтанного вмешательства европейцев, при полном незнании внутренней жизни и психологии китайцев, в борьбу с использованием курения опиума, так глубоко и с незапамятных времен укорененного среди населения Китая. Никогда лицемерие Европы и Америки не поднималось так высоко, и они увидели соринку в глазу своего китайского соседа, но были слепы к бревну в своем собственном.

В первую очередь я, будучи некурящим, должен сказать, что умеренное курение опиума приносит человеку такой же физический и моральный вред, как и курение табака, то есть, практически незначительный. Реальный вред наносит только избыточное курение и табака и опиума. И наносить себе вред — дело сугубо личное. Курение — очень дорогое удовольствие и злоупотребление им доступно только богатым. Те, кто балуются им в меру, не испытывают никакого физического вреда и довольно часто достигают глубокой старости. Что касается действия опиума на мозг, то его курение развивает в человеке чувство превосходства над другими, уверенность в себе, изрядное хвастовство, уменьшает чувство насилия и опасности, притупляет чувство осторожности и страха, ответственности в драках или убийстве. Почти также действуют крепкие алкогольные напитки, которые обычны на Западе.

Опиумный курильщик, покидая этот жесткий мир реальности, вредит себе сам, не представляя опасности для окружающих. Он мирно спит, просыпаясь, снова затягивается и опять выключается. Конечно, я не рекомендую заменить спирт на опиум. И то и другое — зло, оба наркотики, но крепкий алкоголь неизмеримо хуже, его чрезмерное увлечение приносит серьезный вред организму, подрывает здоровье и наносит плачевные результаты даже следующему поколению.

Разве не правы китайцы, когда они говорят народу Запада, который делает большие усилия, дабы вылечить их от дурной привычки курения опиума: «Врач, исцели себя сам!?» Лига Наций тратит время и средства на безнадежную задачу избавления миллионов от привычки, которая укоренилась в них за тысячи лет. Конечно, лучше было бы тратить деньги и усилия ближе к дому, в борьбе с алкоголизмом, бичом нашей западной цивилизации, и предоставить миллионам китайцев принять решение самостоятельно.

Не стоило обсуждать борьбу с опиумом, если бы она была только невинным красноречием и возвышенными резолюциями Опиумного комитета Лиги Наций, не производящими большой реакции на несчастный народ Китая. Но республиканские власти, желающие показать всему миру, что они такие же современные и передовые, как и государства Европы, издали во всех провинциях суровые указы о пресечении опиумного курения и запрете выращивания мака, на самом деле пошли так далеко, что субъект нарушения указа подлежит смертной казни! Вмешательство сентиментальной Европы в дела, о которых у них нет понятия, в действительности приводят к смертной казни грешников, выращивающих мак. В одной провинции указ спокойно игнорировали, поскольку местные власти пристрастились к привычке курения, либо занимались очень прибыльной торговлей наркотиками. В другом случае, они используют указ,

как преимущество, став монополистами продажи опиума в своей вотчине. В третьем — головы виновных покатились на землю — курильщиков, производителей и поставщиков, даже, если они были только подозреваемыми. Если всего несколько семян мака упало случайно на земле человека и зацвели, этого уже достаточно, чтобы лишить его головы.

Конечно, все это сопровождалось вымогательствами и жестокостью, принятыми в Китае. Если подозреваемый не в состоянии купить себе свободу, то, как бы в назидание другим, его подвергали известной пытке *канг*. Беднягу помещали в клетку, установленную на кладку из тонких кирпичей, а его голова, выступала через отверстие в досках деревянного щита, закрепленного так, что, убирая каждый день, по одному кирпичу, тело преступника растягивалось, зависая на шее, пока та не сломается. Для устрашения других потребителей опиума голова казненного вывешивалась на городской стене.

Имеют ли лица, сидящие в удобных офисах на берегу Женевского озера, малейшее представление о страданиях, душевных и физических пытках, к которым повлекло их вмешательство в жизнь несчастного населения Китая, избавляя его от ужасной привычки курения опиума?

В Кашгаре официально торговли опиумом не существует и его импорт запрещен. Но все это здесь процветает. Советское правительство, запретив выращивание мака в Семиречье, вскоре поняло важность статьи дохода от торговли опиумом с Китаем, и начало поощрять его выращивание, оставляя за собой монополию на его сбор и продажу в Индию и Кашгарию, организовав своеобразную систему бартера. Кашгария обладает значительными возможностями производства гашиша из индийской конопли (*Cannabis indica*), которая специально здесь культивируется. Гашиш контрабандой отправляется в Индию, а тамошние торгошники завозят опиум

из Афганистана. Персидский опий — лучший в мире, идет контрабандой в Кашгар. Так осуществляется межнациональный оборот наркотических средств. Опиумная контрабанда связана с небольшим риском, поскольку высокой стоимости товар занимает небольшой объем и его легко спрятать, к тому же не трудно подкупить китайских пограничников. Какой китаец может удержаться перед привлекательным снадобьем, приносящим в его душу покой и забвение и уносящим его в мир сладких грез и фантазий?

В редких случаях китайские власти, «официально» захватив крупную партию опиума, которую невозможно скрыть, организовывают общественное *auto-da-fe*^[31]. Само собой понятно, что основная часть конфискованного опиума находит свой путь в карманы власти и только небольшая часть публично сжигается. Поиск развлечений привлекает большую толпу зевак, вдыхающих сладкий дым от любимых трав. Сами власти и народ удивляются глупости Европы, настоятельно требующей бессмысленного сжигания такого драгоценного вещества, в сердцах проклиная иностранцев за их глупое вмешательство.

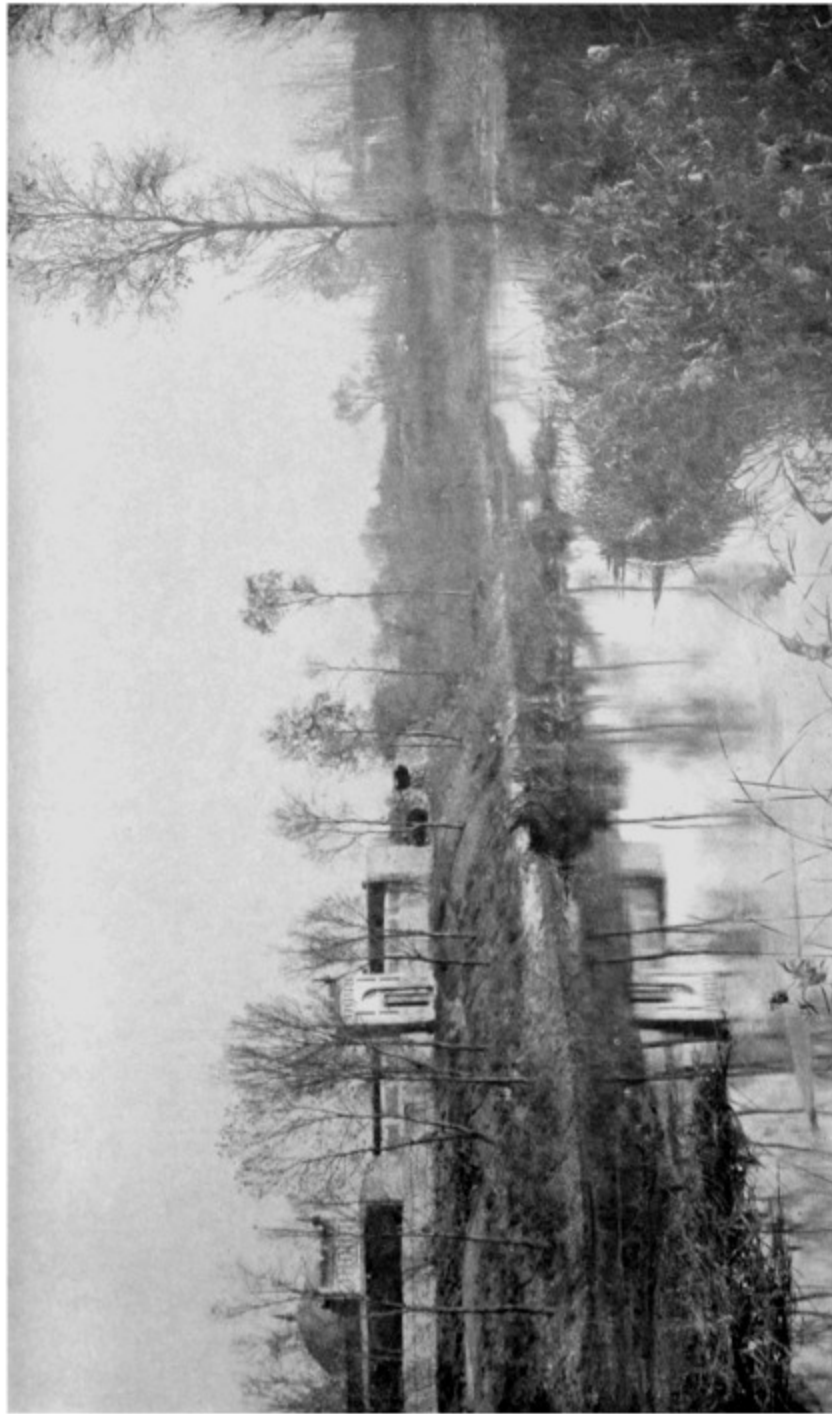
Мистер Скрин пригласил меня присоединиться к нему на две экскурсии по Кашгарии, за что я ему очень благодарен, так как он дал мне возможность увидеть намного больше, чем я мог сделать самостоятельно. Одна из них была на запад, к предгорьям гранитного массива, образующего северную группу вершин Кунгура и Чакраджила, другая — на восток к Марал Баши, Яркенд-Дарье в просторы большой пустыни Такла-Макан.

Поездка в долины Кара-Таша и Каин — Березовую долину, к ледникам Кунгура подробно описаны Скрином в его книге. Счастливая долина, как мы называли долину Каин, сформирована среди известняков и сланцев каменноугольного возраста, сильно измятых и деформированных, местами стоящих вертикально. Огромные складки образуют массивные

горы. В нижней части долины известняки богаты ископаемыми раковинами и растительными остатками. В одном месте я видел большой ствол лепидодендрона [\[32\]](#). В верхней части известняки пересекались дайками порфирита. В долине Кара-Таша местные жители разрабатывали уголь.

«Счастливая долина». Каин жылга

Кашгар-Дарья в полутора километрах ниже Марал Баши

Дорога от Кашгара до Марал Баши — Оленьей головы, проходит по местности с очень разнообразным пейзажем. От кашгарского оазиса до Файзабада простирается безводная равнина. Вдали на горизонте безжизненной плоской поверхности выделяется гора в виде возвышенного конуса, похожая на одиночный вулкан, и вид ее почти не меняется на всем пути к городу Марал Баши, она постепенно приближается и увеличивается в размерах, пока не превращается в огромную массивную гору. Разрезанная ущельями и оврагами, она заманивает своей дикостью, загадочным образованием и местоположением, таинственным мраком своих голых скал и каньонов. Это Мазари-Тау — Гора могила. С севера и востока и, частично с юга гора ограничена низкой грядой отдельных холмов, которые располагаются в виде полумесяца в нескольких километрах от подножия горы. Эти холмы имеют своеобразную форму: стороны, обращенные к горе, почти отвесны, а другие, полого понижаясь, постепенно переходят в равнину. Опытный глаз геолога сразу находит объяснение этому своеобразному строению Мазари-Тау. Огромная масса базальтов подняла горизонтально залегающие эоценовые пласты, пока они не лопнули, как нарыв. Очевидно, в конце третичного периода[33] этот гигантский конус был поднят на многие сотни метров над уровнем равнины Марал Баши. Эрозия сгладила мягкие осадочные отложения, оставив только ряд небольших холмов и обнажив ядро вулкана, который в свою очередь в настоящее время разрушается оврагами и водными потоками.

Если ехать в обратном направлении, то на всем пути впереди доминирует огромный массив Кунгура и с этого расстояния можно видеть насколько он выше окружающих гор.

Очень интересны, так называемые пустынные леса. Их можно видеть по дороге, которая идет вдоль реки Тюмен. Они состоят из разнолистного тополя, упомянутого выше, и двух других видов: *Populus euphratica* and *P. Pruinosa*, оба называемые турак или туграк туземцев, тамариска (*Tamarix gallica*, Linn, и *Myricaria germanica*, Desf.), ивы и *Ammodendron karelini*, своеобразного колючего кустарника, стручки которого с семенами являются любимой пищей фазанов.

Такие леса придают пустыням необычный вид, образуя вдоль берегов рек и редких озер туркестанские тугайные заросли. Дальше от рек суглинистая почва или мелкий песок покрыты солью, как снегом. Там вместо трав растут суккуленты и солянки различной окраски — зеленые, желтые, красные, которые придают фантастический вид пейзажу. Подземные воды залегают здесь не глубоко, всего в нескольких метрах от поверхности, но, как и вода в реках, они тоже солоноваты. В местах водотоков и рек находятся каналы для орошения полей немногих разбросанных селений. На этих соленых почвах и сухом воздухе под жарким кашгарским солнцем созревают замечательные ароматные дыни. Они гораздо вкуснее, чем в самом Кашгаре, но арбузы здесь не так хороши, имея солоноватый вкус от воды.

Другой характерный элемент местного пейзажа представлен песчаными буграми своеобразной структуры. Они обычны для равнин Центральной Азии, где соль и глина вместе с пучком какой-то травы образуют на высушенной поверхности низкие кочки. Но в описываемом районе массы песка образуют бугры, высотой в 3—5 метров, которые опираются на высокие кусты или группы деревьев, иногда довольно высокие и толстые. Эти бугры часто расположены настолько близко друг к другу, что между ними нет проезда. Когда вы пробираетесь через них, то чувствуете себя в каком-то странном лабиринте, где корни деревьев находятся высоко над вашей головой.

Причиной образования такого своеобразного вида преград является борьба растений с наступающими песками. Растение поднимается выше и выше, в то время как ветер насыпает кучи песка на корни и нижние ветви, точно также как это делают иногда садовники. Такие песчаные конические бугры похожи на пирамидальные термитные гнезда Центральной Африки, которые также нередко прорастают сверху кустарниками или деревьями. Содержание соли в почве и количество глины способствуют формированию этих странных кочек. В районах подвижных песков и ветровых дюн такие пирамиды не образуются. Ветер, встречая сопротивление корней, наносит, можно сказать, основной удар в пространство между буграми, где песок не удерживаясь, выдувается, постепенно снижая уровень земли. Необычным результатом этого является то, что многие очень старые дороги в Туркестане находятся на более низком уровне, чем окружающая местность, как будто они погружены в искусственные траншеи. Во время долгого сухого жаркого сезона поверхность дороги, особенно там, где она проходит через отложения мягких лёссов, истирается в очень мелкую пыль которая уносится ветром и покрывает все вокруг.

Одним из наиболее важных кустарников, которые способствуют формированию этих бугров, является *Nitraria stroberi*, Linn, с небольшими, серовато-зелеными, кожистыми листьями и черными съедобными сильно солеными ягодами. Это растение имеет удивительно обширный ареал распространения. Оно растет в пустынных местах, не только в Персии, Туркестане, киргизских степях, в юго-восточной части России, в Семиречье, Кашгарии, Монголии и дальнем Тибете, но и в пустынях Австралии, и я также сталкивался с ним в Южной Африке. Вряд ли может любой другой вид растений, завоевать настолько широкое распространение чисто естественным путем, без вмешательства человека.

Описываемый район имеет богатую фауну. Здесь водятся кабаны, джейраны, волки, рысь и довольно мелкий вид зайца, который, я думаю, отличается от *Lepus lehmani*, Eversman. Птичьего населения здесь в изобилии: много фазанов и есть несколько видов диких уток и гусей. В зарослях трав и кустарников я часто сталкивался с птицей, очень редкой даже в музеях — пустынной сойкой (*Podoces hendersoni*, Hume). Иногда она производила свист или прерывистые звуки, напоминающие ржание жеребенка.

В селе Ордоклы — Утиное я встретил группу из семи туземцев, едущих верхом на лошадях. У каждого на руке сидел орел, подготовленный для охоты. На этот раз они собрались охотиться на лис.

Марал Баши находится в 230 километрах от Кашгара среди безводной пустыни, в которой без искусственного орошения отсутствует всякая жизнь и растительность. Даже берега рек здесь голые и бесплодные. Но сам Марал Баши окружен зеленью и отличными пастбищами. Берега реки и озера поросли тростником, зарослями кустарников и деревьев. Почва здесь очень плодородна, все полно жизни и зелени, и человек может содержать здесь себя и домашних животных без искусственного орошения. Река Кашгар Дарья образует обширные разливы в районе Марал Баши — прекрасное убежище для уток и гусей. Она впадает в Яркенд Дарью, которая течет с юга. Берега последней покрыты тугаями, — пойменными зарослями трав, кустарников и деревьев. Раньше там было много оленей и водились тигры. Я видел пару оленей с олененком в саду амбана — правителя Марал Баши. Они принадлежали, вероятно, к местному виду *Cervus yarkandensis*, отличному от *C. xanthopygus*, которого описал Милн Эдвардс в 1867 году, разновидности сибирского марала или изюбря (*C. canadensis*, var. *sibiricus*, Sev.). У них было красновато-коричневое пятно на крупе и строение тела и форма рогов ближе к красному

олению Европы, чем к настоящему маралу или изюбрю Сибири, который обитает в Семиречье и Кульджинском крае. Стоимость молодых рогов этих оленей также высока, как и рогов настоящего марала.

Мы провели несколько восхитительных дней на Яркенд Дарье, стреляя кабанов, фазана, уток и зайцев. Стрельба в этих джунглях была для меня большим удовольствием. У меня было чувство, что я достиг одного из тех полумифических желанных мест, о которых я мечтал в свои студенческие дни, вчитываясь в книги путешествий Н. М. Пржевальского по Яркенд Дарье, Тариму и страшной пустыне Такла-Макан. И я действительно оказался здесь. Мы были на северной границе этой загадочной пустыни, которая под своими песками скрывает остатки древней цивилизации.

На протяжении всех моих экскурсий, благодаря первоклассным верховым лошадям, предоставляемых мне Скрином, со мной никогда не было несчастных случаев. Но мне не так везло при моих поездках по окрестностям города. Однажды я едва избежал смертельного исхода, слишком доверившись незнакомой кашгарской лошади. Местные животные здесь не очень хороши и лучшие из них ввозятся из Афганистана и Западного Туркестана. Как-то воскресным утром начала декабря я выехал на прогулку по пустыне в сторону гор в сопровождении господина Хардинга и пары конюхов из консульства. Было довольно холодно и я был по-зимнему хорошо одет: в полушубке и высоких теплых сапогах. На этот раз я взял лошадь у местного торговца, который, как и все подобные типы во всем мире, не переставая пел хвалу своему животному, хотя прекрасно знал, что у меня не было ни малейшего намерения купить у него коня.

После езды среди обрабатываемой земли мы выехали к большому оросительному каналу, проходящему вдоль края пустыни. Канал, довольно древнего возраста, имел вид

натуральной реки, глубокой, с вертикальными берегами и быстрым течением. Его пересекал узкий мост без парапета, обычное для этих мест строение из длинных, толстых бревен, покрытых ветками и присыпанных сверху землей. Под проходящим человеком, а тем более под лошадьми весь мост дрожал и шатался. Хардинг и оба конюха спешили и провели лошадей в поводу. Мне, привыкшему к нашим туркестанским лошадям, которые никогда не суетятся, проходя через мосты, даже не приходило в голову, что мое животное не будет спокойно следовать за другими, и я спокойно поехал за ними верхом. Быстрый поток пенился внизу и тащил большие глыбы льда. На середине моста мое животное стало проявлять страх. Конь резко остановился, неожиданно сдал назад, поднялся на задние ноги и упал спиной в воду. Чтобы не быть раздавленным, я освободил ноги из стремян, выбросился из седла, и попытался нырнуть так глубоко, как только я мог. К счастью, на этом месте была глубина, но, опускаясь на дно, я все-таки почувствовал на себе тяжесть лошади. Я оттолкнулся от нее и, сделав еще одну попытку погрузиться, был подхвачен течением, которое потащило меня вниз. Под тяжестью моей одежды я тонул, но никак не мог достать дна. Казалось, прошла вечность и, наконец, мои ноги нашли опору. Мгновение спустя я обнаружил себя стоящим по грудь, сильное течение сбивало меня с ног, пытаюсь затащить в более глубокую воду. Я задыхался и чувствовал, что мои силы тают, когда услышал зов: «Идите к берегу!». Но сделать этого было невозможно, так как вокруг была глубокая вода и я не мог плыть в своей мокрой тяжелой одежде. Один из конюхов быстро отвязал *чумбур* или привязь от уздечки, шагнул в воду и бросил мне конец. Я схватился за *чумбур* и с его помощью добрался до моста, на который мне помогли подняться. Главное, после такого невольного зимнего купания, не получить переохлаждения, и я сразу отправился пешком в ближайшую деревню, до которой

было около полутора километров. С трудом я двигался в тяжелых сапогах и толстой одежде, промокший насквозь. Но ходьба поддерживала во мне тепло. В деревне я сменил мокрую одежду на сухую, которую любезно одолжил мне хозяин. Я выпил дымящийся горячий чай, а затем поехал домой. И, хотя я и не предпринял никаких дальнейших защитных средств, моя непредвиденная ледяная ванна прошла без каких-либо негативных последствий. Тому способствовал, конечно, в значительной степени чистый пустынный воздух — в густонаселенных районах такое приключение не закончилось бы так хорошо.

ГЛАВА V. Дорога в Яркенд

К весне 1924 года стало совершенно ясно, что пекинское правительство тесно сотрудничает с Советами. После того, как те были признаны китайцами, изменения в работе большевистского консульства в Кашгаре были неизбежными. Несомненно, его сотрудниками станут толпы приспешников, агенты ОГПУ, агитаторы и шпионы. Было слишком опасно оставаться на китайской территории, где меня могли убить, или, в лучшем случае бросить в китайскую тюрьму, либо тайно отправить в «социалистический рай». В этом не было никаких сомнений. В соседней китайской провинции Кульджа под видом коммерческой миссии появилась группа большевиков и уже провела там несколько таких дел. Я должен был двигаться дальше.

Мои друзья убеждали меня уйти в Индию, через Каракорум — «высочайшую точку Земли» по описанию Реклю, через горные хребты Куэнь Луня и Гималаев. Осуществление сухопутного перехода в Индию через таинственные регионы

Центральной Азии было всегда с самого детства для меня непреодолимым влечением. Историческая дорога завоевателей через Персию или Афганистан теперь стала банальной — по ней можно проехать на автомобиле. Но маршрут к востоку от Гиндукуша и Памира до сих пор почти неизвестен. Тамошняя жизнь не меняется на протяжении веков.

В русской народной поэзии, баснях и сказках есть много аллюзий к странствиям богатырей, Ивана-царевича и других легендарных сказочных героев, которые совершают путь «за тридевять земель в тридесятое государство» в поисках таинственной Жар-птицы, известной английским зрителям по русскому балету. Гораздо раньше, задолго до 860 года — времени основания Русского государства^[34], русский народ был в контакте с жителями Центральной Азии и далекой Индии. Время от времени русские люди достигали этих далеких стран, либо как авантюристы в поисках добычи или славы, либо в качестве рабов или пленных. В более позднее время Петр Великий был очень хорошо осведомлен о золотоносных копях Кашгарии, и готовился к завоеванию Большой и Малой Бухары до реки Эркети, то есть Яркенд Дарьи. В 1713 году тобольский дворянин Ф. Трушников проник к озеру Куку Нор и доставил губернатору Сибири описание золотых месторождений Алтын тага — золотой горы, с образцами золотоносного песка. В начале 1790-х двое братьев армян Анастасовых достигли Восточного Туркестана через Индию и Тибет, и рассказали о самородном золоте у подножья гор Керии и драгоценном камне *юй*, то есть нефрите. В восемнадцатом веке Филипп Ефремов прошел в Индию через Кашгар и Каракорум, спасаясь от бухарского плена.

Я достаточно хорошо знал Центральную Азию от Урала до Кашгара. В своих исследованиях и охоте я изъездил весь Южный Урал и киргизские степи. На лошадях я впервые приехал молодым человеком в Ташкент, где теперь остался мой

дом и где я провел так много счастливых лет. Я изъездил весь Туркестан, Памир, Верхнюю Бухару, был в Каратегине и Дарвазе, а также в Семиречье. Я верхом прибыл в Кашгар. И сейчас теми же самыми древними транспортными средствами — на спинах животных, предстоит мне путь в Индию по самым высоким и трудным в мире дорогам. В дни паровых машин и автомобилей путешественник лишь мельком видит те места, через которые проезжает. Другое дело проехать верхом на лошади с караваном, совсем так, как путешествовали в старину, и, слава Богу, ездят до сих пор в Восточном Туркестане. Нет лучшего способа, чтобы увидеть и познать страну.

Трудно представить мой восторг при мыслях не только о путешествии сухопутным маршрутом в Индию на лошадях, но и о возвращении меня в цивилизованный мир после четырех лет моего пребывания в средневековье, пусть и интересных, но мрачных и одиноких.

Большинство людей, выросших в современных цивилизованных странах, не знают, что представляет из себя путешествие верхом с караваном вьючных лошадей или верблюдов. Многие думают, что это просто прогулка или приятные скачки на лошадях. Мало кто понимает сложность и ответственность организации и обслуживания каравана экспедиции в пустыне. Путешественники иногда не могут сдержать улыбки от наивных и простых вопросов невежественных туземцев о землях цивилизованных, но и вопросы образованных европейцев об отсталых и примитивных землях не менее смешны, хотя бы потому, что они задаются людьми, которые должны знать больше. Один мой друг, профессор, был не в состоянии представить себе, что значит слово пустыня.

— Почему же они не едят траву? — спрашивал он, когда я объяснял необходимость везти с собой большое количество

фуража для животных.

Другой знакомый, который никогда не был за пределами Европы, после долгого выслушивания моего описания трудностей пути от Восточного Туркестана в Индию, страшных высот Каракорума, ледников Сассер-ла и Кардонг, пиков и пропастей в верховьях Инда, казалось, понял всю картину и хорошо представил себе, как это все выглядит на самом деле, вдруг поразил меня вопросом:

— Наверное, поезда ходят очень медленно в этих странах, не так ли?

Возможность поездки на других, не механических средствах уже больше не приходит в голову среднему европейцу XX века.

— Почему вы не ехали на машине? — как-то спросила меня девушка. — Вы могли бы на ней проехать и без каравана.

При организации каравана мне повезло получить помощь от мистера Скринна. Без его полезного опыта и знаний мне было бы сложнее подготовиться к путешествию.

Наступило яркое солнечное утро 24 августа 1924 года, когда я покинул Кашгар, где, как и в старые времена в России, встречи и проводы гостя считают серьезным предприятием. Среди китайцев существует жесткий этикет, в зависимости от социального и должностного положения участника. В нескольких километрах за пределами города, мистер и миссис Скрин устроили *дастархан* для меня на обочине дороги, здесь я простился с ними. Через несколько дней они тоже отправлялись в Индию, но другим маршрутом через Памир и Гилгит. Я — в другую сторону, через Янги Шаар и места летнего отдыха и охоты русской колонии, где соотечественники ждали меня, чтобы накормить обедом. Здесь в тени беседки, над которой уже свисали крупные гроздья винограда, я попрощался со своими друзьями.

Я покидал эти добрые души, живых представителей старого режима, обреченных быть до конца в этом отдаленном,

заброшенном месте. Для них осталась открытой только одна дорога, как один из них печально сказал мне, дорога к кладбищу. И теперь, когда я пишу эти строки, половина из них уже прошли по ней.

Провожаемый сердечными пожеланиями моих друзей, я спустился с холма, на котором были разбиты палатки провожающих, долго ехал через болотистую долину к главной дороге. Время от времени я оглядывался и видел вдали небольшую группу, стоящую на вершине холма и смотрящую мне вслед. Скорбные крики миллионов чибисов, казалось, соответствовали моему настроению. Огромная стая скворцов пролетела мимо и с шумом расселась в камышах, образуя как бы одну сплошную массу из птиц. Несколько коршунов летали над головой. Вокруг меня лежала страна, которую я покидал.

На главной дороге в Яркенд я поспешил догнать повозку со своими людьми и багажом. Я ехал на том же черном жеребце, которого Скрин описывает в своей книге, и он очень хорошо нес меня весь этот долгий и трудный путь к Сринагару. Конь был сильный с крепкими ногами и мощными легкими, и, несмотря на неровную дорогу и камни, только один раз споткнулся на всем пути. У него была еще одна добродетель: он не был нервным и не пугался любых резких движений. Пугливость — большой недостаток для лошадей в Центральной Азии. Если на узких горных тропах, на карнизах, нависающих над бездной, лошадь будет вздрагивать от внезапно вспорхнувшей птицы или вдруг выскочившего зайца, то это очень опасно. В Кашгарии много хороших лошадей. Некоторые породы импортированы из Ферганы и Афганистана — это карабаиры, известные своей красотой, скоростью и выносливостью, или киргизская порода из Семиречья, не очень красивая, но спокойная, устойчивая, послушная, с неисчерпаемой энергией способная идти в течение всего дня, незаменимая в горах и на равнине. Местной породой, которая широко

распространена в Кашгарии, является лошадь из Карашаара, ее разводят вблизи города с таким именем в восточной половине страны. Она имеет необычный внешний вид: голова прямая и плоская, шея короткая и тугая, грива прямая и щетинистая, словно конь с шахматной доски или фигуры на древнегреческих барельефах и фризах. Тело в форме бочки, иногда непропорционально большое, но ноги короткие и слабые и всегда жди от них неприятностей. Сарты любят этих лошадей, потому что они просты в обращении, но они часто роняют своего всадника и в этом отношении опасны. То был один из карашааров, которому я обязан падению, вскоре после моего приезда в Кашгар, из-за которого я чуть не остался калекой, и я знаю много других серьезных несчастных случаев связанных с ними, что не удивительно, учитывая их плохие пропорции.

Примечательный и интересный момент связан со сходством Карашаарской лошади с известной дикой лошадью Пржевальского. Помимо размера и цвета, который среди карашааров разнообразен, внешний вид этих пород очень близок. Особенно форма головы и шеи. Кроме того, дикие лошади живут в тех же частях Джунгарии, где разводят Карашаарскую лошадь. Если последняя непосредственно не получена из дикого вида, безусловно, у этих лошадей большая близость по крови.

Я пересек по узкому мосту реку Гез и на другом берегу *барханы* или дюны, созданные подвижными песками, изменили вид ландшафта. Река, которая здесь довольно широкая и глубокая, спускается с Памира, вытекая из меньшего Кара-Куля, или Черного озера, очень холодная, чистая и прозрачная, оставившая озеру на хранение свои осадки. Все остальные реки, которые несут воды тающих ледников, всегда песчаные и мутные.

Вскоре после захода солнца я достиг деревни Япчен, где остановился в довольно чистом *караван-сараяе*. Следующим

утром я встал рано и в шесть утра уже был в дороге. Дорога была пустынной, но сартские женщины в поселке были заняты подметанием улицы вениками, так же, как подметают полы домов в Европе. Кучки мусора были собраны в мешки и унесены на их плечах. Прилежной уборку не назовешь, любое понятие чистоты чуждо характеру сарта. Причина уборки оказалась совершенно другая. Почвы здесь песчаные и бедные, в то время как уличный мусор — богатое органическое удобрение, обогащенное отличным навозом и дополненное содержимым общественных туалетов, которых еще не было в Русском Туркестане.

За селом какое-то время дорога идет через обрабатываемые земли среди аллеи ив, тополей, вавилонских ив (*Eleagnus hortensis*), заросших терновником, ломоносом (*Clematis orientalis*) и каким-то вьюнком с белыми цветами, густо облепившими деревья. По сторонам дороги были поля и луга, большие участки покрытые камышом, скоплениями темно-зеленого тамариска с пучками розовых цветов и зарослями высокого чия (*Lasiagrostis splendens*) — центральноазиатской проволоочной травы с пушистыми метелками поверху.

В Янги-Гиссаре, ожидая свою повозку, я с интересом наблюдал за группой сартских женщин, вышедших из дверей *ямыня* или казенной управы. В Янги-Гиссаре женщины не покрывают свои лица. Они были одеты в китайские одежды — китайцы одевают своих сартских подруг в свои национальные костюмы. Двое из них, уже не молодых, о чем-то между собой ужасно спорили.

Я закончил пить чай и доел дыню к тому времени, как подъехала повозка, и отправился в *караван-сарай*. На этой дороге они в хорошем состоянии и довольно чистые. В них всегда можно нанять отдельную комнату и комфортно устроиться, но надоедливые мухи не дают покоя. Из-за жары я потерял всякий аппетит и ел только фрукты. Вечером пошел

дождь, который продолжался всю ночь, значительно охладив воздух.

Утро было сырым и туманным. На выезде из города, мы проехали старое кладбище с большим белым *мазаром* или сартской святыней, поднялись по песчаному холму, а потом вниз на противоположный живописный берег реки. Справа тянулся ряд холмов, слева бежал *арык* или оросительный канал.

Ко мне навстречу ехал всадник на прекрасной лошади, покрытой красивыми ковриками. На всаднике был белый тюрбан с лучистой кокардой, украшенный красивой ручной вышивкой. Эта элегантная картина, на мой взгляд, напоминала индийского гостя из оперы Садко. Поравнявшись со мной, всадник поднес руку ко лбу в приветствии и сказал: — *Салам!*

Этот «индийский гость» сильно отличался от грязных, плохо одетых индусов, которые роятся на базарах Восточного и Западного Туркестана. Откуда бы он не исходил, это был первый человек из той живописной и далекой Индии, какой мы ее привыкли представлять.

Нам часто встречались караваны ухоженных ослов, груженных новыми большими белыми мешками с шерстью. Я поднялся на небольшой холм и на противоположном склоне наткнулся на *курганча* или ферму. Здесь родниковые холодные воды орошали маленький оазис с несколькими ивами. Дальше тянулась долина с почвой сильно пропитанной солью, покрытая тростником, камышом и осокой.

Я проехал через село Килпин и остановился на короткий отдых в следующем маленьком селении под названием Топа — Пыльное в двадцати пяти километрах от Янги-Гиссара. Небо прояснилось и солнце запекло сильнее. Пока я ел свою следующую дыню, пришли муж с женой расспросить меня о лечении разнообразных недугов. Сарты, и особенно киргизы, большие любители медицины, и по своей простоте видят в каждом европейце врача, который в любое время и в любом

месте при любых обстоятельствах, даже в болоте на бекасиной охоте, имеет при себе весь запас фармацевтической химии.

Отсюда до села Кызыл Гумбез — Красной могилы на расстоянии около двадцати километров, дорога проходит по так называемому эоловому ландшафту, столь характерному для Центральной Азии. В бесплодной, песчаной долине, под влиянием господствующих ветров, формируется бесконечное количество бугров таким образом, что местами дорога, кажется, проходит ниже уровня долины, как будто по траншее, в то время, как здесь и там, крупные корни отдельных деревьев, обнажаясь, поднимаются на значительную высоту, производя любопытный эффект, словно деревья специально выставляют для показа свое подземное строение.

При въезде в село Кызыл Гумбез располагаются обширное кладбище и большой квадратный хаус или пруд, образованный четырьмя обильными источниками, вода из которых используется для орошения. С одной стороны дороги — могила какого-то святого, с другой — возвышение, по углам которого четыре огромных тополя вознесли в небо свои вершины. Я провел здесь ночь и поехал ранним утром к следующей большой деревне Кок Яр — Зеленая низина. Надо было ехать пятьдесят километров через песчаную пустынную долину, перерезанную сухими галечниковыми руслами. По дороге, как обычно, встречались *рабаты*, то есть приюты для путешественников, построенные из жженого кирпича, иногда довольно древнего, в настоящее время запущенные и превращенные в руины. Иногда в них поселяется какая-нибудь обнищавшая семья сартов. В одном из таких *рабатов*, расположенных на половине пути и находящимся в несколько лучшем состоянии, чем большинство других, я остановился на отдых. В нем было довольно хорошо и вокруг было чисто. Две молодые ивы росли здесь и, очевидно, за ними заботливо ухаживали в этой горячей и засушливой пустыне. После короткого отдыха и освежающего

сочного арбуза мы поехали дальше. Солнце жарило сильно, но дул приятный ветерок, не было никаких мух, мучивших нас, и было приятно ехать, несмотря на однообразный пейзаж. Животной жизни было совсем немного в этой пустыне. Я увидел только одну ящерицу и на стене полуразрушенного рабата красивую пустынную сойку (*Podoces biddulphi*, Hume).

Во второй половине дня я достиг села Кок Яр — первого в зеленом оазисе Яркенда. В начале села росли большие скопления тамариска и отдельные деревья, великолепная аллея тополей вела к обширному базару. Здесь я остановился в большом ухоженном *караван-сараяе*, который был местом встречи для многочисленных китайских торговцев, направляющихся в Кашгар. В ожидании моей повозки, я наблюдал прибытие китайца с молодой женой. Их повозка была оборудована в удобный домик на колесах. Они ехали откуда-то из глубины Китая и были в дороге уже длительное время. Как только они устроились в *караван-сараяе*, китаянка сразу приступила к работе, постирала белье и развесила его на просушку. Затем она умылась, тихонько пробралась в свою кибитку, откуда вскоре появилась преобразенной. На ней была черная шелковая рубашка, ее иссиня-черные волосы, блестящие, как крыло ворона, были кокетливо зачесаны и оформлены искусственными цветами, личико было сильно нарумянено по китайской моде. Так одеваются в лучшие праздничные дни. Потом китаянка в сопровождении мужа отправилась в свою комнату пить чай. Было понятно, что ни долгие месяцы утомительного путешествия, ни жара, ни песчаные бури пустыни, ни гнетущее однообразие дорожной жизни не смогли лишить ее инстинкта женского кокетства.

Ветер перешел в бурю. Воздух наполнился пылью, небо покраснело, и большие клубы песчаных облаков поднялись вверх. Было невозможно оставаться снаружи, я закрыл двери, ища убежища в своей комнате. Стало довольно темно, хотя было

только три часа дня. Это был ветер из Хотана, принесший песчаную бурю из пустыни. Горе каравану или путнику, которого этот ветер захватит в пустыне Такла-Макан. Послышались раскаты грома, а затем начался дождь, который к вечеру превратился в ливень. Небо благоволило нам. Во время жары дожди освежают воздух, воду, дороги и делают путешествие легким и приятным, спасая от нестерпимой жары, пыли и несносных мух, которые способны убить в путешественнике всякий интерес и удовольствие.

После бури воздух стал намного прохладнее, и было прекрасное утро, когда я отправился в путь. Солнце еще прикрывала тонкая дымка облаков, в то время как зелень деревьев и садов была более яркой, чем когда-либо.

После выхода из деревни дорога долго шла среди аллеи огромных ив. По бокам тянулись поля *джугары* или сорго (*Sorghum, Cicer arietinum*), нута, кукурузы и льна, последний широко культивируется в Туркестане для производства масла. Лен был в полном цветении и ярко-синие цветы украшали поля. Почвы оазиса Яркенд очень плодородные и при хорошем поливе они дают щедрый урожай. Здешняя жизнь не тяжела, народ легкий на подъем, но не очень предприимчивый. В Кашгаре, например, бедные почвы вынуждают жителей развивать такие местные отрасли, как выделку шкур и *маты* — грубой ткани, изготовленной из хлопка. Многие мужчины Кашгара были предприимчивыми купцами, каждый год десятки тысяч из них ездили в русский Туркестан зарабатывать деньги. Аналогичные условия сделали из мужчин Хотана умелых ремесленников, выделяющих кожу, производителей фетра и шелка, мастеров, делающих отличную бумагу, а также животноводов, выращивающих и улучшающих местные породы коз и овец. Все, что требуется от жителей Яркенда, где плодородная почва дает обильный урожай, это подавать

достаточно воды для полива своих садов и полей и ничем больше не забивать себе голову.

Барханы вероломно наступают на окраины оазиса, хорошо, что они здесь еще покрыты травой, которая сдерживает движение песка и в целом вся окружающая местность покрыта богатой зеленой растительностью. В течение примерно пятнадцати километров дорога проходит через долину, доминирующей дикой формой флоры которой являются верблюжья колючка (*Alhagi camelorum*), вид гороха (*Sophora alopecuroides*), и лакрица (*Glycyrrhiza glandulifera*), а на песчаных буграх растет гармала (*Peganum harmala*) — темно-зеленое растение с тонкими небольшими листьями и желтыми цветами, которые употребляются туземцами в качестве лекарственного средства, при заклинаниях и окурировании от злых духов. Кусты тамариска растут между барханами на берегу небольшого, но живописного пруда. Встречаются яркие изумрудные участки рисовых полей.

На обочине дороги, в тени небольшого дерева на склоне бархана сидел торговец дынями. Я спешил, привязал лошадь к дереву, купил одну, прилег на слегка влажный песок, с удовольствием освежая себя отличной сочной сладкой и ароматной дыней. Было приятно отдохнуть на мягком песке, разминая ноги после трехчасовой езды в седле.

Мимо прошел караван мулов, потом несколько молодых женщин, вероятно, из соседней фермы. Их лица были открыты, а волосы украшены красными и синими цветами. На деревьях щебетали скворцы, порхали иволги (*Oriolus kundoo*) золотисто-желтого цвета. Вся окружающая природа дышала атмосферой спокойствия и мира. Не было ни суеты, ни спешки. Восток не терпит поспешности. Здесь ценят покой, спокойствие, величие и достоинство.

Я продолжил свой путь и через некоторое время подъехал к нескольким домам, выложенным из камня и укрытых в густой

тени высоких тополей и ив. Из одного дома вышел пожилой сарт, подал знак остановиться и подошел к лошади.

— *Салам алейкум!* — приветствовал он меня.

— *Алейкум салам!* — ответил я. — Что я могу сделать для вас?

— *Тахир*, — начал он, — моя жена уже три дня в родовых муках. Наши молитвы услышаны, вы дадите лекарство и поможете ей.

— Но я не врач, — ответил я, — и не имею лекарственных средств.

— Нет, это не так. Я вижу, ты врач и у тебя есть лекарство, — настаивал он на своем. — Я знаю, ты из шведской миссии, и поможешь несчастной женщине.

Я заверил его, что я ничем не могу помочь, и у меня нет никаких лекарств, но он упрямо настаивал и, наконец, начал сердито кричать на меня.

Я прекрасно понимал этого несчастного человека. Он видел во мне европейца и, следовательно, одного из тех миссионеров, которые предоставляют помощь местному населению. Но я ничего не мог сделать, и, чтобы не спорить со стариком, пришпорил свою лошадь. К моему изумлению, он захватил поводья и смотрел на меня в гневе. Мне было жаль его, и даже очень, но раздражали его действия. Оттолкнув его, я вынужден был поднять кнут, и тогда он отпустил повод.

Чуть дальше дорога спустилась к глубокой реке несущей полные воды между крутых берегов, покрытых плотной растительностью, затем проходит по тенистой аллее вдоль левого берега. Слева открылось большое озеро, по которому плавало большое количество диких уток. Потом дорога поворачивает резко направо, пересекает реку через пару мостов в месте, где она разделена островком на два рукава, и следует через густые плантации. Слева поднимались высокие песчаные дюны, красноватые после недавнего дождя, полностью лишенные зеленых оттенков. Местность была сильно песчаной

и, видимо, все вокруг раньше было пустыней, прежде чем орошение превратило ее в цветущий сад. Сохранились признаки, по которым даже можно установить время, когда это произошло.

Собственно говоря, река, которую я упомянул, вовсе не река, хотя похожи они один к одному. На самом деле это *арык* — оросительный канал, вырытый в давно забытое время и неизвестно какими руками. Канал, протекая на протяжении тысячелетий, углублял и расширял свое русло, принимая вид обычной реки. Только в его «голове», выше Яркенда, где его питают воды реки Тизнаф, видно искусственное происхождение этого поставщика воды, которая дает жизнь пустыне. Уничтожьте «голову» этого канала и пропадет вода в оазисе Яркенд, и вся страна быстро усохнет, растительность увянет, песок, сегодня связанный корнями, будет освобожден и начнет двигаться по прихоти ветров, сокрушая остатки культуры. Исчезнут цветущее богатство и изобилие плодов этой земли. Страна станет неотличимой частью великой безжизненной пустыни Такла-Макан.

Нигде в Центральной Азии не проявляется полная зависимость человека от созданных им каналов так сильно, как здесь, в этом богатом и цветущем оазисе Яркенд. Как и в Западной Европе предприимчивые и трудолюбивые голландцы отвоевывали землю сантиметр за сантиметром от самого моря, так и здесь в недрах огромного континента Азии древние уйгуры или, возможно, таинственный *Ното Алпинус*[\[35\]](#), завоевали эти плодородные земли у бескрайнего океана песков под названием Такла-Макан.

Через несколько километров пути перед путником открывается еще одна река, очень широкая, напоминающая реки Центральной России, с берегами, покрытыми высокими деревьями и кустарниками, с признаками недавнего подтопления. Это тоже был очень древний канал, прорытый

руками человека. Километром дальше, где берега сближаются друг с другом, мы переехали через мост. Среди зеленых полей, садов и плантаций дорога незаметно приблизилась к высоким городским стенам Яркенда, почти скрытыми за большими тенистыми деревьями белых и пирамидальных тополей, восточными платанами, деревом пагод или софорой (*Sophora japonica*), унаби или китайским фиником (*Zizyphus vulgaris*) и другими.

Яркенд — Город на утесе, по-китайски известен как Шачэ. Как правило, китайские наименования не имеют ничего общего с местными, часто очень древними. Названия меняют без видимой причины. Кашгар китайцы называют Шуфу. Урумчи, центр провинции Синьцзян, теперь называют Тихва, но до 1921 года он носил название Тифу, в то время как для почтовых и телеграфных целей был известен как Did Na. Это приносит большие трудности для понимания и надежной интерпретации китайских исторических записей и описаний китайских географов и путешественников, так как очень трудно определить о каком городе, месте или народе идет речь.

Яркенд состоит из двух частей: Новый город, окруженный высокой стеной, за которой проживают в основном китайские чиновники, купцы, и тому подобные и рядом с ним Старый город, глинобитные стены которого находятся в плачевном состоянии. Оба города соединены широкой улицей с лавками и складами. На возвышении между городами была расположена шведская миссия. Мне был оказан сердечный и теплый прием главами миссии — доктором Нистром и миссис Нистром. Они пригласили меня остановиться у них на все время нахождения в Яркенде. Я оставался в миссии неделю в ожидании вьючных лошадей и обслуживающего персонала для моего каравана, подготовки палаток и другого инвентаря. Во мне до сих пор еще жива память о доброте, мире и покое, окружающих меня там.

Расположение миссии было хорошо продумано. Она состояла из нескольких основательных зданий, таких как большая церковь, больница, фермы и хозяйственные постройки, мастерские и так далее. Во время моего пребывания там строился очень удобный и в их родном стиле гостевой дом для приезжих из дальних городов. Строился большой приют для местных детей. Всюду была видна активность и энергия людей бескорыстных, которые посвятили свои физические и духовные силы на пользу населению, совершенно отличному от них по языку, вере и менталитету. Окно моей светлой и большой комнаты, где я сидел и читал в минуты отдыха, открывалось в красивый тенистый сад. В саду была масса цветов и много редких и интересных деревьев. Здесь росла гледичия (*G. tracanthoides*) с огромными иглами, белые акации и какие-то большие и очень красивые ивы, оригинальной повислой внешности, стволы которых были покрыты ярко-зеленой корой. Возможно, это были *Salix microstachys*, с длинными, тонкими ветвями, увешанные гроздьями длинных, узких листьев. Персиковые деревья были покрыты яркими спеющими плодами и крупные виноградные грозди свисали со шпалерных лоз. Сартские женщины в выходные дни приходили и наслаждались этим замечательным садом.

На следующий день после приезда в этом саду мы провели заседание нашего «военного совета». Присутствовали почти все члены миссии, а также Гулям Хан — британский *аксакал* — белобородый, на самом деле так назывались лидеры общин британских подданных, семь местных сартов — *караванбаши* или начальники караванов и другие опытные люди. Один из них, большой, высокий, крепкого телосложения парень с бородой напомнил мне изображение с рельефа древних ассирийцев. Мы обсудили состояние дороги, кандидатуру *караванбаши*, выбор маршрута, и другие вопросы, которые необходимо было решить, прежде чем начать такую трудную

и долгую поездку. Из трех путей на плато Каракорума — через Санджу, Килиан, Кок Яр (или Кугар), лучший был последний, но он был не всегда доступным. К счастью, в соответствии с информацией, он уже был открыт. Выезд назначили на следующую пятницу, поэтому у меня была целая неделя для знакомства с городом и окрестностями Яркенда.

В воскресенье в церкви была служба. В ней приняло участие много местных жителей, особенно женщин, пришедших в своих лучших одеждах и с цветами в волосах. Кроме того, в христианские церкви иногда приходят мусульмане послушать пение и проповедь, которая проводилась на их родном языке. Мы нанесли визит в детский дом. Здесь под присмотром женщин из миссии находилось более сорока местных детей различного возраста. Полные жизни маленькие мальчики и девочки выглядели великолепно, их румяные щеки светились здоровьем. Это были дети из бедных районов — нищие, беспризорники и подкидыши. Несмотря на успех распространения Евангелия среди местного взрослого населения, не могло быть и речи, что это чудесным образом спасет бедных заброшенных детей от голода, болезней и смерти. Но работа, угодная Богу, сохранит доброе имя шведской миссии. Их великолепная благотворительная деятельность возбуждала ненависть фанатичных мулл и проповедников ислама. Они много раз приходили с жалобами к *даоиню*.

— Шведы забирают наших детей и насаждают им христианство, которое противоречит шариату, — говорили они.

— Тогда почему вы сами не делаете приюта для брошенных детей и не воспитываете их в соответствии с шариатом? — был ответ китайца.

Но благотворительность мусульман Кашгара, как правило, ограничивается подачей гроша или корки хлеба.

Сартские дети по своей природе нежные и послушные, они дисциплинированные и, как правило, хорошо себя ведут. Когда я был в Пишпеке, я видел два дома для детей-сирот, один для мусульманских, другой для русских. В обоих воспитателями были русские женщины. Дети первого были образцом послушания и хорошего поведения. Я часто стоял и любовался, наблюдая за их играми. Воспитательницы не могли найти слов, расхваливая их. Но русский дом приносил различные неприятности обществу. Воровские набеги в соседние дома были наименьшим злом, которое совершали эти начинающие представители строителей социализма. Сами воспитатели и учителя этих домов, к сожалению, жили в состоянии нищеты.

Если бы не толерантность китайских властей в Кашгарии, деятельность миссионеров, вряд ли была возможной из-за фанатизма населения и открытой враждебности мулл.

Причиной неудач проникновения христианства в мусульманские страны и большое влияние ислама среди примитивных народов заключается в высокой духовности христианского учения, которая совершенно непонятна, например, сартскому интеллекту, чьи идеи чисто материалистические. Он в жизни ценит только хорошие вещи и материальное благополучие. Духовные же идеи полностью неизвестны и чужды ему, он совершенно далек от их понимания. С другой стороны, Ислам прост и материалистичен. Здесь, на земле от правоверных требуется выполнение ясных, простых обязанностей, которые для них абсолютно понятны. Награда, обещанная им в будущей жизни, не только ясна, но и желательна, так как фактически в некоторой степени знакома им в этой жизни. Препятствием на пути распространения христианства среди мусульман, что, как правило, не реализуется даже в Европе, является признание мусульманами Ветхого Завета и учения Христа, хотя последний для них только пророк. Авраам, Исаак, Иаков, пророк Енох,

Иисус Христос, Мать Божия — все они святые в глазах мусульманина. Пророк Мухаммед карает смертью за богохульство против Иисуса Христа и Богородицы. И мусульмане, имеющие лишь поверхностные знания о христианском учении, считают свою веру более просвещенной и современной, они смотрят на христиан, как на людей закоренелых в старых догматических верованиях.

Последним, но не менее важным, большим препятствием на пути к христианству для восточных людей является их преданность к полигамии. Мусульманские женщины смеются над европейцами, в то время как мужчины считают нас лицемерами.

«Вы делаете то же самое, что и мы, — говорят они, — только тайно, а мы открыто, насколько это позволяет закон».

Восток остается Востоком, несмотря на реформы, проводимые современными диктаторами. Даже евреи Востока, которые многочисленны в Персии и Бухаре, и, вероятно, являются представителями чисто ивритской крови сефардов, и ни капли не отличаются от своих западных единоверцев в страсти к наживе, ревностно сохраняют обычай многоженства.

С самого начала завоевания Западного Туркестана, русское правительство, уважая фанатизм местного населения, запретило всякую миссионерскую деятельность. Генерал Кауфман, организатор администрации края, считал своим основополагающим принципом не допустить в Туркестан «ни миссионеров, ни жандармов». Это мудрая мера очень способствовала в значительной степени умиротворению страны и созданию доверия местного населения к правительству России. Видя, что их религия, образ жизни и обычаи остаются нетронутыми, и, понимая, что никакая опасность им не угрожает, коренное население быстро признало русскую власть и успокоилось. Г. В. Беллью, один из членов экспедиции Форсайта в Китайский Туркестан, говорил с большим

уважением о цивилизованном влиянии России в Центральной Азии и благотворном результате ее завоеваний при освобождении народов от произвола азиатских деспотов.

В Яркенде я был удивлен многочисленным деревянным коробкам в виде почтовых ящиков, предназначенных для приема макулатуры. По мнению мусульман бумага, на которой писалось Слово Божие не должна выбрасываться или использоваться не по назначению. Немецкий археолог, доктор Лекок, рассказывает, как несколько индусов в Яркенде, услышав, что в его ящиках находятся старые манускрипты, попросили у него разрешения для проведения над ними священного ритуала. Они побрызгали ящики водой, возложили на них цветы и ходили по кругу, торжественно скандируя свои священные гимны. Китайцы к печатному слову относятся по-разному. В 212 г. до н.э., император Ши Хуан, первый из династии Цинь, издал самый радикальный указ, по которому все книги, кроме календарей и тех, что имеют отношение к магии, должны быть сожжены. За невыполнение указа следовало наказание смертью. Сохранилась запись, что четыреста шестьдесят ученых мужей были похоронены заживо за отказ подчиниться высочайшему повелению. Погибли даже произведения Конфуция, к счастью, позже было обнаружено несколько сохранившихся копий трудов мыслителя. Правитель Сюан Вэй, который умер в 295 г. до н.э. приказал всю свою библиотеку похоронить вместе с ним. Его гробница была случайно обнаружена пятьсот семьдесят четыре года спустя, что позволило восстановить многие памятники китайской литературы и философии. В наше время, в 1900 году, боксеры [\[36\]](#) приказали сжечь все библиотеки.

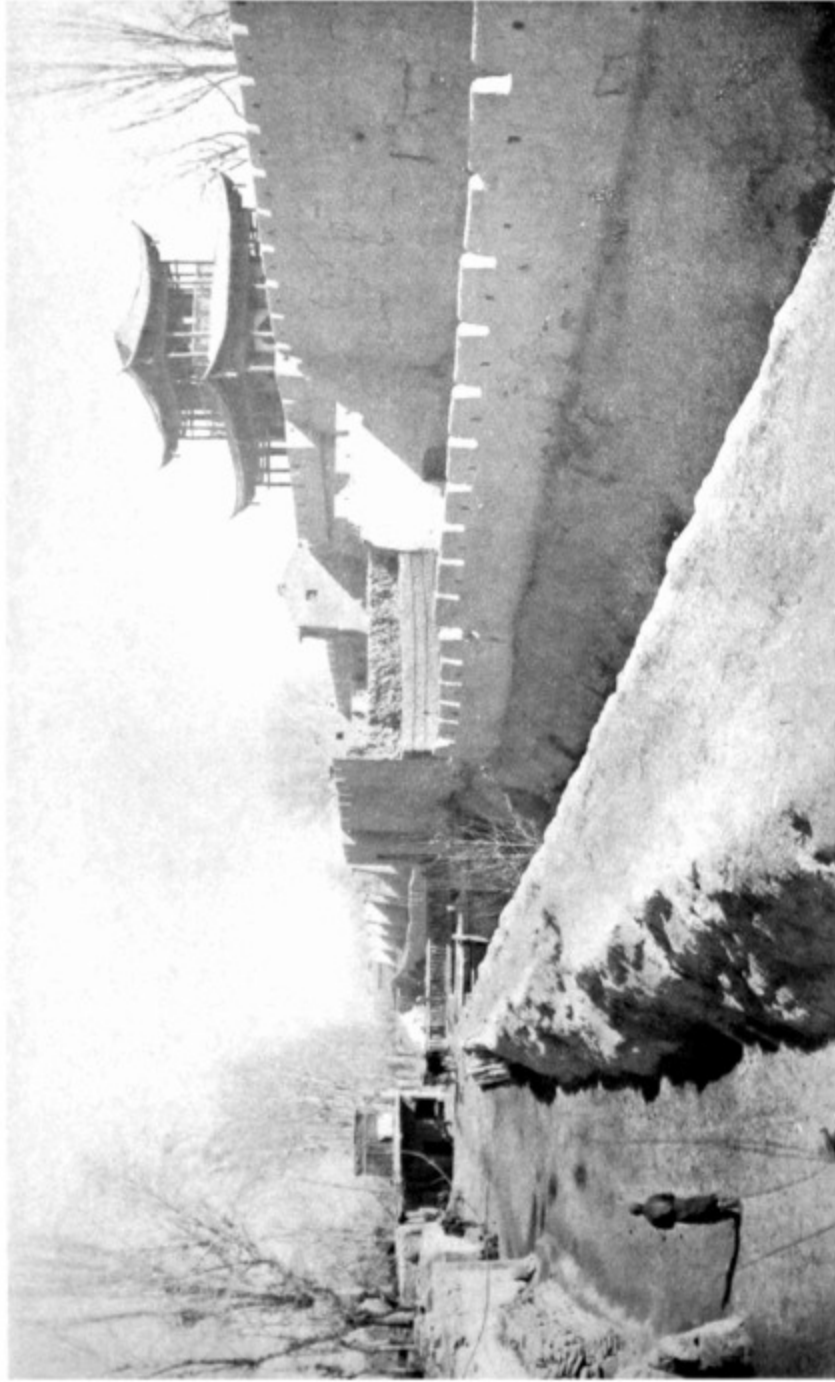
Китайская часть базара Яркенда отличается от сартской большей чистотой, иными торговыми домами с фасадами, украшенными фантастическими рисунками. На местных базарах, что было необычным, много женщин занимались

куплей — продажей. Здешние женщины редко покрывают свои лица, они пользуются большей свободой, чем в Кашгаре, где они стали скрывать свои лица и вести затворническую жизнь только в последней четверти девятнадцатого века под влиянием фанатиков из Ферганы.

В Яркенде можно часто видеть мужчин и женщин, страдающих от огромного размера зоба. В настоящее время известно, что это болезнь щитовидной железы развивается вследствие дефицита йода. Замечательно, что китайцы обнаружили, чисто эмпирическими методами, профилактическое средство в виде морских водорослей, которые отличаются высоким содержанием йода и широко здесь используются. Через огромные расстояния они в сушеном виде доставляются в Кашгар. Увеличение зоба здесь, по-видимому, не сопровождается развитием кретинизма, как это наблюдается в Швейцарии. Возможно, что существует связь между увеличением зоба и колоссальным развитием бюста среди женщин Яркенда, который часто довольно непропорционален по форме и размеру. Туземцы считают, что причина в питьевой некипяченой воде. Знакомый горный инженер, который работал в течение многих лет в Восточной Бухаре, видел в долине Каратегина источник, вода которого славится своим свойством развития женского бюста. Эта вода имела отличную репутацию среди прекрасного пола Бухары и источник посещало множество женщин, которые проходили огромные расстояния, в надежде улучшить свои формы. Мой друг был увлечен идеей создания здесь курорта для европейцев. Кто знает, если бы не большая война и русская революция, он мог бы привести свою мечту в исполнение. Но даже тогда капризы моды могли нарушить его планы — женщины могут изменить своим прежним вкусам. *Donna e mobile!*[\[37\]](#)

5 сентября я выехал из Яркенда в свое длинное путешествие, сопровождаемый молитвами и наилучшими пожеланиями моих

хороших друзей. Караван состоял из девяти вьючных лошадей, мулов, пятерых *керекеш* — погонщиков и *караванбаши* — старшего караванщика. Слугой у меня был Саламат-хан, выходец из Кашмира, живущий в Яркенде, и женатый на дочери старого муллы, который давал уроки тюркского в швейцарской миссии. Накануне вечером его жена родила сына и слуга был в восторге, принимая это за хорошую примету и добрый знак со стороны Аллаха. В селе Кок Яр к каравану присоединятся еще пять верблюдов, которые будут нести корм для лошадей.

Кашгарские городские ворота в Яркенде

— Верблюды вряд ли смогут пройти за пределы Ак Тага, — сказал *караванбаши* мне, — хотя, если будет хорошая погода, возможно, они дойдут до перевала Сассыр-ла, но не смогут преодолеть его.

— Тогда, как мы перейдем через него? — спросил я.

— *Худай Халса*. Если Бог пожелает, то *бхути* — местные тибетцы придут к нам со своими *кутасами* — яками и мы на них пройдем по льду Муз Тау.

— Это худшее место на всей дороге, — продолжал он. — От Ак Тага до Сассыр-ла там и люди и животные задыхаются и получают *тутек*, лошади падают и сдыхают, а люди не могут двигаться, у многих кровь течет из носа и горлом, люди не в состоянии принимать пищу и могут умереть от голода.

— Что надо, чтобы предотвратить *тутек*? — спросил я.

— Есть хорошее средство. Надо кушать абрикосовые косточки. Мы договоримся о покупке их в Каргалыке. Трудная часть дороги, где есть *тутек*, займет шесть или семь дней, а после этого будет легче, — сказал он.

— А что делать, когда у лошадей будет *тутек*? — спросил я.

— *Ихтиар Худай, тахир!* — ответил он, пожимая плечами. — На все воля Божья. Там ничего не сделаешь. Единственное, надо идти медленно, как это возможно, и нельзя давать животным ячмень.

Таков был его оптимистический взгляд на дорогу через высокогорное плато Каракорум к истокам Инда и цепям Гималаев.

Дорога из древнего города Яркенда идет между рисовых полей, разделенных рядами тополей. Над полями, залитыми водой летали сотни белых чаек и мигрирующих куликов. Примерно через десять километров пути нас поджидали наши добрые шведские друзья. Чтобы дорога была успешной, они по кашгарскому обычаю накрыли *дастархан* с чаем, отличным русским бульоном, великолепным пловом и прекрасным кофе.

Доктор Нистром прочитал прощальную проповедь на тюркском, призывая благословения Всевышнего нашему предприятию. *Керекеш* и *караванбаши* внимательно слушали его слова.

Часть II

ЧЕРЕЗ ГОРЫ!

ГЛАВА VI. В Куэнь Лунь

Дорога шла постоянно в тени деревьев через пашни, поля риса, сорго и хлопка, через мосты над двумя небольшими рукавами реки Яркенд и дальше после семи километров привела к ее широкому руслу, текущему в галечниковой пойме шириной более трех километров, разделенному на множество протоков. Многочисленные островки были покрыты зарослями кустарников. Река здесь имела характеристику горного потока, несущего массу гравия, широко разливаясь в половодья по равнине, каждый год меняя свое основное русло. Реки Туркестана все одного и того же типа, подобного реке По в Италии.

Некоторые протоки мы прошли вброд, другие переплывали на плотах, похожих на плоскодонные лодки с высокими бортами, на которые лошади прыгали очень ловко, совершенно привычные к такому делу. Люди, работающие на барже, тем или иным способом затаскивали на плот тяжело нагруженные телеги с огромными до двух метров колесами.

Яркенд Дарья в своих верховьях называется Раскем Дарья, искаженное название от *Рис-Кан* — Много руды, связанное с многочисленными старыми медными копями на ее берегах. Иногда местные жители называют эту реку Тизнаф, искаженное от Тыз-нап, в то время как Тизнафом на самом деле называется другая река, стекающая с перевала Янги Даван, и более известная под именем Халистан Дарья.

Мы приехали к деревне Позгам, расположенной в нескольких километрах от реки, где провели ночь в *караван-сараяе*, который управлялся группой мусульманских женщин. Такое совершенно невозможно в русском Туркестане. На самом деле, чем дальше

вы находитесь от Ферганы, этого центра мусульманского мира, тем большей свободой пользуются представительницы прекрасного пола. Здесь они участвуют в торговле на равных условиях с мужчинами. Лица большинства женщин были так называемого арийского или скорее иранского типа. Фигуры женщин тоже соответствовали классическим формам.

Утром следующего дня в половине восьмого мы были в дороге, которая снова проходила все время через плодородные поля, цветущие сады и тенистые аллеи. На десятом километре я остановился, чтобы передохнуть в небольшом селении, с солидно выглядевшей базарной улицей, с необычным названием Иякшамбе, равносильному нашему Воскресенью, и означало, что этот день в этом селе базарный. За два километра до села меня удивила широкая полоса красной материи, натянутая поперек дороги от одного дерева до другого, и чуть дальше среди деревьев на обочине стояла пестрая и элегантная палатка. В ней находились два китайца, один из которых был одет на европейский манер. Вокруг стояли с оружием солдаты, толпились туземцы и лошади. Оказалось, что встречали нового *амбана* или правителя провинции, едущего в Хотан. Чуть дальше я обогнал багажный обоз этого небесного сановника и его обслуживающего персонала. Ряд огромных повозок был упакован различными вещами. На самом верху одной из них, среди большой груды мебели, гордо восседал мопс. В других повозках виднелись молодые и старые женские лица и дети. Некоторые из тележек были запряжены мулами, на шеях которых висели большие медные колокола, издававшие звон при движении. Глядя на эту своеобразную кавалькаду, я медленно проезжал мимо обоза. Вдруг раздался звук горна. Мгновенно вся процессия остановилась и сарты спешили. Появились верховые — двое знаменосцев, один горнист, и за ними, на небольшом черном коне, на вершине большой белой подушки, сидел седой,

согбенный и пропитанный опиумом, старый китаец. Это был новый *амбань* провинции Хотан. Подъехав к своей повозке, он спешился, залез под полог и растянулся на своей постели.

Дорога шла по болотистой долине, а затем длинным мостом пересекла реку Тизнаф. Здесь я обогнал нескольких китайских всадников — конвой или авангард охраны.

— Куда вы, товарищ? — окликнул меня один из них на плохом русском языке. Он провел некоторое время в советской стране, немного говорил по-русски и очень хорошо знал коммунистическую формулу приветствия.

На этом берегу характер местности резко изменился. Мы еще видели высокие деревья и зеленые поля с различными культурами, но почва была песчаной и местами дорога была глубоко покрыта песком.

В десяти километрах от Каргалыка я остановился в селении, чтобы отдохнуть и попить чая. Дальше дорога шла тенистыми аллеями среди полей и садов, и примерно на полпути я снова увидел другую широкую полосу красного материала, натянутого поперек дороги, с надписью на китайском языке. Опять были пестрые палатки, солдаты, музыканты: начальник каргалыкского округа и все его служащие и знатные горожане вышли приветствовать нового *амбана*.

Название Каргалык происходит от *карга* — ворона. В городе нет стен, но имеются ворота, где еще одна торжественная группа встречала *амбана*. Здесь дорога разветвляется, одна ветвь уходит на юг в Тибет и Индию, другая — на восток в Хотан и дальше во внутренний Китай и собственно в Пекин.

У ворот стояла охрана, ожидающая *амбана*. При моем появлении затрубил горнист. Либо он приветствовал меня как европейца, или потому, что принял меня за одного из служащих *амбана*. Мы проехали через бесконечные узкие улицы, грязный базар и на южной окраине города остановились в просторном и очень удобном *караван-сараяе*. В нем было удивительно чисто.

Комнаты для путешественников размещались отдельно от помещений для багажа и товаров, животные содержались на отдельном дворе. Управляли здесь всем тоже женщины, которые вели себя совершенно свободно и имели решающий голос.

В *караван-сараяе* было несколько местных христиан, одетых точно так же, как и окружающие мусульмане, и некоторые женщины даже скрывали свои лица, хотя такой обычай не соответствовал их вере.

Я пробыл в *караван-сараяе* недолго, подъехал *аксакал* и пригласил меня остановиться у него. Оставив людей и вьючных животных, я взял своего слугу и конюха и поехал опять через весь город, где на самой северной окраине в восхитительном саду находился прекрасный дом *аксакала*. Сад не был большим, но с фруктовыми деревьями и виноградными лозами. Я с удивлением увидел висящие гроздья винограда, спрятанные в завязанные мешки, защищающие ягоды от нападения ос, которые роились вокруг. Мне было приятно видеть мой собственный вклад в эту страну. В 1921 году я с успехом ввел этот метод в садах консульства Великобритании в Кашгаре и был рад видеть, что это уже распространилось далеко до Каргалыка.

Было еще одно приятное для меня новшество в области садоводства. Я с удивлением и радостью обнаружил в Кашгарии плоды моего прежнего труда. В своем доме в Ташкенте я уделял большое внимание выращиванию слив. В общем, все виды слив очень хорошо растут в русском Туркестане, но их разведение было заброшено после нападения на сады небольшой моли *Cydia funebrana*. После многочисленных экспериментов мне удалось найти японскую сливу *Prunus simoni*, которая имела иммунитет против этого вредителя. Сорт был не очень хорошим и давал не особенно вкусные плоды в европейских садах, но на нашей земле под солнцем Туркестана, слива дала

первосортные здоровые сочные с тонким ананасовым ароматом и, что очень важно — лежкие для долгой транспортировки и потому отличные плоды на экспорт. Слива имела большой успех, и выращивание сорта было поддержано моими соседями. Сарты называли сорт *али помидар* за внешнее сходство сливы с помидором.

Однажды в саду кашгарского аксакала Мир Ахмата я увидел знакомые красновато-золотистые плоды моего старого друга — японской сливы.

— Откуда у тебя эти деревья? — спросил я хозяина.

— Из Андижана, *тахир*, — ответил он. — Мой друг дал их мне из своего сада.

— Это редкий *джида якши*, очень даже неплохой, — продолжал он громко распевать хвалу сливе.

Мне было очень приятно видеть плоды моих садоводческих трудов в этой отдаленной и консервативной стране.

Каргалык оправдывает свое название. По вечерам здешние высокие деревья заполняются воронами и воздух наполнен их непрерывным карканьем. В саду я слышал нежное воркование голубей. Здесь их два вида — наши туркестанские и кашгарские.

Каргалыкские почвы плодородные, кукуруза растет выше головы человека, сидящего верхом на лошади, баклажаны вытягиваются в рост до трех метров, огромные дыни почти с метр в длину, но не такие сладкие и хорошие как в Кашгаре, ветви персиковых деревьев ломаются под грузом плодов.

Когда я прогуливался по ближнему саду, два маленьких ослика подошли познакомиться со мной. Они были очень красивые и ухоженные и упрямо требовали гладить им голову и шею, тыкались свои теплыми мордами в мои руки, надеясь получить лакомства, и провожали меня вплоть до двери. С детства я любил этих умных и нежных животных, очень привязанных к человеку, добросовестных и трудолюбивых. Совершенно непонятно, почему неблагодарное человечество

дало им репутацию глупых и упрямых. Часто ошибочно принимают за ослиное упрямство нечто другое — лучшее понимание обстоятельств, которые хозяин часто совершенно не в состоянии оценить. Они намного умнее лошадей. Более преданы и усердны. Их главный недостаток — это комический внешний вид, длинные уши и ужасный голос. Возможно, именно потому властелин земли отказывается быть другом осла и награждает его за труд ударами палки.

В Кашгарии осел несет основной груз трудового бремени. Без них страна станет жертвой разрухи и голода. Но как человек благодарит своего благодетеля? Поэты и писатели поют дифирамбы муравью, как образцу трудолюбия, хотя он в действительности хищный грабитель. Термиты или так называемые белые муравьи считаются источниками бедствий и разрушений. В то же время в тропиках эти упорные строители своих домов-башен, накапливая строительный и связывающий материал, создают залежи железной руды и преобразуют для человека бесплодные почвы в плодородные.^[1] Вообще характерно для человеческой природы осыпать золотом шута, развлекающего толпу, и оставлять человека науки — благодетеля человечества, умирающим в нищете и заброшенности.

На второй день моего пребывания в Каргалыке я сделал визит к интересному афганцу по имени Абду Гани Насреддин. Он родился в Яркенде и по матери был сартом. Юноша приглянулся русскому врачу и тот взял его в услужение с собой в Москву, где Абду Гани хорошо выучил русский язык. Впоследствии он отправился в Афганистан и стал афганским консулом в Яркенде, хотя пока официально не признанным китайским правительством. Теперь он возвращался из Хотана, где находился с какой-то конфиденциальной миссией.

Абду Гани рассказал мне много интересного о своих путешествиях и об условиях жизни в Афганистане. В 1919 году,

сопровождая афганского министра Вали-хана[2], он прошел через Бухару в Ташкент. Он относился с большим презрением к большевикам и от него я узнал о судьбе вдовы моего друга госпожи ХВ. Она устроилась на службу в афганскую миссию машинисткой, и под защитой афганского флага ей удалось совершить побег из Советской России.

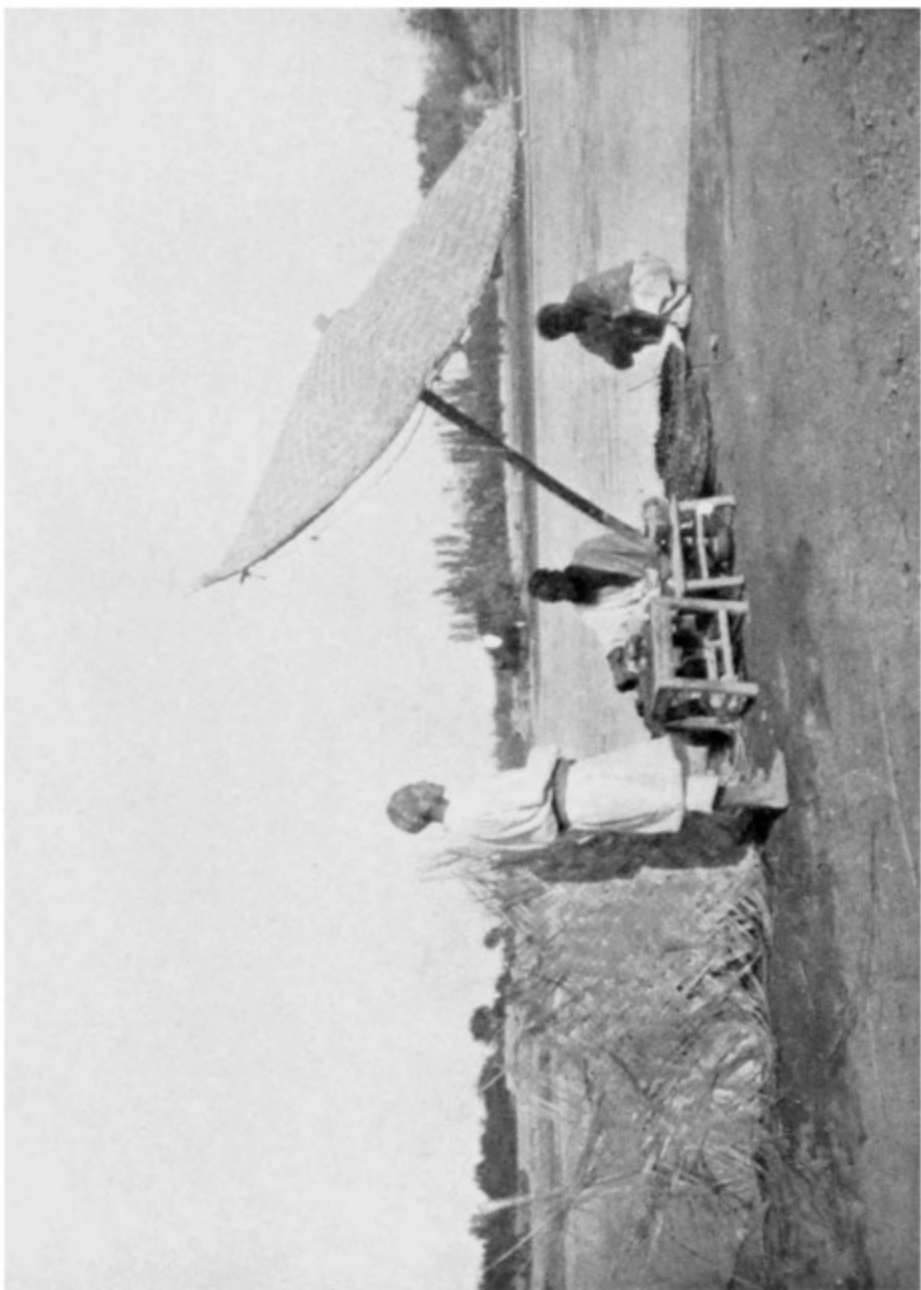
В Бухаре он советовал эмиру, в связи с многочисленными так называемыми «фронтами» в Автономной Республике Туркестан, отправить все ценности и сокровища через Афганистан в европейские банки и обеспечить себя оружием и боеприпасами. Но бухарцы считали себя в полной безопасности, веря, что такое священное место, как Бухара-и-Шериф — достопочтенный дом мусульманского обучения и святости, не может быть подвержен нашествию собак кафилов. Разве Бухара не находится под защитой Ислама и, в частности, Святого Бахауддина, похороненного здесь на окраине города? Бухарцы верили, что во время обстрела большевиками города в прошлом году со стороны железной дороги с расстояния десяти километров, Святой Бахауддин уничтожал снаряды, и они не принесли никакого вреда городу. Впоследствии с помощью большевиков было поднято восстание, возглавляемое младо-бухарцами, и они свергли эмира. Когда российские и бухарские евреи захватили власть, эмир бежал в Афганистан и все его сокровища, золото и драгоценные камни, стоимостью в несколько десятков миллионов фунтов стерлингов, попали в руки большевиков.

Вали-хан был первым афганским послом, совершившим поездку в Америку и в страны Европы. Из Ташкента миссия отправилась на станцию Аральское море, надеясь пересечь плато Усть Урт автомобилями до Каспийского моря, а затем через Астрахань добраться в Москву. Когда они в сопровождении конвоя из десяти красноармейцев достигли Усть Урта, его охрана узнала, что на Каспии находится

«британский флот», и, таким образом, этот маршрут был закрыт для «товарищей». Они вернулись на станцию Аральское море и обратились к генералу Дутову, командующему казачьими отрядами, сражающимися против большевиков, обеспечить безопасность миссии при ее передвижении на автомобилях до станции Актюбинск Оренбургской железной дороги.

Китайские официальные лица со своими семьями. Каргалык

Придорожный лоток

Миссия достигла Москвы, а затем отправилась через Латвию в Берлин, посетила Швейцарию, Рим, Париж, Брюссель, пересекла океаны и побывала в Америке, Шанхае, Калькутте и Карачи, через Персию достигла Анкары и вернулась домой, выполнив тем самым грандиозный тур по всему миру. Абду Гани снова посетил Москву, и вернулся через Кушку, Герат, Кандагар в Кабул и сейчас опять возвращался в Кабул, где его ждала невеста.

— У нас в настоящее время в Афганистане моногамия, как и у вас в Европе, — пояснял он с большой гордостью.

— Почему вы афганцы отказались от полигамии? — спросил я. — Это произошло по чисто этическим мотивам?

— Конечно, — ответил он. — Но, кроме того, в нашей стране не хватает женщин. У нас на каждую тысячу мужчин только восемьсот женщин, а когда богачи брали несколько жен, бедным приходилось вовсе обходиться без них.

— Но Коран и шариат разрешают многоженство для правоверных, как можно изменить закон, установленный самим Пророком? — спросил я.

— Закон Магомета позволяет иметь мусульманам четырех жен. Эмир не отменил этот закон, он только настаивает на том, чтобы муж мог доказать, что он имеет средства для достойного поддержания всех своих жен и должен ко всем им относиться с уважением и любить их всех одинаково. Для этого создана специальная женская комиссия, которая проверяет домашние хозяйства и опрашивает жен и, в случае неудовлетворенности с чьей-нибудь стороны, жена сразу производит развод, — пояснил Абду.

— Мы также отменили очень плохой обычай раннего обручения молодых девушек шести или восьми лет с взрослыми мужчинами с выплатой калыма, после чего девушка может не выходить замуж еще достаточно долго и, пока она вырастает, ее жених уже становится стариком. Теперь у них абсолютно

свободный выбор и возраст вступления в брак для девушек установлен с четырнадцати лет.

— Это отлично, — похвалил я новый афганский закон о браке.

В Кашгаре девушка, которая еще не замужем в четырнадцать лет считается старой девой. Иногда они вступают в брак, разводятся и снова выходят замуж, а то и три раза до этого возраста. Здесь существовал жестокий обычай жениться на девочках десяти лет и даже меньше. Удивительно, что кашгарские девушки взрослеют внезапно, без стадии прохождения подросткового возраста.

Я спросил Абду о минеральных богатствах его страны:

— У вас есть лишь известное месторождение лазурита, но говорят и о золоте и нефти на Кандагаре?

— Да, — ответил он. — У нас много полезных ископаемых, но правительство не намерено отдавать их разрабатывать иностранцам. Будем ждать, пока наши юноши не вернутся из Европы, где они обучаются, а потом мы будем со своими инженерами развивать горное дело и использовать наши минералы.

— Я боюсь, что вы будете долго хотеть этого, Абду, — сказал я. — Горная промышленность требует еще многого, кроме молодых свежеепеченных инженеров-горняков.

В одиннадцать часов утра 10 сентября я покинул Каргалык. Абду Гани пришел попрощаться со мной и сказать до свидания. Через пару километров по полям с различными культурами мы выехали в каменистую долину, полностью лишенную растительности, сначала плоскую, а потом постепенно набирающую легкий подъем. Это значило прощание с широким и плодородным оазисом Яркенда и началом горной пустыни, где только местами проглядывали отдельные лоскутки зелени. Здесь же заканчивалась и кашгарская равнина. С обеих сторон дороги я сквозь пыльную дымку видел очертания двойного ряда

возвышенностей в предгорьях массивной горной цепи Куэнь Луня — первые валы большой горной стены, которая разделяет равнины Центральной Азии и Пенджаба. Поверхность земли была покрыта мелким и крупным гравием. Эти обширные щебнистые предгорья характерны для горных районов Центральной Азии. С ними связаны два интересных явления: это цвет гальки — первичный, связанный с природной окраской скал, из которых они возникли, и приобретенный вторичный цвет почти полностью черный, часто с металлическим блеском, так называемый солнечный пустынный загар. Камни покрыты черной пленкой окислов железа и марганца, и профессором П. К. Алексатом^[3], из Московского университета, в ряде случаев обнаружен кремний. Материал этой пленки не зависит от химического состава камней. Предполагается, что пустынный загар образуется из бесконечно малых содержаний железа и марганца, которые всегда присутствуют в почве, воде, растениях, воздухе, пыли, одним словом, всюду. Он образуется чрезвычайно медленно, несколько столетий необходимо камню или скальной поверхности на его приобретение. Важным фактором в его развитии, очевидно, является химическое воздействие солнечных лучей. И распространение его не ограничивается только пустынями. Я наблюдал его на Южном Урале на широте 51° северной широты в местности, которая при самом сильном воображении не может быть описана как пустыня, встречал и на Тянь-Шане, в то время как в настоящих пустынях южной и центральной Африки это явление наблюдается редко.

Другое любопытное явление здесь представлено тем, что многие валуны и глыбы разделены на две части так, как будто их разрезали острым ножом. Поверхность разрыва совершенно гладкая и это расщепление не может быть отнесено к деятельности мороза. Но есть и другие камни, которые выглядят так, как будто они сделаны из двух половинок,

склеенных белой полосой. Это и дает нам ключ к разгадке. Белая полоса является жилой кальцита. Когда порода застывала в недрах Земли, в ней образовались бесчисленные трещины, которые заполнялись кальцитом, выполняющим роль цемента. *Tout passe, tout casse*^[4] и в ходе времени эти породы разрушались, валуны и галька, в конечном итоге распадались по этим жилам на части, образуя идеально гладкие поверхности. Путешественник, увидев гладкие поверхности расколотых камней, не может не заинтересоваться, какая гигантская сила разрезала эти крепкие камни. Если он спросит об этом местного человека, то получит уверенный ответ: «*Абдан, шайтан, тахир!* (Конечно дьявол, *тахир!*)»

Там, где гряды холмов приближаются друг к другу, дорога пересекает барханы с редкими серовато-зелеными побегами селитрянок и темными кустами тамариска, входит в небольшую зеленую долину Беш Терек — Пять тополей. Это маленький оазис, образованный вытекающим из родников ручьем, который протекая два-три километра, исчезает в земле. Однако его хватает, чтобы дать жизнь этой части пустыни, где отдельные группы высоких деревьев указывают на присутствие *курганчи* — дворов, с крошечными садами, украшенными яркими астрами и индийскими розами. Здесь существует и пернатая жизнь. Над дорогой стелятся пустынные сойки, какие-то виды чеканов трепещут над кустарниками, коршуны парят над головой, высоко в небе вытянулся длинный клин журавлей, приветствуя наш караван трубными криками. Они наши попутчики в дороге, ибо в сентябре птицы летят с севера к теплому и солнечному югу, так же как и мы, в Индию.

Даже не верилось, что шесть лет назад, сидя под арестом в одиночной камере советской тюрьмы и ежедневно ожидая расстрела, я слышал как трубили журавли и гуси кричали «хонг-хонг», держа свой путь на юг. Как я мечтал, чтобы они взяли

меня с собой в далекую Индию! А теперь, вот я сам в предгорьях Куэнь Луня. Сбываются мои самые смелые мечты!

Поздно вечером мы пришли к Лянгару, своего рода местной гостинице на краю оазиса. Здесь мы впервые разбили палатку и положили начало настоящей походной жизни нашего путешествия. Я ничего не ел весь день и был очень голоден.

— Как бы чего поесть? — спросил я моего слугу.

— Сарт в этой чайхане хороший повар и сейчас напечет для нас пирогов — сказал парень, не желая из-за лени готовить обед из наших запасов. Я пошел взглянуть на пироги. В зловонном деревянном блюде, черном от времени и грязи, лежала куча нарезанного лука и мяса. Лука было нарезано гораздо больше, чем мяса. Немытый сарт раскатывал куски теста на доске, брал грязными руками горсть резаной начинки, ловко заворачивал ее в тесто и прилеплял пирог к внутренней стенке *тандыра* или местного очага. Когда пирог был готов, он сам собой отделялся от стенки *тандыра* и падал вниз.

Все выглядело так неприглядно, что я запретил своему слуге раз и навсегда предлагать мне любую еду из местной кухни, и приказал ему приготовить обед из запасов, которые мы привезли из Кашгара. К сожалению, его кулинарные способности были ничтожны, он даже не знал, как сварить рис и считал избыток лука самым важным компонентом любого блюда. Первые несколько дней он готовил ужасную еду и я с тревогой думал, чем мы будем питаться в дальнейшей поездке. К счастью, он сам это хорошо понимал, старательно обучался кулинарному делу и в скором времени уже предлагал мне очень уважаемый карри и мог приготовить хороший плов и жареную баранину.

На следующий день, после продвижения через песчаные и каменистые пустыни, мы прибыли еще днем в Кок Яр — Зеленый обрыв. Это был последний в Кашгарии населенный пункт на этом маршруте, следующий мы увидим только когда

достигнем долины Нубра в Малом Тибете. Впереди были высокие пятитысячные горные перевалы, высокогорные пустыни плато Каракорум, недоступные ледяные высоты Сассер-ла и мрачная Долина ледников.

В Кок Яре мы провели три дня, разбив лагерь во дворе дома друга нашего *караванбаши*. В его маленьком саду было много цветов, росло несколько высоких тополей с крупными, как крылья листьями (*Populus platanoides*), на которые в вечернее время с огромной суетой и шумом прилетали на ночлег птицы. Во дворе я погладил красивую большую красноватую тибетскую собаку с длинной шелковистой шерстью и она после этого каждую ночь охраняла мою палатку.

Ручей, на котором стоит поселок и водами которого орошаются все сады и поля, очень мал, вода в нем соленая и неприятная на вкус. Растительность имеется только в узкой долине ручья. Его высокие берега, сложенные из песчаников и конгломератов, совершенно голые и за ними простирается вдаль пустыня. На полях выращивают много конопли (*Cannabis Indica*) для изготовления гашиша, *анаши* или *банги*, как ее называют сарты. Это строго запрещено, но является важной статьей экспорта в Индию.

Погода в течение последних нескольких дней стояла облачная. За последние дни мы поднялись гораздо выше и здесь было прохладнее. На другой день после нашего прибытия в Кок Яр все вокруг было покрыто дымкой, состоящий из тонкой глинисто-известковой пыли, столь характерной для центральноазиатских пустынь. В ходе тысячелетий эта пыль образует огромные залежи богатой плодородной почвы, известной как лёсс.

Небольшой двор нашего хозяина был в постоянном движении. Мы покупали муку, ячмень и люцерну — пищу для людей, лошадей, верблюдов и овец. Люди приходили и уходили, ведя за собой нагруженных ослов и верблюдов, и еще больше,

чтобы поглазеть на сборы каравана для такого долгого и дальнего путешествия. Незванный гость — музыкант с примитивной гитарой — *домброй* не прекращал бесконечное брэнчание. *Караванбаши* с раннего утра занимал свое место на расстеленном на возвышении коврике и неспешно отдавал приказания. Несколько мужчин представляли собой любопытную картину: они стояли с веретенами в руках и комками шерсти, закрепленными на груди халатов, и, дабы не тратить драгоценное время, непрерывно вращали веретена, наблюдая за кипящей вокруг работой. Эта привычка мужчин никогда не разлучаться с веретенами, постоянно скручивая пряжу, заимствована из Тибета, где она обычна.

Организация каравана требует наибольшего внимания к деталям, и здесь невозможно рассчитывать на опыт и дальновидность туземцев. Например, после того, как я собрал всю информацию о количестве корма для лошадей и сказал, что объем заготовленного надо увеличить вдвое, что вызвало вопль протеста со стороны *керекеша*, который кричал, что теперь мы должны нанять больше верблюдов. В конце концов, я обнаружил, что ошибся в подсчете и объем должен быть увеличен в три раза.

В то время как китайцы очень аккуратны с домашними животными и кормом для них и следят за ними хорошо, то сарты относятся с животными плохо. На дополнительный килограмм кукурузы для лошадей сарты смотрят, как на пустую трату. Они имеют особое мнение, что на горной дороге лошадей кормить следует как можно меньше. Оправдывая это, они говорят, что на трудных подъемах высоких горных перевалов в разреженном воздухе не следует перегружать желудок лошадей зерном или давать много люцерны. Для перевозки корма для лошадей требуется больше верблюдов, которые тоже хотят есть, и это означает увеличение количества вьюков и все замыкается в порочном круге. В нашем случае мы брали

верблюдов с расчетом использовать их только до ледников Сассер-ла, откуда должны были отправить их обратно. Корм им на обратный путь будет доставлен другими верблюдами и сброшен в определенных местах. Один этот пример показывает, что организация работы экспедиции требуется на всем протяжении долгой пустынной горной дороги. Верблюд необычайное животное. Кроме выносливости, силы и сохранения работоспособности при длительном голодании, он имеет еще одно примечательное свойство. Когда запасы корма исчерпаны, туземцы замешивают из муки немного теста и кладут верблюду в рот, иногда заставляя его силой проглотить эту непривычную еду. Помогает это или нет, но после такого насильственного кормления верблюд еще длительное время не теряет своих сил.

Нашим источником мяса были овцы и мы взяли их больше, чем нам требовалось, так как кашгарские овцы более крупные, чем тибетские, и наш *караванбаши* рассчитывал успешно продать их излишки в Тибете. Для отары овец, которая будет уменьшаться ежедневно, был нанят специальный пастух. Он, независимо от каравана, уходил с отарой на рассвете и останавливался только на ночь в условленном месте. Пастух сам выбирал себе путь вдоль горных склонов, избегая переправы через потоки, овцы при движении кое-где находили немного скудной травы. Там, где не было абсолютно никакого подножного корма, они получали немного ячменя. Овцы переносят разреженный воздух лучше, чем другие животные равнин. Для верховой езды или перевозки груза на больших высотах, среди ледников, замерзших карнизов и крутых подъемов, где не могут пройти лошади и даже с большим трудом пробирается человек, используется, конечно, самый надежный транспорт — *кутас* или як. Но яки очень быстро теряют силы при отсутствии зеленой пищи и их не заставишь есть зерно.

Примечательный дом с садом в Китайском Туркестане

Нам также были необходимы инструменты, такие как кирки и лопаты, чтобы копать снег и выдалбливать ступени во льду, а также целый мешок сапог из красной кожи с мягкой подошвой, с кружевами на лодыжках из лент различных цветов, которые придавали им чрезвычайно живописный вид. Эти сапоги интересны в историческом смысле, так как они идентичны по конструкции с теми, что изображены греческим художником на ногах скифов на древних серебряных вазах из Куль-Оби и Никополя, хранящихся в Эрмитаже в Петрограде, как называлась моя старая столица пока не стала Ленинградом. Туземцы считают эти сапоги одинаково удобными для носки на равнинах и в горах. Они не деформируют стопу и сохраняют свою эластичность, но очень быстро изнашиваются, и было необходимо иметь их хороший запас.

У нас было достаточно подков для лошадей и кузнец, который следил, чтобы лошади всегда были подкованы, иначе они могли быстро выйти из строя.

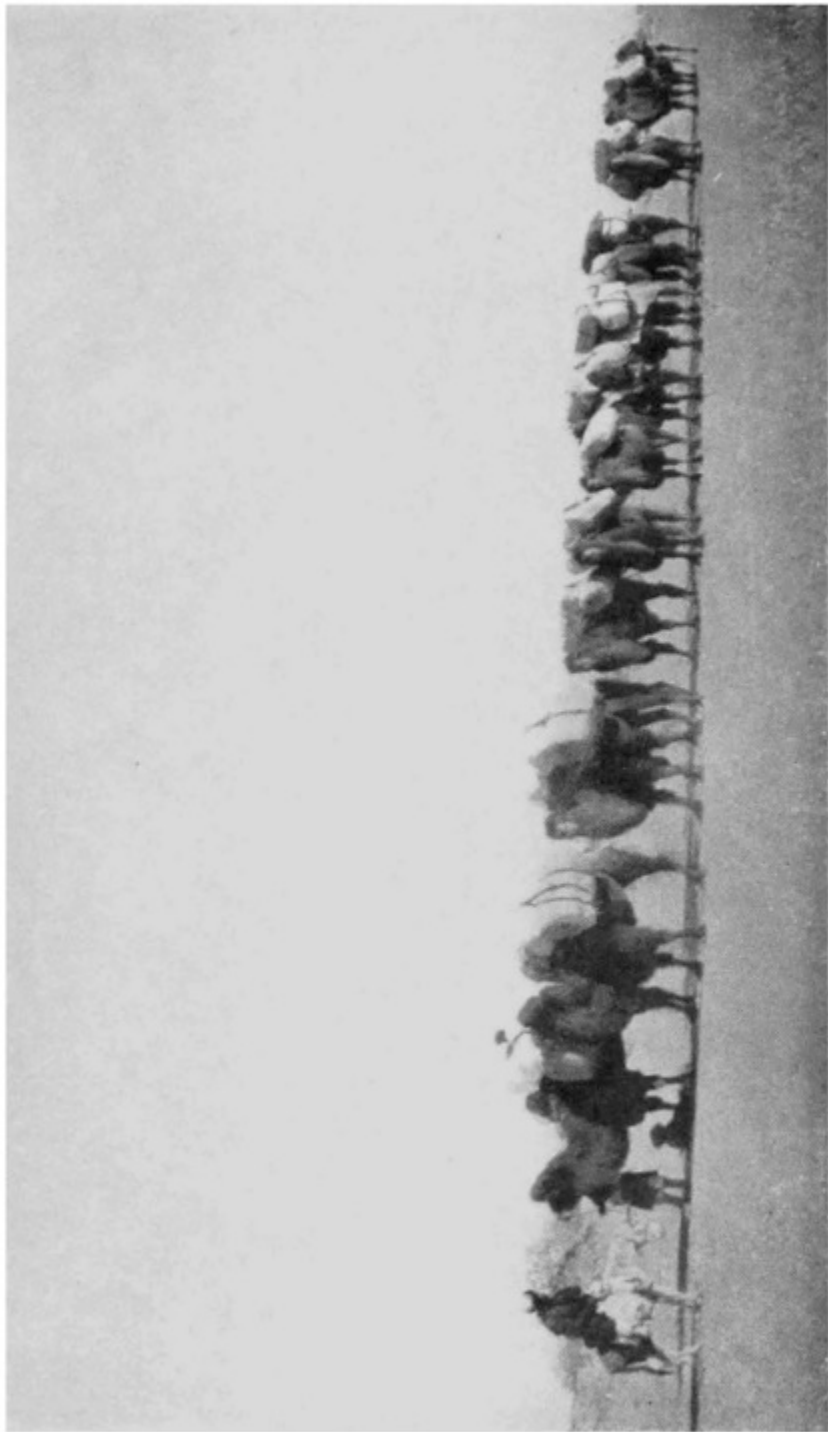
Наконец, когда все было готово, в местной мечети провели службу, в которой приняли участие все члены каравана, их друзья и родственники. Затем во дворе перед домом было произведено жертвоприношение, для которого зарезали самого большого и жирного барана, выбранного из наших запасов. Угощали вареным мясом и бульоном всех присутствующих. И, конечно же, был неограниченным чай.

Утром 14 сентября мы начали собираться в дорогу. Как всегда бывает, сначала все шло очень медленно, и не так. Но я не волновался, зная по опыту, что здесь все идет казалось бы медленно, но делается в срок. Восток не любит европейской суеты и спешки. В восточной мудрости торопливость считается атрибутом *шайтана*.

Был полдень, когда все было готово и наш караван вышел в долгий путь, к которому все были привычны. Размеренным шагом, вытянувшись вереницей, шли верблюды, торопливо семенили ослы, лошади в строгом порядке тронулись одна за другой. Местное население с добрыми пожеланиями счастливого пути провожало нас. «*Бисмиллах ир-рахим ир-рахман!*» — была слышна молитва путешественника.

Примерно четыре километра дорога вела нас через поля в тени деревьев, а затем вдоль речки, мимо круто залегающих песчаников и конгломератов. Маленькие стаи мелких певчих птиц, летящих тоже на юг, мелькали туда — сюда среди кустов, порхали яркие малые синицы, а крик галок говорил нам, что мы уже вступили в альпийскую зону. Стаи этих красивых птиц пролетали над бесплодными склонами песчаных холмов, в которых эхом отражались звонкие крики птиц.

В самой узкой части пути, там, где крутые скалы оставляют лишь небольшой проход по берегу ручья, стояли деревянные ворота и хижина. Это был китайский таможенный пост, где собирали импортные и экспортные пошлины с проходящих караванов. Я показал документ от *амбана* с какими-то китайскими иероглифами, которые, конечно, солдаты у ворот были совершенно не в состоянии прочесть. Тем не менее ворота открылись и весь караван медленно продолжил путь. Это была последняя территория, управляемая китайскими властями. Дальше до областей *махараджи*^[5] Кашмира мы не видели ни солдат, ни чиновников. Мы переправились через ручей, исчезающий в песках, и вышли к высокому хребту, в котором зияло страшного вида ущелье. Свинцовые тучи висели над нашими головами. У подножия холмов поднималась роща из редких корявых деревьев. Здесь мы остановились на ночь.

Караван верблюдов

Киргизское стойбище

В этот день мы шли всего пару часов, но есть хорошее правило — начинать долгое и утомительное путешествие легким переходом, чтобы люди и животные привыкли к своей работе при передвижении.

Место у ручья Псар было живописным. Верховых лошадей привязали к деревьям, а вьючных, связанных друг с другом, медленно водил по кругу один из погонщиков за повод, привязанный к передней лошади. Так лошадей выгуливают в течение нескольких часов без пищи и воды, пока они не остынут и, таким образом, предохраняют лошадей от ревматического воспаления копыт и сохраняют их работоспособность. Чтобы не простудить лошадей, покрытые тканью попоны из-под больших вьючных седел не снимаются ни разу в течение всего путешествия. Точно так же погонщики гоняют по кругу верблюдов, с помощью какого-то мальчишки, появившегося здесь неведь откуда.

Пока ставили палатки, я сидел на коврике и пил чай. Вода в ручье была чистой и прозрачной, приятной после соленой воды последних четырех дней. На севере небо было ясным, на юге, за мрачным ущельем, куда лежал наш путь, грозные темные тучи собирались над горными вершинами. Стая коршунов долго кружила в воздухе, а затем, вопя, расселась на высоких деревьях. Они тоже перемещались в Индию и, подобно нам, выбрали этот живописное место для ночлега.

Вдруг поднялся ветер и песчаный вихрь пронесся над нами. Все было заполнено песком и листьями. В поисках убежища я бросился в палатку, которая уже была поставлена. Ударил ледяной ветер с высот Куэнь Луня и пошел дождь, но вскоре закончился. Вечером после ужина *караванбаши* зашел в мою палатку за поручениями. Я спросил его, каких диких животных мы сможем увидеть по дороге.

— Есть дикие яки, — сказал он, — но мы, скорее всего, их не увидим, так как они избегают караванных путей. Перед Ак

Тагом мы, вероятно, увидим длиннорогих антилоп — *чиру*, в верховьях Калистан Дарьи есть медведь — *аю* и снежный барс. Везде есть зайцы, — заключил он.

Медведь, вероятно, *Ursus pruinosisus, Lyd.*, или *U.lagomyarins, Sev. u Prz.* Чиру является *Pantholops hodgsoni*.

Ночь была ясная, тихая и теплая. Я долго не спал. Мои мысли были заняты предстоящими приключениями при пересечении Куэнь Луня — самого высокогорного плато в мире, горами, вершинами, ледниками, ущельями, пропастями, слагающими главный водораздел Азии, разделяющий два мира.

ГЛАВА VII. Подъем на Каракорум

На следующее утро все делалось быстро и к половине восьмого все вьюки были загружены. Я выпил свой утренний кофе и был готов ехать, но вдруг в лагере произошла суматоха. Я хорошо знал, что сарты обычно используют для верховой езды жеребцов, и подо мной тоже был жеребец. Я распорядился еще в Каргалыке, а затем повторил своему *караванбаши* в Кок Яре, что в караване не должно быть кобыл. Я знал по горькому опыту, что всегда возникают проблемы, если среди ревнивых и задиристых жеребцов появляются представительницы лошадей прекрасного пола. Всю ночь я слышал ржание наших лошадей, утром было видно, что они возбуждены и даже отказывались от корма. Когда я хотел сесть на своего коня, он вдруг вырвался и набросился на одно из животных, которое было загружено вьюком. Поднялся ужасный шум, лошади ржали, били копытами воздух, вверх взлетали попоны, люди кричали и ругались. Мой озверевший конь вцепился зубами в шею вьючной лошади. Это была сцена, по сути, неизбежная в таких случаях и, чтобы избежать неприятностей и успокоить

боевых животных, с места скандала увели яблоко раздора — маленькую серую кобылу.

После этого я приказал *караванбаши* сделать все, чтобы подобное не повторялось, и, если я еще раз увижу эту кобылу вблизи наших лошадей, я ее тотчас застрелю. И я поднял свою винтовку, чтобы показать, что говорю серьезно.

Серая кобыла исчезла из каравана и была прикреплена к пастуху с нашей отарой овец, которые шли медленно и останавливались на ночлег далеко от нашего лагеря.

Я ехал впереди каравана. Моим проводником была маленькая гнедая выючная лошадь с хорошим ходом, которая прошла этим трудным путем от Кок Яра в Лех много раз. Когда дорога круто повернула на юг в сторону пустыни, лошадь решила, что пришло время передохнуть, и направилась прямо к двери хижины, стоящей на обочине дороги. Конюх поспешил вернуть нашу хитрую проводницу на правильный путь, и она опять пошла довольно уверенно навстречу трудностям перехода, голоду, *тутеку* и ледяным перевалам.

За выючными лошадьми шли ослы, несущие корм до самой Халистан Дарьи. Их погонял небольшой мальчик лет тринадцати-четырнадцати, одетый в белую рубашку и в меховой шапке на голове, в которую он напихал охапку полевых цветов. Этот мальчик выглядел как молодой украинец, у него были большие глаза и темно-коричневые волосы. Его тип лица был совсем противоположный тюркскому. Такие типы не часто встречается в Кашгарии, но в Кок Яре я видел нескольких, в том числе и красивых женщин.

Ущелье в хребте Куэнь Лунь, в которое мы входили, выглядело очень мрачным. Оно было узкое и голое, с размытыми глинистыми стенами конгломератов, на которых торчали не поедаемые животными, редкие ярко-зеленые кустики гармалы (*Peganum Härmälä*) и серовато-зеленые странного вида космополитические кустарники (*Nitraria*

stroberi). Мы незаметно поднимались и были уже значительно выше Кок Яра, который находился примерно на высоте 2000 метров. Водный поток полировал сложенное песчаниками дно. Какие-то чеканы и горихвостки (*Pratincola*, *Saxicola* и *Ruticilla erythrogaster*) весело насвистывали и слегка оживляли однообразную местность. Солнце скрывалось в тонком пыльном тумане, который висел над холмами.

Песчаники чередовались с серо-голубыми известняками. Путь становится круче и местами лошади карабкались по скалам, а потом мы вдруг спустились вниз и перешли на другую сторону оврага. Поток исчез и мы поднялись снова вверх и вышли на травянистую поляну, которая перешла в широкую ровную долину, поросшую по дну густой, сочной травой. Здесь росли овсяница, (*Festuca altaica*), осока, ковыль восточный, низкий тростник и другие растения, которые были прекрасным кормом для животных. Ниже долина сужалась и переходила в пересохшее русло, за которым мы догнали длинную вереницу верблюдов, нагруженных шерстью и войлоком. Величественные животные медленно и спокойно шли вперед под тихий звон *ботала* — колокольчиков из тонкой листовой меди и еще камни слегка шуршали под их крадущимися шагами.

На зеленом фоне травы четко выделялись мощные жилы темно-красных порфиринов, секущих известняки. Отсюда долина стала сужаться, а затем резко повернула направо, где мы натолкнулись на лачугу с *хаусом* — искусственным водоемом, с чистой хорошей водой, набранной из ручья, текущего вниз от Топа Давана — Пыльного перевала. Этой водой орошались засеянные просом поля и периодически пополнялся водоем. Место называлось Ак Маджид, то есть Белая мечеть, хотя никаких признаков мечети не было. Мы разбили здесь лагерь. Я спешился и заказал себе чай и обед. Было холодно. Ветер дул с севера, и мне пришлось впервые тепло одеться.

Чуть позже к нам подъехал индеец на коне. Он дружески приветствовал меня и спросил, куда я направляюсь. Мы разговорились, и он сказал мне, что служил в индийской армии на протяжении многих лет и знал очень хорошо мистера Скрина и его преемника полковника Р. Лиолла. Затем подошла вереница верблюдов. *Караванбаши* был человек из Кашгара, который хорошо меня знал. Они направлялись в Лхасу. Вечером подошел еще один караван, состоящий из девяти лошадей и мулов, принадлежащих Хаджи Тан Лину, китайскому чиновнику в Кашгаре. У них были великолепные лошади, особенно один светлогнедой жеребец — прекрасное красивое животное, полное задора, выглядевшее совершенно бодрым после тяжелой нагрузки. Увидев наших лошадей, он начал громко ржать, топтать копытами, призывая их к борьбе.

Караванбаши Хаджи Тан Лина попросил разрешения присоединиться к моему каравану.

— Это было бы хорошо для нас обоих, — сказал он. — Мы можем помогать друг другу в тяжелых местах и на переправах.

— Я не против, — был мой ответ. — Только позаботься держать этого грубого гнедого на почтительном расстоянии и держи его в узде так, чтобы он не мог вырваться и внести волнение среди моих животных.

— Конечно, — согласился он. — Вы не волнуйтесь, это не будет длиться долго. Когда мы выйдем за пределы Куфеланга, лошади забудут про всю свою прыть. Я только надеюсь, что они дойдут все до Леха и я смогу получить очень хорошую цену за них там или в Кашмире.

В Ак Маджиде, который еще час назад был пустынным, теперь с приходом караванов кипела жизнь. Со всех сторон поднялись палатки, шеренги лошадей и верблюдов жевали ячмень или сено. Зажглись лагерные костры.

Высота здесь была 2700 метров. Становилось все холоднее и холоднее. Я надел шерстяное нижнее белье, которое много раз

спасало меня от сильных морозов. Белье было из толстой, но легкой шерстяной ткани, с начесом с одной стороны, и как мех хорошо сохраняло тело в тепле. С туникой или курткой сверху из похожего материала, например габардина, получается легкий теплый костюм, который идеально подходит для путешествия в горах или в холодной стране. Он защищает от ветра и его легко носить. Если вам становится жарко, все, что вам нужно сделать, это снять верхнюю оболочку.

Перед заходом солнца опустились облака и, превратившись в туман, покрыли все мелким дождем. Спать было слишком рано, я лежал и от нечего делать размышлял о дальнейшем пути.

Нашей задачей на следующий день было пересечь Топа Даван. На пути в Лех Топа Даван является первым невысоким и самым простым из шести других перевалов, так как все остальные находятся выше 4800 метров, а Каракорум, достигает высоты 5650 метров, хотя доктор фон Ле Кок определяет его в 5880 метров. В течение четырнадцати переходов наши лошади не будут иметь выпасов, идя через голую горную пустыню, и, даже после этого, вряд ли будет возможным найти хоть какую-то траву, все, что здесь едва вырастает, съедается проходящими караванами. После закрытия дорог в Россию, движение на этом нелегком пути в Индию увеличилось, а вместе с ним выросли и трудности в обеспечении кормами, которые стали еще хуже, чем даже во времена экспедиции Форсайта. Снова и снова мы должны переходить вброд опасные горные реки. Многие лошади падут жертвой разреженного воздуха, бурных потоков, снежных буранов, ледников и пропастей. Достаточно ли наших запасов фуража для поддержания их сил, как далеко до ближнего места, где мы можем найти хорошие корма в долине Нубра? Наш караван состоял из тринадцати вьючных и верховых лошадей, полдюжины ослов и десяти верблюдов. Ослы в ближайшее время должны были вернуться, верблюды,

несущие люцерну, ячмень, муку и дрова, будут сбрасывать свой груз по дороге для обратного пути, в то время как другие пройдут всю дорогу до Сассер-ла, где в Худай Халасса они будут заменены яками.

От животных мои мысли переключились к людям. Мы знали, что на этом тяжелом пути может оборваться чья-то жизнь и даже не одна. Я слышал, что здесь среди бесчисленных скелетов лошадей, ослов и верблюдов не редко можно найти и кости людей.

Какой-то странный рок преследовал первых трех геологов, которые осмелились исследовать цитадель этой великой крепости. Их прах остался здесь. Жестокая смерть настигла Адольфа Шлагинтвейта в Кашгаре в 1857 году, Хейворда убили в Ясине в 1868 году, Фердинанд Столичка, австрийский геолог и палеонтолог, отдавший свою жизнь службе в Индии, умер на Каракоруме в 1874 году.

Недоступные цитадели Куэнь Луня скрывают огромные богатства в своих недрах, а, возможно, и на поверхности. Примером служит богатое месторождение камня, который высоко ценится китайцами, и называется ими *юй*. Это нефрит — горная порода, которая в других странах встречается только спорадически, обычно в виде гальки. Хребет Куэнь Лунь содержит богатейшие месторождения золота, мало известные цивилизованному миру. Без преувеличения можно сказать, что они своим богатством превышают известные месторождения Клондайка. Россыпи расположены вдоль северных склонов этой цепи на протяжении девятисот километров от горы Мурк хребта Карангу Тага на западе до меридиана Лобнора на востоке. Источником золота являются тальковые сланцы, пересеченные многочисленными кварцевыми жилами. Самые богатые месторождения сгруппированы по гребню Русского хребта, названного в честь России нашим знаменитым исследователем Н.М.Пржевальским. Они находятся недалеко от Ак Тага,

на высоте 4900 метров, где работа возможна только в течение двух или трех месяцев в году. Золото очень крупное. Золотоносные породы залегают всего на глубине от 1.5 до 2-х метров вскрыши. К месторождениям есть хорошие подходы и только разреженный воздух и сильный холод затрудняют работу. Подарком природы является отличное месторождение угля, расположенное недалеко от будущих золотых выработок. Но главным препятствием на пути эксплуатации этих сказочно богатых месторождений является китайский дракон, который надежно охраняет недра Куэнь Луня. Золотые россыпи протягиваются дальше в Южный Тибет, где они образуют тщательно охраняемые источники богатства Далай-ламы. Здесь тоже работы можно вести только три месяца в году. Это золото является одной из причин ревностной защиты Восточного Тибета от жадных европейцев, и в этом проявляется великая мудрость Далай-ламы. В те дни, когда цивилизованные европейцы, преданные мамоне, найдут путь к сокровищам Куэнь Луня, на Земле наступит время последнего большого накопления человеком драгоценного металла, ибо нет никаких оснований надеяться на открытие другого великого золотоносного региона.

Под убаюкивающий стук дождя, мне приснилось, что я ехал на яке через перевал Ак Таг, прямо вниз в таинственный город Лхаса. Но сон не был пророческим — дождь продолжался и утром. *Караванбаши* пришел и сказал, что в связи с дождем перевал Топа Даван непроходим, и мы должны ждать следующего дня.

Вид из нашего лагеря был удручающим. С трех сторон маленькая плоская, как стол равнина, была окружена высокими зубчатыми горами, состоящими из темных голубоватых глинистых сланцев. На вершинах проглядывал снег, ниже по склонам висели темно-серые облака и стекали потоки темно-коричневой воды. Временами сквозь тучи пробивалось солнце,

но северный ветер снова нагонял облака и дождь усиливался, орошая нас холодными струями. Среди ячменной соломы стояли мокрые и унылые лошади. Еще вчера здесь обмолачивали ячмень, и мальчишки разгоняли стаи почти ручных горных голубей (*Columba rupestris, and choughs, Pyrrhocorax pyrrhocorax*). Хищная птица, похожая на луня, с желтым пятном на верхней части головы, взлетела вверх и спокойно устроилась на шесте возле моей палатки, и сидела там долгое время, как будто ожидая кого-то. Мои руки и ноги онемели от холода. Порой туман спускался с вершин и охватывал в свои влажные объятия весь лагерь.

На следующее утро, как только показались первые проблески рассвета, наша небольшая отара овец с кобылой ушли в сторону перевала. Затем мимо прошла вереница верблюдов, принадлежащих большому каравану. Мы тронулись гораздо позже.

После поворота в боковое ущелье темно-зеленые и лиловые сланцы сменились кристаллическими известняками. Склоны гор были покрыты низкой травой, на которой экспедиция Форсайта видела пасущихся диких яков. На этот раз они находились далеко от нашего маршрута.

Подъем на перевал был очень крутым, но легким, благодаря зигзагам и мягкому грунту тропы. Наши лошади медленно поднимались вверх, не испытывая больших трудностей. На вершине, по обычаю, мы остановились, чтобы дать животным отдышаться, а потом тронулись дальше. На склоне горы были маленькие зеленые пятна, похожие на мох, сверкающие после дождя. Когда я рассмотрел их поближе, то к своему удивлению увидел маленькие белые цветы с розовыми центрами. Это причудливое маленькое растение, по какой-то причине, имитирующее мох, состояло из многих переплетенных стеблей, тонких как волос, увенчанных маленькими толстыми листочками. Его ботаническое

название — *Arenaria musciformis*, Wall. Ниже по южному склону скалы покрыты настоящим мхом. Такая мимикрия среди растений очень интересное явление. В Африке молочаи подражают различным формам кактусов, и многие трудно различимы. Я наблюдал там и другие случаи, например, *Testudina elephantoide* в пустыне Карру, у которой стебель не растет вверх, а стелется по земле, как панцирь черепахи с небольшими пластинами — щитками или *Remaria* и *Pleisophilus*, которые выглядят похожими на гальку или щебень.

На южной стороне перевала растительности стало больше. Наряду с сибирским гороховым деревом — *чилигой*, здешним бобовым кустарником — *караганой* (*Caragana Frutescens*) и *Nitrariocy* на вершинах гор растет низкорослый можжевельник (*Juniperus pseudosabinus*). Темно-зеленые пятна хлоритовых сланцев, разбросанные там и тут, увеличивают зеленый фон местности. Мелкие птахи порхали в кустах и несколько красивых горихвосток составляли нам компанию по дороге на юг.

Некрутой спуск по мягкой тропе вывел нас на дно боковой долины, которая вошла в узкое ущелье, стиснутое скалами кристаллического известняка. Тропа исчезла. Крутая извилистая щель между скалами была наполнена огромными валунами и глыбами белого мрамора, хаотически наваленными друг на друга. Карабкаясь с помощью рук, я спустился со скал и с трудом продолжал свой путь по каменному завалу, иногда перепрыгивая через полуметровые щели между валунами. С большим трудом я провел свою лошадь через этот каменный хаос. Я спускался вниз полтора часа. Просто удивительно как вьючные лошади могли здесь пройти, и совершенно непонятно, как могли это сделать верблюды.

Когда тропа миновала известняки и пошла среди сланцев, долина снова расширилась, и путь продолжался по сухому руслу.

Здесь я остановился в ожидании каравана и сел на большой камень, чтобы сделать свои записи. Пошел дождь и снова выглянуло солнце. Наконец, вьючные лошади, привыкшие к таким трудностям, начали выходить из этого ужасного ущелья, но бедных ослов пришлось разгружать и вручную перетаскивать их поклажу. Казалось каким-то чудом, что и верблюды прошли эти каменные завалы, не переломав своих ног.

Чуть позже наш караван вступил в долину Халистан Дарьи. Река текла в узком мрачном ущелье, среди голых, лишенных растительности скал. Вокруг преобладал черный цвет. Осыпи черных камней покрывали склоны, черно-зеленые камни виднелись в русле реки. Мрачное и дикое место своим видом внушало страх.

Здесь мы остановились на привал. Наши бедные животные получили короткую передышку, после непривычного акробатического передвижения по каменному завалу. Затем мы поехали вверх по течению, то поднимаясь высоко над рекой, то спускаясь вниз, то пересекая реку вброд, минуя вертикальные скалы. Чуть дальше долину оживила растительность. Появились ивы и тополя, высокие тамариски, высоченные до трех метров заросли шиповника, с ярко-красными ягодами и несколько запоздалыми розовыми цветами, кусты эфедры с ярко-красными ягодами, похожими на малину и непременно селитрянки, покрытая спелыми ягодами, напоминающими черную смородину. Встречался клематис (*Clematis orientate*, Linn.) и его разновидность (*Clematis acutifolia*), обвивающие стволы высоких деревьев до самых вершин, покрывая их огромной пушистой массой со зрелыми белыми семенами. Этот ломонос, кажется, наиболее широко распространенный и выносливый из всех наших среднеазиатских растений, встречается везде, даже среди высокого сухого безжизненного плато Каракорума.

Преодолев по реке пять бродов, мы разбили лагерь на довольно диком, небольшом зеленом пространстве. Вокруг возвышались высокие отвесные скалы. Поток деловито суетился, наполняя шумом долину. На его берегах росли гигантские кусты шиповника, огромные тенистые тополя и незнакомое мне растение с темно-красным стволом и длинными красными тонкими прямыми побегами высотой от 3 до 4.5 метров, очень похожими на тамариск. Когда я подошел ближе, то увидел, что нижние ветви были покрыты не чешуйками, а длинными узкими листьями. Кажется, что в этой влажной горной долине, где нет опасности от большой потери влаги испарением, тамариск приступил к разработке более совершенной, но еще примитивной формы листа. Это был *Hololachne shawiana*, Hook., — интересный кустарник, характерный для этих альпийских долин.

Скалистые берега реки, состоящие из оливиновых пород, смачиваясь водой, приобретали блестящий темно-фиолетовый цвет с металлическим блеском. Какие-то виды малого кулика, весело насвистывая, ходили по песку. Наши овцы, находясь на свободе, даже не пытались уйти от человека, спокойно паслись рядом, создавая картину французской пасторали восемнадцатого века. Они прошли речные броды без каких-либо проблем, хотя иногда и вплавь. Крошечный мохнатый ослик, на котором ехал пастух, тоже переплывал глубокие броды.

В нашей зеленой долине было уютно и тепло. К северу от лагеря был виден высокий пик. Вокруг него нависали темные свинцовые облака, но к вечеру выглянуло солнце. Облака разошлись, и теперь снежная вершина блестела серебром.

В шесть утра я был на ногах. Выходило солнце, золотя вершины на западе и скалы вокруг нашего лагеря, делая его еще более живописным. Караванщики почему-то задержались с погрузкой и только в восемь мы двинулись в путь.

Вверх по течению растительность стала еще богаче. Деревья и кустарники стали выше. Темно-зеленые кусты облепихи стояли, отягощенные золотисто-желтой ягодой, из которой сибиряки делают любимые напитки и отличные варенья. *Hololachne* стали огромными, достигая 3 — 4.5 метров высоты, со стволами до 10 см толщиной. Барбарис (*Berberis ulicina*) образовывал прибрежные заросли, усыпанный пучками черных и красных ягод. Маленькие лиловые астры цвели среди камней. Цветы астры можно встретить по всей Европе, Азии и Африке, в садах и полях, на сырых лугах и по берегам рек, в горах и долинах.

Здесь же растет любопытное, очень заметное растение-паразит [\[6\]](#). Оно поднимается прямо из земли, как небольшие олени рожки, с гладким бархатистым основанием. С поверхности рожки как бы посыпаны мелким песком и покрыты небольшими чешуйками коричневого или реже, зеленого цвета. У молодых особей внутренняя структура состоит из мягкой клетчатки, но старые деревенеют, образуя волокнистые наросты. Это любопытное растение предпочитает гнилые стволы.

Растительность ограничивалась речной поймой. Горы по сторонам были голые и безжизненные, состоящие из оливиновых пород, но среди валунов встречались сланцы, серпентин, габбро и граниты. По дороге мы прошли через широкое зеленое пространство, где выпасался гурт овец, в то время как другой находился за высокой каменной стеной, отгораживающей родник. После пересечения небольшого ручья — притока реки мы увидели остатки плавильных печей со шлаками от выплавки меди. Руда приносилась сюда с ближних гор и выплавлялась на древесных углях. В прежние дни эта медь использовалась в Кашгаре для изготовления монет. Конечно, здешнее производство было очень малых масштабов.

Мы вышли к слиянию двух потоков: Узун Яйлака — Длинное летнее стойбище и Куйду, образующими Халистан Дарью. Дальнейший путь был закрыт высокой черной скалой. Брод был очень глубоким. Верблюды прошли его довольно хорошо, но я поехал с лошадьми в обход по высокому гравийному берегу, намытому старыми потоками. Тропа шла над водой среди огромных скал, и мне приходилось часто вести лошадь в поводу. Умное животное прекрасно чувствовало такие места и само останавливалось, позволяя мне спешиться. Тропа, следуя левым притоком, резко поднялась вверх. На этой высоте уже не было деревьев, но еще местами росли кустарники. Мы оказались среди альпийских лугов и остановились на обед у огромного шиповника, покрытого тонкими побегами спаржи, растения высоко ценимого и в Кашгаре, где я его с трудом выращивал в горшках. Во время обеда меня развлекала стая из семи кекликов, которые плескались в песчаной ванне под прикрытием огромной скалы, не обращая на меня ни малейшего внимания. Мимо длинной цепочкой прошли наши лошади, ослы и верблюды и мне пришлось ехать медленно в хвосте каравана, так как было невозможно обогнать его на узкой тропинке, которая проходила через огромную гранитную осыпь. Она была образована в результате обвала отвесных скал с противоположного берега ручья, и вода промыла проход в этой плотине. Тропа здесь была очень трудной для лошадей, хотя верблюды уверенно шли через гладкие скользкие камни, благодаря широкой, мягкой подошве их ног.

Караван Хаджи Тан Лина остановился на ближней альпийской поляне, покрытой хорошей травой для выпаса лошадей.

— Ваш караван ушел вперед, — сказал он мне. — Вы догоните его за следующим поворотом.

Я поехал дальше и в двадцать первый раз за этот день снова переправился через реку, и на этот раз не обошлось без приключений. Здесь река текла среди крутых скал, дно ее было покрыто массой больших и малых валунов, которые трудно было различить из-за стремительного течения, и лошади легко могли споткнуться. Это и произошло с лошастью моего погонщика, которая упала в середине потока, и, как только она попыталась подняться на ноги, быстрое течение вновь сбilo ее. И только с большим трудом с помощью других людей удалось вытащить лошадь на берег. К счастью, воды было не много и последствия были не очень серьезными.

Для нашего ночного бивуака *караванбаши* выбрал неприятное открытое место у подножия отвесной гранитной скалы, покрытое песком, который при малейшем дуновении ветра поднимался и осыпал все вокруг. Я выговорил ему за такой выбор, где мы вынуждены были даже овец кормить из наших запасов. В свое оправдание он сказал, что вся трава, которую мы прошли, была так испорчена караваном Хаджи Тан Лина, что, возможно, даже вредна для наших лошадей! Это, конечно, был просто вздор, реальная же причина была в том, что здесь было удобное место, чтобы оставить запасы ячменя на обратный путь, что и было сделано.

Гранитная скала, возвышающаяся над нами, была размыва водой в причудливые формы, утес на другой стороне скрывал последние лучи заходящего солнца, и вскоре ущелье погрузилось в холодные сумерки. Лошади стояли на привязи и жевали ячмень. Верблюды теснились в группы. Проводники замесили из муки тесто и маленькими кусочками клали его верблюдам в рот. Если они отказывались их принимать, то им потирали шеи, нажимая горло снизу, чтобы животные не выплюнули еду. Эти кусочки были для них суточным рационом.

Порыв сильного ветра накрыл наш скромный ужин песчаной пылью, песчинки попадали в глаза и скрипели на зубах. Мы почувствовали дискомфорт путешествия через горные пустыни.

На следующее утро я увидел большую вереницу верблюдов, пересекающих вброд реку со стороны Ак Тага. Было слышно кряхтение верблюдов и крики людей, которые принуждали животных войти в воду. Две большие черные собаки сидели с бесстрастным достоинством на спинах верблюдов, уклоняясь от неприятного купания в холодной воде. В этот день мы пересекали реку восемь раз, и вода часто заливала поклажу на вьючных лошадях. Третий брод был самым противным. Здесь гранитные стены берегов близко сходились, и река неслась по ущелью среди камней и валунов, покрывающих ее русло. Чтобы пересечь поток мы сначала поднялись скалами выше по реке, а затем вошли в воду. Сильное течение вызывало головокружение, казалось, что лошадь стояла на месте, а скалистые берега стремительно проносились мимо. Любое падение могло стать роковым для коня и всадника. Ни человек, ни животное уже не будут в силах противостоять потоку. Его неизбежно унесет вниз в более глубокую воду и разобьет о скалы. Люди прекрасно осведомлены об опасности и очень тщательно руководят своими животными. Опасность увеличивается из-за больших валунов на дне и обломков упавших скал, на которые лошади поднимались водой и сбрасывались вниз по другую сторону препятствия. Овцы, избегая подобных опасных бродов, проходили еле заметными козьими тропами по головокружительным карнизам высоко над рекой.

Наконец мы вышли из гранитного ущелья и вступили в регион развития кристаллических сланцев и филлитов. Долина расширилась и появились альпийские поляны с низкими травами. На склонах залегали обширные гравийные отложения старых террас, оставленных прошлым режимом

реки, когда она несла гораздо больше воды. Дальше вниз по долине мы увидели зеленые луга с хорошей сочной травой, небольшие посевы ячменя, несколько хижин и людей в одежде киргизов, но, так называемой, арийской внешности. Я слышал об этом странном народе, то ли киргизов, то ли сартов. Здесь были родники Кудук Мазар, о которых я много слышал от туземцев и скалы с надписями из Корана и рисунками. Г. Белью упоминает об этих камнях во время его экспедиции с Форсайтом и поэтому я проявил к ним очень большой интерес. Камни были рядом с дорогой и отмечены деревянными вешками, так что не могли быть пропущены. На вертикальной поверхности гранитных валунов, покрытых черным «пустынным загаром» были грубо вырезаны контуры двух козлов и пять человеческих рук с растопыренными пальцами. Интерпретация этого петроглифа совершенно ясно говорит: «Я убил двадцать пять козлов».

Надписи такого рода встречаются довольно часто в Алайском хребте, который отделяет Ферганскую долину от Алая и Памира. Я видел их на перевалах Кугарт и Тенгиз Бай, в *мазаре* Ходжа-и-Тахраут в Фергане, и других районах, в которых живут каракиргизы — потомки древних Саков или Саяков. Только там они более разнообразны. На Кугарте кроме козлов есть фигуры людей с хвостами, а на Тенгиз Бае петухи и другие живые существа. Эти рисунки очень старые и, очевидно, сделаны до мусульманского времени.

Несколько жителей этой долины пришли сюда, как они говорят, двадцать пять лет назад из Яркенда и приняли обычаи и образ жизни местных киргизов — выращивание ячменя и разведение овец. Около дна пути дальше на юг живут около двухсот семей того же племени. Они имеют сады и посевы и занимаются животноводством. Племя называется *пакпо*, одно из немногих племен таджиков, которые сохранили более или менее чистый тип *Homo Alpinus*^[7], согласно исследованиям сэра

Ауреля Стейна. Соседние долины Памира предлагают богатое поле для исследований антропологов, этнографов и археологов с реликтами великих волн азиатских народов. В изолированной долине Каратегина (*Vallis Commedarum* римлян), я встретился с типами, которые могут сойти за оригиналы портретов древних греков в национальной Галерее Лондона. Только в одном нашем караване была смесь всяких типов людей: брюнеты, сероглазые мужчины с коричневыми волосами, мужчины с густыми бородами, и другие с совершенно безволосыми лицами, некоторые были тюрского типа, другие чисто монгольского или арийского. Это была, по сути, обычная смесь типичная для населения Кашгарии. Было бы странным называть их монголами, как это делают некоторые авторы в настоящее время, не различая тюркские и монгольские народы.

Но вернемся к путешествию. Наши животные с удовольствием паслись на хороших пастбищах, каких не было на всем пути от Ак Маджида. Дно долины было лишено растительности, горные склоны были совершенно голыми, на вершинах гор лежал снег. Была типичная апрельская погода с редкими теплыми солнечными минутами, которые прерывались порывами ветра, пасмурным небом, холодным дождем или снегом.

Местное население было занято уборкой ячменя. Я обратил внимание, что их серпы не были обычными для Туркестана, то есть, не в виде небольшой косы, а европейской формы в виде полумесяца. Животная жизнь не была разнообразной. Какой-то лунь пролетел над нами, несколько кекликов расхаживали по склону, пара куликов виднелась на берегу реки. Я был рад увидеть светлую трясогузку (*Motacilla luzoniensis*, Scop), клюющую что-то рядом с моей палаткой. Трясогузки очень универсальны, и всегда, кажется, неотделимы и рады общению с человеком.

Во второй половине дня мимо нашего лагеря проходил караван паломников, возвращавшихся через Индию из Мекки. Их истощенные и уставшие лошади, чувствуя приближение дома, где они могли получить достаточно корма, энергично двигались вперед. Лица паломников были черны от солнечного жара и холодного ветра. Среди них выделялись две женщины, завернутые с ног до головы, и мальчик, ехавший на стройной кашмирской кобыле. Видимо это был сын каких-то богатых родителей, красиво одетый в роскошной лисьей шапке. С ними из Сринагара возвращался знакомый мне сарт и я отправил с ним письмо моим друзьям в Кашгар и расспросил его о дороге.

— Дальше не будет выпасов для животных, — сказал он мне, — и на Каракоруме еще не очень холодно. В течение четырех дней пути там будет сильный *тутек*, а затем все будет хорошо.

На следующее утро мы с сожалением оставили эту последнюю жилую землю. Позади остались могила святого Кудук Мазари и пустой китайский пост за высокой каменной стеной.

Два дня мы ехали вдоль реки с многочисленными бродами, все время медленно поднимаясь вверх. Дорога шла то через ущелья со скалами и осыпями, то широкими долинами со старыми моренами, местами поросшими скудной полынной растительностью. Высоты вокруг нас казались все ниже и ниже, но снега на них становилось все больше и больше. Кое-где проглядывали крошечные полянки альпийских лугов или пятна дерна на обводненной поверхности. На выходе бокового притока под названием Тургаил, в верховьях которого виднелся ледник, мы остановились на обед на цветущей поляне с голубыми примулами, эдельвейсами (*Leontopodium alpinum*, Linn.), подснежниками. Это было единственное приятное место за все прошедшие дни. Повсюду были голые скалы, редкие мхи и лишайники, случайные селитрянки, превратившиеся

из высокого кустарника в низкие стелющиеся разновидности. Даже ломонос при отсутствии деревьев, на которых он обычно образует белый саван из бесчисленных переплетенных лиан, здесь представлен маленьким, прижатым к земле стеблем, на вершине которого был белый шар семян, как у одуванчика. Еще мы видели ревень, с круглыми, плоскими розетками листы, темно-зелеными пятнами выделяющимися на осыпях гранитов и сланцев. Влага на гранитных скалах ночью замерзает, а днем они раскаляются и в процессе такого выветривания их поверхность превращается в рыхлую корку и осыпается песком.

Наш последний лагерь был перед перевалом высотой более 4300 метров. На такой высоте мы чувствовали быструю усталость при любой нагрузке, сердцебиение и затрудненное дыхание. Вокруг были только заснеженные пики, вся поверхность покрыта камнями и нелегко было найти место, чтобы поставить палатку. За нами возвышался первый снежный гребень Куэнь Луня, вершины которого скрывались в облаках. Двигаясь все время вверх, мы поднялись на огромную высоту. Завтра нам предстояло пересечь Янги Даван — Новый перевал в нижнем хребте, а затем долиной Раскем Дарьи выйти на верхнее плато Каракорума. Стая коршунов кружила в небе. Горихвостки (*Ruticilla erythrogaster*) порхали на скалах, они всю дорогу сопровождали нас в теплые края. Хотя, конечно, не одни и те же. Птицы, которые встречали нас внизу в предгорьях, уже, вероятно, достигли Кашмира. Возможно, эта белохвостая трясогузка, что прогуливалась сейчас возле моей палатки, посещала меня в Куйду, или там была другая птица, такая же доверчивая и заинтересованная к человеку.

Галок здесь было очень много и их мелодичные, но однообразные крики раздавались в ущельях. Мне было непонятно, почему на этой высоте были гораздо большие стаи скалистых голубей с белой поперечной полосой на хвостах.

После захода солнца стало очень холодно, поднялся ветер и я надел теплые сапоги и рукавицы. Я вспомнил про бутылку красного вина, которое я изготовил сам в Кашгаре три года назад. Глнтвейн в алюминиевой кружке, разогретый на костре, хорошо взбодрил мое сердце. Но ночью от непривычной высоты я почувствовал определенные трудности в дыхании.

Следующее утро было холодным и туманным, свинцовые облака висели над вершинами, земля была влажной и грязной. Мы шли по очень узкой долине, заполненной обломками скал, упавшими с вершинных гребней. Мы с трудом передвигались среди этих огромных угловатых камней. Дальше долина немного расширилась и под ногами острые граниты уступили место плоским плитам других пород. Сначала это были порфириты, которых сменили пласты сильно деформированных песчаников, залегающих под углом около тридцати градусов.

Мы все время поднимались вверх. Подъем был затяжной и не слишком крут. Долина оставалась широкой и справа к ней присоединялась еще одна, в вершине которой просматривался снежный гребень. Это место называлось Чирак Салди, что означало «Они поставили лампу» и имело плохую репутацию. Отсюда шла дорога в Хунзу или Канжут — гнездо разбойников, жители которого жили исключительно грабежами караванов и работоторговлей. Немало крови и слез было пролито здесь, и множество людей лишились на этом месте жизни или потеряли здесь собственность и свободу, уведенные в плен по этой дороге в Канжут и Нагар в мрачные горные берлоги, где обитали жестокие и безжалостные разбойники.

Такое положение дел продолжалось до 1891 года, когда экспедиция полковника Дуранда [\[8\]](#) положила раз и навсегда конец высокогорным грабежам бандитов Кунжута и создала для благословенного мира порядок и безопасность на большой Лех-Яркендской дороге из Китая в Индию.

Вид на долину Нагар

Предвидя надвигающуюся проблему и притязания на их свободу со стороны Индии, народ Кунжута отправил посланника в Ташкент к генерал-губернатору Туркестана барону Вревскому с просьбой, чтобы им позволили стать подданными Великого Белого Царя. Учитывая при этом отдаленность России, они желали продолжать жить по своим традициям. Барон Вревский их разочаровал своим советом отправиться домой и безоговорочно подчинить себя англо-индийскому радже.

Преобразование жестоких и кровожадных разбойников в лояльных и мирных граждан не уникальное явление. В Центральной Азии есть еще один пример такой замечательной метаморфозы. Мы еще помним неистовых и диких разбойников — туркмен в Закаспийской провинции времен Вамбери, который описал те ужасы, очевидцем которых он был. Их сферой деятельности были Персия, прикаспийские и оренбургские степи. После экспедиции генерала Скобелева и покорения Ахал Теке, туркмены стали мирными, верными и достопочтенными гражданами Российской империи. И русские чувствуют себя спокойнее среди туркмен и в меньшей опасности, чем, например, среди собственных мужиков в своей стране. Такие думы приходили в мою голову, в то время как наш караван медленно поднимался к перевалу Янги Даван. Подход к перевалу с нижней долины занял полчаса и столько же времени ушло при переходе через сам перевал. Подъем был очень крутой среди гигантских глыб конгломератов и известняков. Лошади, тяжело дыша, с трудом поднимались на перевал высотой около 5000 метров.

На самом перевале нас встретили сильные порывы холодного ветра, которые продували даже мою сибирскую меховую шапку. Здесь нельзя было останавливаться и, чтобы успокоить дыхание, мы поспешили, как только могли, спуститься вниз. Спуск был не крутой по широкому склону, ведущему в небольшую долину и намного ниже в ущелье.

Показалось солнце и тяжелые грозные облака рассеялись. Тропа вошла в конгломератовую щель. Вся тропа была завалена глыбами и обломками, и здесь было легко сломать ноги лошадям и свою собственную шею. Я спешился и повел животное в поводу. Местами узкое ущелье представляло обычную ловушку для бедных животных и было просто покрыто костями лошадей и верблюдов. Там, где появился ручей, идти стало еще сложнее. И еще хуже дорога стала, когда конгломераты сменились сильно дислоцированными глинистыми и серицитовыми сланцами. Место было очень интересным для геолога, но просто проклятым для путешественника. Здесь иногда находили куски лазурита, вымываемого из какой-то жилы. Но я, хотя и смотрел вокруг широко открытыми глазами, не увидел и следа этого минерала, монополия на который в настоящее время принадлежит Бадахшану в Афганистане. Тропа среди сланцев проходит по узким карнизам, иногда круто зигзагами спускается вниз к ручью, заваленному камнями, а потом снова поднимается по вертикальной скале на узкий выступ высоко над водой. «Туда упадешь — костей не соберешь» — эта старая русская поговорка как раз о таком месте, хотя, по сути, трудно найти что-то подобное во всей огромной Российской империи. Путь по ущелью длиной в восемь километров утомительный и кажется бесконечным. Постоянное напоминание о смерти в виде костей и скелетов держат нервы в напряжении. В конце ущелья сланцы пересекаются мощной жилой желтого кварца, образующего большую осыпь. Чуть дальше, на другой стороне жила поднимается высоко вверх по склону горы и по цвету похожа на залежь руды. Ниже боковые стороны ущелья слагают вертикальные стены древних галечников высотой до пятидесяти метров и по-прежнему без каких либо признаков растительности. Я устал от утомительного и долгого пути по ущелью. Мои колени болели, голова была словно залита

свинцом. С радостью я увидел открывшуюся долину реки Раскем Дарьи. Река текла с востока на запад в довольно широкой долине, ограниченной полностью обнаженными невысокими горами, сложенными песчаниками и сланцами. Сама долина представляет из себя галечниковое русло, берега которого образованы фактически склонами гор. Русло делится на многочисленные протоки, разделенные песчаными островами. На островах прицепились редкие кусты тамариска и не было видно ни одной травинки другой растительности. Вид был удручающий, скучного серо-песчаного цвета, абсолютно безжизненный. По долине гулял ветер, поднимая вверх облака пыли. На горных вершинах лежал снег. Мы разбили наш лагерь на одной из отмелей среди нескольких жалких кустов тамариска. Место называлось родник Кулан олю, что означало Кулан сдох. На западе долина закрывалась коническим пиком. На другой стороне реки из боковой долины протягивался огромный конус выноса — веерообразная масса гальки, вынесенная дождями и потоками, явление очень характерное для пустынных мест, где эрозия грунта не сдерживается растительностью.

Раскем Дарья! Эта загадочная и труднодоступная река, едва ли известна европейцам. Она будила мое воображение в дни моей юности, когда я читал отчеты путешествий в неисследованные земли Центральной Азии!

И вот теперь я в самом сердце континента. Во все стороны света не было видно следов жизни, пустота отделяла нас от живого мира. Природа здесь на самом деле оставляет желать лучшего. Голые горы, песок, тамариск — вот и все! Удивительно, но три года спустя я встретился с подобным пейзажем совсем в другой части мира. В Сан-Висенте на мысе Верде! Мы бродили по этому африканскому острову с моим хорошим другом доктором Бером, И я был поражен, там все было таким же, как на Раскен Дарье, та же голая, безжизненная пустыня, горы,

песок и качающийся на ветру тамариск. Глубокое различие было в том, что Раскем Дарья находилась в самом центре азиатского континента, далеко от моря, насколько это только возможно на нашей Земле, а вулканический остров Сан-Висенте был в Атлантическом океане!

ГЛАВА VIII. Крыша мира

Три дня мы ехали вверх по Раскем Дарье до родника Куфиланг, где мы должны были оставить долину этой мрачной реки, чтобы подняться на перевал Каракорум.

Утром, когда мы собирали лагерь и загружали верблюдов, появилось семейство воронов — пара старых птиц с двумя птенцами. Это был тибетский вид (*Corvus tibetanus*, Hodgson) — обычный эскорт караванов на этой дороге, в надежде на какую-нибудь пищу, а иногда получая и богатый пир, когда лошадь или верблюд падали на дороге. Помимо этих дурных предзнаменований, других птиц почти не было. Утром из ближних кустов я вспугнул горихвосток. По птицам было видно, что им здесь недостаточно корма. В одном месте на реке я увидел плавающего чирка, очевидно, отставшего от перелетной стаи. Трудно определить маршруты перелета наших пернатых друзей над горами, возможно, они пролетают этот высокий барьер одним перелетом.

Как правило, я по туркестанскому обычаю ехал впереди каравана в сопровождении конюха. Иногда рядом с нами ехал *караванбаши*. Ведущей лошадью в караване всегда был чалый жеребец, за которым покорно следовали остальные. Вслед за лошадьми шли ослы и верблюды и, наконец, на некотором расстоянии последними передвигались караваны Хаджи Танг

Лина, красивый жеребец которого показывал меньшую храбрость и драчливость на этих высотах.

Тропа шла вдоль русла потока, иногда пересекая его бродами. Долина реки была сильно извилистой. Все время казалось, что изогнутый отрезок реки впереди перекрыт стеной из скал. Когда за ней вдруг открывался проход, то и он вновь упирался в каменную стену. Горы были сложены из сланцев, пересекаемых многочисленными кварцевыми жилами. Боковые притоки вырывались из глубоких щелей, в вершинах которых виднелись ледники. Большие веерообразные конусы сыпучего щебня спускались к руслу. Склоны были покрыты осыпями самых различных цветов — белого, серого, желтого, серо-стального, зеленоватого, черного, и других, в соответствии с окраской сланцев. Интенсивному выветриванию и эрозии способствовало полное отсутствие какой-либо растительности.

Несмотря на кажущееся однообразие местности, вид ее постоянно менялся. Прозрачность воздуха была поразительной. Мельчайшие детали гор виднелись издалека и расстояния до них угадывались с трудом. Погода тоже все время менялась. Сияющее среди ясного неба солнце внезапно скрывалась за облаками. На горы падали тени, изменяя их окраску, и все вокруг становилось иным.

Неожиданно налетал сильный холодный ветер, пики закрывались свинцовыми тучами, из которых сыпал сухой снег, и все вокруг становилось по-зимнему печальным. Тропа впереди как будто входила в раскрытую пасть мрачной пропасти, готовой проглотить нас. Вдруг облака быстро разошлись, и солнце снова сияло на темно-синем чистом небе. Начищенным серебром засверкали пики, одетые в новое снежное покрывало.

Казалось, перед вами трансформировалась сцена гигантского театра и по мановению волшебной палочки вас перенесли в сказочный мир. На фоне свежесвыпавшего снега

окраска осыпей на склонах усилилась, и мрачное ущелье теперь смотрелось как красочная горная дорога. В блеске этой картины печальные мысли рассеялись, уступая место бодрим чувствам. Такие перемены происходили по несколько раз в день. Временами нас окутывала полнейшая тишина, в которой слышалось тиканье карманных часов. Иногда издали доносились звуки, происхождение которых никто не мог определить. Как-то мы были напуганы громовым ревом, позади нас раздался взрыв, столб пыли поднялся высоко в воздух и несколько больших скал рухнули вниз.

Следующим утром мы прошли место под названием Сют Таш — Молочный камень, с большой старой разработкой кварца вблизи него. Люди говорили, что здесь раньше добывали золото, что вполне возможно, хотя в наши дни туземцы Туркестана потеряли искусство золотодобычи.

В районе Памирского Алая еще можно увидеть древний рудник, где до сих пор сохранились большие каменные ядра, высеченные из гранита, которые использовались для дробления и истирания золотоносного кварца.

По описаниям старых арабских географов^[9], эти разработки производились в девятом и десятом веках нашей эры, когда горнодобывающая промышленность процветала в Туркестане.

В одном месте, сразу после глубокого брода, мы встретили караван верблюдов, шедший в Тибет. Погонщики оставляли здесь большой запас фуража на обратный путь, который возможно будет год спустя. Они предлагали мне заманчивые дыни, но я не принял их. Я не мог лишиться такой роскоши, которой они не будут видеть долгие месяцы. Деньги, в конце концов, были бы слабым вознаграждением за их доброту. Что они могут на них купить вместо дынь в этой стерильной пустыне?

Ночью было тепло, но я просыпался, чувствуя ускоренное сердцебиение. Под утро весь лагерь был покрыт снегом.

Вершины казались ближе, чем когда-либо, и были одеты плотными свинцовыми тучами. У меня была одышка, веки и все лицо были опухшими, но в течение дня все прошло. Высота была около 4500 метров. Было очень холодно. У родника Кок Ат Оозу — Рот Серой лошади на стыке двух ущелий были видны остатки полуразрушенного каменного сооружения, не жилища и не крепости. Направо тропа уходила вверх по долине Раскем Дарьи, налево — в мрачное скалистое ущелье к китайскому пограничному посту Шахидулла. Этим путем, как правило, следуют караваны в полноводные реки. Пост Шахидулла считается индо-китайской границей, хотя на самом деле она проходит по Каракорумскому хребту. В этот день нам повезло встретить две поляны какой-то альпийской травы, возможно, вида *Carex*, где мы с радостью остановились, чтобы дать попасть нашим верховым лошадям. Остальная часть дороги проходила опять среди темных скал и осыпей.

Мы разбили лагерь на роднике под названием Ыгар Салди, что означало «Они оседлали». На чистом и ярком небе мерцали звезды. Большая Медведица стояла очень низко, Юпитер смотрел на нас сверху вниз, и я видел под ним красноватого цвета Марс. Но к утру снова наш лагерь и горы покрылись снегом. Стало очень холодно, и мое лицо, руки и ноги замерзли. В полдень снег прекратился и выглянуло солнце, но ледяной ветер дул постоянно. Все больше на пути попадалось туш и скелетов вьючных животных. Из птиц встречались хохлатые жаворонки *Galerida* и несколько белых трясогузок, которые, по-видимому, летели в Кашмир тем же путем, которым передвигались и мы. Галок в долине Раскем Дарьи видно не было.

На одном участке дороги мне пришлось дать *караванбаши* жесткий урок. Я наблюдал в течение нескольких дней, как падает дисциплина в караване. Загрузка утром проходила медленно и небрежно, места ночевки выбирались плохо, было

неизвестно какой путь мы должны пройти за день. *Караванбаши*, пренебрегая своими обязанностями, покидал нас, уезжая далеко вперед. Такие, казалось бы, мелочи могли сильно повлиять на наше дальнейшее передвижение в более трудных условиях. Я объяснял это эффектом высоты, которая возрастала с каждым днем.

Однажды утром *караванбаши* со всеми разругался, накричал на погонщиков и, не дожидаясь окончания загрузки каравана, уехал вперед. Я не видел его в течение всего дня.

В полдень я осматривал выходы горных пород. Подошли вьючные лошади и один из погонщиков поехал вместе с нами. Караван верблюдов остался далеко позади. Переход к роднику Куфелангу казался бесконечным. Уже вечерело, когда мы, покинув долину, стали подниматься на крутой подъем. Тропа шла по самому краю скалы, взбираясь высоко над потоком, узкая лента которого виднелась далеко внизу. Подъем был крутым, среди нависающих над головой сыпучих скал. Вдруг, за поворотом мы очутились на узком неровном уступе и, казалось, что дальше пройти совершенно невозможно. Моя левая нога повисла над головокружительной бездной. Одно неловкое движение, малейшее скольжение копыт лошади и падение вниз было бы неизбежным. Все это происходило в сумерках. Было трудно справиться со страхом. Я остановил лошадь и осторожно соскользнул с нее назад. Но даже пешком было идти нелегко по опасным изгибам тропы, вырубленной среди выветрелых сланцев. До сих пор в своих сновидениях я испытываю своеобразное ощущение той опасности. Когда мы выехали на широкое и безопасное место, я отправил погонщика обратно, чтобы не позволить верблюдам в темноте проходить это страшное место. Добравшись до стоянки *караванбаши*, я увидел его спокойно сидящим на кошке и равнодушно покуривающим трубку. В ярости, что он не предупредил об опасности перехода, я прямо с лошади со всего размаха

сильно ударил его кнутовищем и приказал ему взять веревку, фонари и быстро ехать навстречу каравану.

Эффект был мгновенным. Люди собрались в один момент и быстро отправились на выручку каравана. Я остался без ужина и довольствовался чашкой чая с печеньем. Час спустя *караванбаши* со своими помощниками вернулись. Они встретили погонщика, который сказал им, что верблюды спокойно идут по долине реки.

— Что? Внизу вдоль реки есть тропа? — зло спросил я.

— Конечно есть, — ответил *караванбаши*.

— Тогда, какого дьявола, ты отправил нас на гору в этом ужасном месте, где можно свернуть себе шею!

— Я сказал *керекешу*, обойти по горной тропе, потому что в реке там много камней, — ответил мне этот болван.

— Разве мы не ехали все эти дни по руслу этой каменистой реки? — спросил я его в гневе. — Жаль, что я тебе мало врезал.

Через четверть часа появились верблюды, и все было в порядке.

В этот день мы прошли более шестидесяти километров, что было тоже чрезвычайно глупо и изнурительно для животных, которых надо было беречь перед самым трудным путем. Если бы мы шли по реке, то могли бы остановиться на ночь, где нам приглянулось, до наступления темноты.

Урок, который я преподал *караванбаши*, произвел отличные результаты. Порядок был восстановлен. Все стали делать все лучше и *караванбаши* сам словно проснулся и ожил. У него вновь проявились организационные способности и забота о животных и людях. Каждый вечер он приходил ко мне, чтобы рассказать и обсудить передвижение каравана на следующий день. День или два погонщики не скрывали своей радости.

— Сейчас все пошло хорошо, — говорили они, улыбаясь. — Раньше *караванбаши* только думал о себе и своей трубке. Жаль, что вы дали ему только один раз.

— Еще не все потеряно. В следующий раз я дам ему гораздо больше, — говорил я им в утешение.

— *Караванбаши жаман булса, адамлар, атлар барында олду*, — говорили они философски, что означало, «Если караванбаши плохой, то люди и лошади в пути погибнут».

Очень верное наблюдение.

Следующим утром, перед восходом солнца было очень холодно. Вода, оставленная в чайнике, замерзла. Но такой мороз еще переносился легко. Наш лагерь стоял на широком голом открытом пространстве под высоким конгломератовым обрывом. Здесь река Раскем Дарья образует террасы и принимает приток Куфеланг, стекающий с Ак Тага. Куфеланг искаженное тибетцами географическое название, данное ничем не примечательной местности. Тюркские в своей основе слова Капа Булган означают Впасть в уныние, что хорошо выражает чувства путешественников, поднимающихся из долин Кашгара к высотам Тибета.

Вокруг были глинистые сланцы, стоящие почти вертикально с красными, серыми, коричневыми песчаниками несогласно залегающими на них. Местами в песчаниках наблюдались тонкие слои рыхлого угля, мощностью до десяти сантиметров. Литологически эти слои являются такими же, как и в Фергане и на реке Караташ в Кашгарии, где отрабатываются похожие угленосные отложения.

Мы ехали вверх по широкой долине к Ак Тагу. Вокруг не было высоких гор. Нас окружала мягкая волнистая долина с цепочкой невысоких холмов, лишенных растительности, покрытых гравием или песком. Последние растения, которые мы видели в предыдущий день, были ревень и клематисы. Сегодня вообще не было ничего. Я слышал крики коршунов и небольшой ястреб пролетел в сторону Ак Тага. У небольшой лужи гуляла белая трясогузка. Обе стороны дороги были усеяны

костьми животных. В безоблачном небе светило солнце. Даже в отсутствии ветра губы синели, а лицо покрывалось темным загаром. Если же поднимался ветер, лицо сторало от холода. Лошади, с трудом дыша, упорно шли вперед. Несмотря на яркое солнце, у меня было угнетенное состояние. Мучительно долго мы буквально ползли через однообразную долину, приближаясь к плато Каракорум. Со всех сторон стали подниматься снежные вершины. И внезапно впереди выросла большая белая гора. Мы приблизились к ней во второй половине дня. Это была Ак Таг — Белая Гора, в виде длинного хребта, протянувшегося с севера на юг. Мы были примерно на высоте 4800 метров и это заметно ощущали люди и животные. У подножья горы истекали многочисленные источники, отмеченные пятнами дерна, мха и редкими пучками сухой травы.

Приказав поставить лагерь под прикрытием большой скалы, как можно ближе к подножью горы, я спешил, чтобы лучше изучить геологическое строение этого высокогорья. Но это оказалось не просто. Я чувствовал, будто мое тело в два раза увеличилось в весе, мои ноги словно налились свинцом, мое сердце колотилось и я задыхался. Я с трудом продвигался, часто останавливался, чтобы отдышаться. На этой высоте воздух содержит только две трети нормальной доли кислорода и атмосферное давление здесь в два раза ниже, чем на уровне моря.

Гора Ак Таг, по-видимому, состоит из кремнистых конгломератов, грубых желтовато-серых песчаников и песчанистого мергеля с тонкими прослоями углеродистого сланца. Беловатого цвета осыпи на склонах горы придают ей вид снежной вершины, откуда и ее название — Белая Гора.

Я очень устал, исследуя гору, и едва приполз к бивуаку. К счастью, Саламат заметил мое тяжелое состояние издали и встретил меня с лошадейю.

Лагерь был разбит у самого подножия горы среди огромных глыб конгломерата, свалившихся с вершины. Хаджи Тан Лин разбил свой лагерь недалеко от нас и все это место было оживлено большим количеством верблюдов, лошадей, ослов, людей, палаток. Под прикрытием скал приютились наши овцы. Рядом была привязана серая кобыла — яблоко раздора наших жеребцов, но они были не в состоянии уделять ей внимание. Мой черный жеребец и красавец Хаджи Тан Лина спокойно стояли недалеко, понунив головы, не обращая внимания ни на что. Очевидно, чем ближе мы поднимаемся к небу, тем больше успокаиваются наши горячие страсти, в том числе любовь и ревность.

Наши верховые кони получили немного люцерны и ячменя, но вьючным животным дали только ячмень. Не имея никакого подножного корма в течение длительного времени, они жадно поедали наше топливо терескен (*burtse, Eurotia ceratoides*). Этот зеленовато-серый кустарник, растущий только до высоты в 15 см., имеет толстые, длиной до метра, корни, которые хорошо горят даже сырыми, издавая ароматический запах. Щедрая природа предоставила высокогорным пустыням Каракорума и Памира это ценное растение. Терескен, осока, полынь и эфедра образуют типичную флору высоких плато Центральной Азии. Но только осока имеет какую-то ценность пищевого продукта.

Люди жаловались на затрудненное дыхание и головную боль. Было чувство, как будто я только что оправился от изнурительной болезни. Во рту стоял противный вкус, внутри горел своеобразный огонь, мучили головная боль, усталость и сильная жажда. Вкус чая был ужасным. Еда еще хуже. Даже на свежешаренную баранину не было аппетита. Чтобы не потерять последние силы, я заставил себя съесть кусочек, но вкус был стерильной ваты, и я не мог ее проглотить. Организм отказывался работать. Я впал в депрессию и был

равнодушен ко всему. Физически я уже не мог двигаться дальше. Но сознание оставалось активным. «Если бы у меня был кислородный баллон, все встало бы на свои места», — подумал я и вдруг вспомнил, что в моем багаже была бутылка итальянского вермута. Я держал его в качестве лекарства в случае болезни и для поддержания сил. С большим усилием я открыл свой дорожный ящик и достал бутылку. Глоток вина сразу восстановил мои силы и вернул аппетит.

Потом я вспомнил о другом «лечебном средстве», и выпил чашечку Боврила[10]. Густой бульон быстро подействовал и оживил меня сразу. Мне принесли чирка, пойманного у воды. Бедная птица была такой же слабой, как и я, вероятно, от голода. Я не пытался напоить ее вермутом или Боврилом. Только обогрел и накормил размоченным рисом. Затем я отнес его обратно к источнику и опустил на мох, разбросав рядом немного риса.

К вечеру большой караван в сотню лошадей прибыл из Индии. Большинство путников были паломники, завершающие хадж в Мекку. Среди них было несколько женщин. Одна выглядела довольно состоятельной, судя по ее наряду. Она была полностью закрыта, возможно, какая-то богатая вдова, совершавшая хадж. Я заметил, что все индийские мусульмане встречали нас на дороге дружелюбным «Салам!», но *кашгарлыки* проезжали молча с тупым выражением на своих лицах, как у баранов в стаде. Паломники рассказали нам, что в Ладаке шли проливные дожди и было холодно.

На следующий день, в субботу 27 сентября, у нас был долгий и сложный путь в Брангза. Мы ощущали действия горной болезни сильнее, чем когда-либо. Начался падеж лошадей.

Утром, когда я осматривал лагерь, из камней выскочил заяц, вероятно, *Lepus tibetanus*. Он не проявлял никакого страха — здесь на высоком плато Каракорума нет ни лис, ни волков, ни стервятников, за исключением бородача (*Gypaetos himalayanus*)

sp.), но последний, как известно, падалью не питается. Поэтому туши падших животных лежат нетронутыми. Кроме того, в результате холода они не гниют, мумифицируются, иссыхают и, в конечном итоге, истлевают. Даже кости превращаются в известковую пыль. В водных потоках среди гальки и песка часто можно увидеть окатанные кости и белый песок — остатки животных, которые гибнут тысячами на этой настоящей дороге смерти.

Существует, однако, одно замечательное крупное животное, которое живет только на этих высотах и прекрасно чувствует себя в разреженном воздухе. Это антилопы оронго или чиру. Проводник предупредил меня держать ружье наготове, так как на этом переходе мы можем их встретить. В то же время караванщики советовали нам ехать как можно медленнее, а еще лучше вести лошадей в поводу. Мы приближались к самой опасной части всего пути. Иссохшие мумии лошадей, ослов, и верблюдов, туши животных еще хранящие следы предсмертных конвульсий, скелеты и черепа с ухмыляющимся оскалом, разбросанные кости — все красноречиво говорило о смертельной опасности.

Мы ехали вдоль долины несколько приподнятой к югу. Далеко на востоке среди ряда низких холмов выделялась только одна гора. Все вокруг было спокойно и чем-то напоминало мне предуральскую степь в конце осени. Тем не менее, это был путь по настоящей Крыше мира.

«Если какая-то из дорог в мире, заслуживает названия *Via Dolorosa*[\[11\]](#), то это караванный путь через перевал Каракорум, соединяющий Восточный Туркестан с Индией. Как огромный воздушный мост она поднимается над самыми высокими горами Азии и мира», — пишет Свен Гедин[\[12\]](#).

Но вид дороги совсем не соответствует ее значению. И высокие эпитеты к ней не применимы. Она скорее проза, нежели поэзия. После пары часов медленной езды мы достигли

обнажения известняков и тропа повернула налево к песчаной долине, а затем к своего рода естественным воротам, образованным двумя обрывами, между которыми совсем недавно шла талая вода. Проехав немного, мы увидели небольшой покрытый льдом водоем. Это было удобное место для лагеря. Кое-где в углублениях росли какие-то пучки тощей травы. В одном из таких понижений в трехстах метров мы заметили пару антилоп, которые умчались, едва увидев нас. Это удивительно, как легко и на большой скорости они могут скакать в таком разреженном воздухе, в котором даже сильные лошади едва могут идти. У них должны быть специально приспособленные сердца и легкие.

Мы увидели вдалеке другую пару антилоп. Потом еще двух одиночных, но они были очень далеко. Местность была слишком открытой, чтобы произвести прицельный выстрел и мы отказались от охоты. Возвращаясь к своему каравану, мы наткнулись еще на трех антилоп. Они скакали параллельно нам на расстоянии около четырехсот метров. Было очевидным бесполезное их преследование.

Следующий этап нашего перехода был очень трудным. Даже медленное движение становилось утомительным и казалось бесконечным. Впереди виднелись какие-то обрывы или проход между скалами, недалеко от них поднимались и закручивались песчаные вихри. Час за часом мы ехали, не достигая этого прохода, который как мираж виднелся вдалеке. Холодный, пронизывающий ветер становился все сильнее и сильнее, и дышать становилось все труднее и труднее. Ветер продувал мою меховую шапку, голова ломилась от холода, пыль заполняла глаза. Из моих опухших, синих, потрескавшихся губ сочилась кровь. Я пытался обматывать нижнюю часть лица, как это делали киргизы, но все было бесполезным. От кровоточащих губ во рту стоял дурной запах. Ветер проникал всюду. Сердце сильно билось.

Ситуация становилась невыносимой. Я немного поторопил свою лошадь, обогнал наш длинный караван и поехал впереди. Найдя под прикрытием скалы небольшое убежище, я остановился на минуту, чтобы отдохнуть и восстановить дыхание, а затем поехал дальше. Мы вышли на широкую, плоскую долину, окруженную со всех сторон невысокими холмами, где были озера с водой и небольшие поляны сухой альпийской травы, которую даже овцы, не могли есть.

Но несколько антилоп, поодиночке и небольшими группами, паслись здесь. Это была удивительная картина. На самой Крыше мира, в этой голой каменистой пустыне, где мы с трудом могли дышать, эти необычные жвачные животные прекрасно живут и размножаются, хорошо переносят аномальные атмосферные условия, питаются жалкими остатками увядшей травы.

Чтобы подкрасться к ним, не могло быть и речи. На ровном плоском пространстве не было ни единой кочки или кустика. Не было даже камня, за которым можно было укрыться. Я решил попробовать старую уловку степняков, то есть сделать вид, будто не замечая их, проезжаешь мимо, и в то же время незаметно приближаешься к ним на выстрел. Несколько антилоп, главным образом самцов, стали удаляться, не позволяя мне приблизиться. Но все-таки мне удалось подъехать на сто метров к паре прекрасных самцов с великолепными рогами. Укрываясь за Саламатом и его лошадью, я осторожно спешил, присел, приказал Саламату двигаться дальше и прицелился в большого самца. Вдруг лошадь рванула, антилопы прыгнули и мгновенно исчезли. Оказалось, что сильный порыв ветра сбросил с седла мое пальто, которое я снял, готовясь к стрельбе. Я еще мог подойти к другому стаду, но там были только самки с подростками. Мне не было смысла убивать их, так как я хотел получить красивый охотничий трофей, тем более что у нас было достаточно свежего мяса. И поэтому я, потеряв такой редкий случай, отказался от дальнейшей охоты. *Караванбаши* пытался

утешить меня, говоря, что мы завтра должны увидеть еще много антилоп. Ночью, проснувшись от удушья, я лежал и думал, как исправить свой охотничий провал, но мне не суждено было удовлетворить свои амбиции.

Мы остановились на Кызыл таге — Красной горе у подножия холма, который защищал нас от страшного западного ветра. Все двигались очень медленно. Мы выглядели совершенно больными, и кони стояли, тяжело дыша и опустив головы. Как только был разбит лагерь, все сели в круг и медленно жевали курагу с косточкой. Все страдали от головной боли и удушья, лица были черными и одутловатыми.

Я чувствовал себя больным и слабым, не было желания ни есть, ни пить. Я долго не мог справиться со стаканом чая. Мои нервы были напряжены до предела. Я чувствовал в себе ужасную раздражительность. Недостаток воздуха вызывал страх, и я был поражен мыслью, что впереди еще многие километры и наше путешествие будет продолжаться еще несколько дней, прежде чем мы достигнем уровня, на котором нам будет комфортно дышать. Такое ощущение совершенно неизвестно людям в нормальных условиях. Они даже не замечают, что они дышат.

Excelsior!^[13] американского поэта XIX века Генри Лонгфелло. Слово «*excelsior*» в переводе с латинского означает «выше и выше». Борьба за достижение высоты, однако, заманчиво звучит только в устах поэтов. На самом деле на высотах есть определенные ограничения — безжизненность, опасности и депрессия. На земле, чем выше к небу, тем ближе к смерти!

Лошадь Саламата, которая стояла рядом с моей палаткой, вдруг потянулась, вздрогнула и повалилась в конвульсиях на землю. Сначала она лежала на боку, с ногами притянутыми к животу, потом, судорожно дергая ими, перевалилась на спину. Ее шея вывернулась в одну сторону.

Лошади перерезали ноздрю и спустили кровь. Но это не принесло облегчения бедному животному и оно было в агонии всю ночь. Утром я увидел тушу, застывшую в неестественно искаженном положении.

В начале ночи у самого *караванбаши* случился приступ *тутека*. Я сразу дал ему восемь капель настойки строфанта, который является сильным сердечным стимулятором в подобных случаях. Это настойка какой-то лианы, растущей в Африке, где местные жители используют ее для отравления стрел. Еще одна вьючная лошадь погибла в эту ночь, а утром был приступ у великолепного карабаира *караванбаши*. Но кровопускание через разрез ноздри облегчило его состояние и он оправился, хотя с ним были некоторые трудности на следующем переходе.

Я сам принял немного строфанта на ночь, но, тем не менее, просыпался несколько раз от удушья. Сон становится возможным только при условии высокого положения головы. Перед утром меня разбудили с известием, что заболел повар. Доза строфанта привела и его в норму.

Итак, прошла эта страшная ночь, вторая на плато Каракорум.

Следующее утро было жутко холодным. Вода в ведрах замерзла. Небо было ясным и безоблачным, темно-синего до черноты цвета. Мы вышли на широкую гравийную долину. Справа были несколько холмов красноватого известняка, слева какие-то вулканические породы. Вереница нашего каравана медленно двигалась вдоль ряда холмов. Мы прошли пирамиду из камней на обочине дороги — мемориал исследователю Далглишу, предательски убитому здесь афганцем. Убийца, скрываясь много лет, бродил по Восточному Туркестану, Индии и Афганистану, стремясь замести следы. Немезида настигла его в лице индийского детектива, который после многолетних поисков выследил его на базаре в Самарканде, где он был

арестован российскими властями и передан индийским властям.

Мы подошли к гряде скалистых гор, в которых были две расщелины. Из них истекали два потока, сливавшиеся в один под названием Брангса — измененное тюркское Баран Суу или Овечья вода. Мы долго двигались по правому ручью, который извивался среди сланцевых осыпей. Нам встретился караван хаджей, мужчин и женщин, с маленькой девочкой лет десяти. Какие страдания и лишения должен был перенести бедный ребенок, чтобы вернуться обратно домой из этого бесконечного хаджа?

Солнце было скрыто завесой тяжелых туч, и холодный пронизывающий ветер дул прямо в наши лица, покалывая щеки, заполняя глаза слезами, охлаждая руки и ноги. Затем мы вышли на широкую, бугристую долину, глинистый грунт которой был усеян гравием и галькой, не было видно ни пятнышка травы, и вообще какого-либо признака растительности. Здесь к нашим лошадям, павшим от *тутека*, добавилась еще одна. К этой бесконечной коллекции иссохших туш не прикоснется никакая птица или зверь. Это на самом деле такое страшное место, «куда и серый волк не забегал, куда и черный ворон костей не заносил», как поет Сусанин в опере Глинки «Жизнь за царя». Остальные лошади и верблюды продолжали послушно следовать за своим лидером, не требуя управления, но после Ак Тага они шли все труднее и труднее. Ослы давно были отправлены назад в Куфеланг. Никого из наших друзей-птиц не было видно.

Здесь мы встретили новых для меня людей — караван из Тибета. Мужчины носили прически с очень длинными сзади волосами, в странных черных шапках и своеобразных костюмах с амулетом в виде креста, висящем на шее.

В конце долины тропа повернула к западу, и шла между низкими холмами с мягкими очертаниями, погребенными под

глинистыми отложениями, среди которых можно было увидеть черную дресву глинистых сланцев. Это по ним получил свое грозное название Каракорум — Черная осыпь. Мы были у подножья перевала.

Невысокий и не крутой подъем на перевал высотой более 5400 метров был чрезвычайно тяжелым для животных. Моя лошадь передвигалась, шатаясь на ходу. Я останавливал ее и давал передышку через каждые десять шагов. Отчетливо было слышно тяжелое биение ее сердца, а через седло ощущались его удары в одну лошадиную силу. Я боялся, что она в любой момент споткнется и улетит вниз. Я мог бы спешиться, чтобы облегчить бедное животное, но только опытный альпинист или горец может идти в таком месте. А я, житель равнин, родился и вырос в степи, и это было совсем не в моих силах.

У самого перевала я не выдержал, спешился и повел лошадь в поводу к вершине. Нигде в мире нет другого места, где человек может подняться на лошади на такую высоту.

Вид с перевала разочаровывает. Никакого ожидаемого величия. Вы стоите как будто на вершине обширного купола, а вокруг горы, холмы и долины и большое плато внизу. Перевал Каракорума разделяет две империи — британскую и китайскую. На гребне стоят два пограничных знака: британский — круглый каменный столб и китайский — грубая куча камней.

Несмотря на огромную высоту, снега на перевале не было, и не было его видно внизу в долине. В пять вечера мы остановились. В тот день мы без остановки были в пути девять с половиной часов. К вечеру поднялся пронизывающий ветер, прямо иссекающий руки, шею, лицо, продувающий все меха и одежды. Это было просто невыносимо, и я промерз до костей. Едва мы остановились, как были засыпаны мелким сухим снегом, колючим как песок. Я чувствовал, что не могу выдержать больше минуты. Не было сил ждать, пока люди установят мою палатку. Мне казалось, что они работали очень

медленно. Я взял теплую попону и, закутавшись в нее полностью, ждал пока установят шатер и будут распакованы сохраняющие жизнь бутылки с вермутом и Боврилом. На этой высоте вода кипит при 86 С°, так что кипяток только теплый. Вы не сможете сварить в нем ни яйца, ни мяса.

В эту ночь и с моей лошадью случился приступ *тутека*. Ее спасло только кровопускание. Она поднялась, но теперь была очень слабой и на следующий день не могла идти, но во второй половине дня ей стало лучше. Утром заболели еще три человека, и мне пришлось дать им строфанта. Ночь была страшно холодная, и мне пришлось вставать, чтобы ухаживать за лошадью и больными людьми.

Тутек — это горная болезнь. Доктора называют ее гипоксия. Она развивается на больших высотах, но высота эта точно не определена. Выдвигаются различные теории, чтобы объяснить появление *тутека*, но ни одна из них не является полностью удовлетворительной и учитывающей все особенности явления. В острых случаях происходит кровотечение из носа, ушей и горла, страдалец жалуется на сильную головную боль и одышку, сердечная деятельность ослабевает и, наконец, прекращается совсем. Так погиб известный геолог Фердинанд Столичка, пересекая Делсанг[14]. Очевидно, что горная болезнь крайне опасна для лиц со слабыми сердцем или легкими, и для них большой риск оказаться на Крыше Мира.

Интересно, что горная болезнь иногда проявляется на низких высотах сильнее, чем на больших. Например, на Сассер-ла[15] легче дышать, чем на Ак Таге, хотя последний ниже на 300 метров. Элизе Реклю считает, что в этом случае влияют испарения влаги из почвы, но мне кажется, это вряд ли так. Тоже самое явление наблюдается в Андах, где в некоторых относительно низких населенных пунктах Пуна[16] *soroche*[17] возникает чаще, чем на больших высотах. В целом, в Андах

горная болезнь проявляется гораздо ниже, чем в Азии. Там она возникает уже на высотах в 3200—3500 метров, в то время как в Азии с высоты 4800 метров. Я не знаю объяснения этому.

При полетах на самолетах или воздушных шарах люди чувствуют влияние высоты меньше и симптомы горной болезни появляются на большей высоте, но, с другой стороны, люди теряют сознание раньше. Кровяное давление понижается на большой высоте, но потеря кислорода ускоряется. Люди и животные акклиматизируются легко, и количество эритроцитов в крови увеличивается. Таким образом, в Ла Пасе, в Боливии, на высоте 3700 метров у млекопитающих кровь содержит в два раза больше гемоглобина, чем в Европе. На определенной высоте алкоголь перестает действовать. Я читал, что в Кито пьянство неизвестно, и это благоприятствовало развитию регионов вечной трезвости в Южной Америке. Эту проблему изучат будущие исследователи Каракорума.

ГЛАВА IX. Среди вершин

После тревожной ночи мы довольно поздно, где-то в половине девятого следующего утра, оставили наш бивуак. Наш путь шел вниз по реке Депсанг. На стыке двух узких долин на небольшом пространстве, покрытом костями и трупами животных, виднелась низкая каменная стена. Это был родник Даулат Бег олди, что означает Даулат Бег умер, в память Султана Саида, монгольского хана Кашгара, который в 1531 году осуществил невероятный подвиг — вторжение в Ладак и Балтистан через эти высоты.

Отсюда идут две тропы. Одна ведет на юг к долине реки Шайок, и дальше на ровное, но очень опасное плато Депсанг.

Оно ниже Каракорума, но *тутек* там более серьезный. Другая тропа идет ущельем Кумданг и выходит на реку Шайок у родника Янг Санг.

Мы еще в Яркенде решили, что пойдём по второму пути. Поэтому мы оставили реку, повернули на запад и начали медленно подниматься на плато. Слева мы видели заснеженную цепь гор со сверкающими ледниками. Это были горы Шайок, которые мы должны были пересечь через перевал Сассер-ла. Впереди расстилалась живописная картина зубчатых пиков красноватого цвета. Вся поверхность Депсанга сформирована из мощных ледниковых отложений, валунов, сланцевых плит, песчаника и конгломерата. Мы поднялись по крутой ложбине, промытой талыми водами в этих ледниковых толщах. Наверху мы вступили как бы в степную зону, но совершенно лишенную растительности. Долина постепенно спустилась к реке Шайок, по которой мы следовали довольно долго.

Небо было пасмурным, и дул сильный западный ветер, от которого замерзали руки и ноги. Справа над равниной вздыбились три огромных горных массива, покрытые сверху донизу снегом и льдом. Ближайший к нам, выглядел как огромный, сломанный зуб, нависший над ледником Шайок, второй имел форму широкого, массивного конуса, и третий издали напоминал мне наш кавказской Эльбрус. Это была третья в мире по высоте гора К2, или гора Годуин Остен, которая возвышалась до 8620 метров. Оттуда спускались огромные массы льда и снега, образующие высокие горы и глубокие мрачные ущелья. Отсюда, с этой земли, которая на картах называется Балтистан, начинаются две большие реки, Яркенд Дарья и Инд, несущие жизнь и плодородие в пустыни. Отсюда в долину Инда приходят и катастрофические наводнения, уносящие тысячи человеческих жизней, приносящие людям разорение и опустошение.

На спуске в долину Шайока справа можно было видеть огромную массу льда. Его поверхность напоминала гигантскую щетку. Это был печально известный ледник Шайок. Спускаясь вниз по реке, он образует огромные заторы и дамбы, выше которых годами накапливаются воды. И однажды ледяные массы под давлением большого количества накопленной воды рушатся и катастрофическое наводнение затапливает долину, уничтожая все на своем пути, и опустошая плодородные равнины Инда. Такая катастрофа произошла несколько лет назад.

О таких местах на Кавказе писал Лермонтов:

«... Что на земле прекрасней пирамид
Природы, этих гордых снежных гор?

О ребра их дробятся темных туч
Толпы, и молний обвивает луч».

Река Шайок не очень глубока здесь, но широкая. Левый берег, сложен ледниковыми отложениями из обломков гранита и диорита. Были видны какие-то старые, мелкие разработки. Говорят, что тибетцы добывали здесь золото, но наводнения положили конец их деятельности.

Перейдя реку вброд, мы разбили лагерь на более высоком берегу у подножья горы. Это место называется Япшанг. Здесь, несмотря на высоту, которая была больше, чем в Ак Таге, не было *тутека*. Но зажечь свечу было труднее — так мало кислорода в воздухе, и она горела слабо, давая ужасно тусклый свет. Палатка хлопала на ветру. Я укрылся всем, что мог найти и пытался согреться вермутом. Меня бросало в дрожь от тоскливого и протяжного, проникающего в самую душу воя. Это в своих владениях нас приветствовали тибетские волки.

Проснулся я в пять. Вся местность вокруг была засыпана снегом. Караванщики сказали, что нельзя никуда двигаться и мы должны оставаться здесь весь день. Перспектива не из приятных! Это был мой третий день без бритвы, второй — без мытья, и уже давно — без горячего чая. Мое лицо распухло, губы потрескались и кровоточили, глаза были воспалены и слезились. У нас не было дров и под снегом мы не могли отыскать корней терескена. К счастью было относительно тепло. Я пытался нагреть немного воды в чайнике над пламенем сухого спирта, но безуспешно. Иногда показывался маленький кусочек голубого неба, но быстро скрывался, поднимался ветер, продолжалась метель. Погонщики верблюдов горестно вздыхали, их глаза наполнялись слезами. Уже третью неделю мы жили в палатках среди штормовых ветров.

В своих думах я вновь и вновь спускался вниз, возвращаясь к моему далекому дому на равнинах Туркестана. Там в это время года было чудесно. Ясное голубое безоблачное небо, чистый, бодрящий воздух, замечательные цветы и плоды... Там был другой мир, бесконечно далекий от этих ужасных высотных пустынь, где мы похоронены в снегу, обессиленные и больные, без горячей пищи и кипятка, где для дыхания нет достаточно воздуха, где даже свеча не горит нормально.

Как это все отличается и от высоких гор Тянь-Шаня и от сурового севера России. Конечно, и там от холода можно замерзнуть. Но, тем не менее, человек там остается здоровым, наслаждается вкусной пищей, пьет настоящий кипяченый чай и чувствует себя хорошо. И, главное, у него есть теплый надежный кров.

За палаткой слышалось хлопанье крыльев ворон, эти птицы несли дурное предзнаменование. Своим ненавистным карканьем они напоминали, что скоро вновь придет время для их пиршества... Тысячи иссохших лошадиных туш лежали вдоль дороги. Вороны, начиная свою трапезу, выклевают глаза

павших животных, а волки, раздирая им животы, лакомятся внутренностями. Среди знакомых птиц я увидел порхающее светлое пятнышко белой трясогузки. Мне было жаль это бедное маленькое существо, истощенное и очень доверчивое. Надеюсь, что она выживет и доберется вместе с нами до прекрасных долин Кашмира...

Благодаря вермуту я немного приободрился, но чувствовал трудность в движениях и напряженное сердцебиение. Аппетита не было, и во рту ощущался горький привкус. Мне хотелось чего-то соленого и острого, вроде ветчины, соленых огурцов или сельди!

Лошадей кормили привезенной с собой люцерной, но *караванбаши* предупреждал, чтобы не давали им слишком много.

Тропа шла вдоль реки Шайок. Нас окружали грандиозные горы, имеющие здесь характерную красноватую окраску и покрытые снегом, как серебром. Широкая долина перешла в узкое ущелье. Справа в него свешивался ледник, падающий из зубчатого горного цирка. Стена льда в десятки метров толщиной поднималась над оврагом. Второй ледник, весь ошестинившийся ледяными торосами, спускался со стороны бесконечных гряд, состоящих из серого и белого льда. На левом берегу, напротив ледников, на вершине скалистого гребня возвышалась фантастической формы скала, напоминающая какой-то древний храм. Снег, скопившийся в ее расщелинах и впадинах, образовывал в этом природном архитектурном творении какие-то проемы, похожие на окна и двери. «Какое прекрасное место для романтических писателей поселить здесь таинственных тибетских Махатм!» — думал я.

Ущелье стало еще уже и его дно полностью заняло русло речного потока. Справа с невидимых отсюда вершин спускалось несколько огромных ледников. Местность вокруг как бы специально создавалась для изучения натуралистами горного

оледенения. Здесь были и миниатюрные ледники, размером в несколько десятков метров и гигантские — с огромными массами льда, затекающего в ущелье и сползающего вниз к руслу реки.

Все ледники находились в процессе активного движения. Повсюду виднелись характерные террасы моренных отложений, состоящие из гальки и валунов. Песок и ледяная пыль, сдуваемые вниз ветром, набивались нам в глаза. Замыкает долину большой сильно изломанный ледник, расположенный в полукруге огромного цирка, образованного высокими скалами красного известняка. Над ним нависает массив пика Ак Таш, достигающий высоты 7531 м. Все его резные и фантастические формы выгравированы из снега. Из-под ледника с шумом вырывается водный поток, прокладывая себе путь ниже между скалами и льдом в узкой щели, усыпанной огромными валунами. Тропа поднималась в тесном проходе вдоль старой морены. Бедные лошади с трудом карабкались среди крупных валунов по скользкой ледяной поверхности и острым обломкам. В одном месте я видел камни, забрызганные кровью одного из несчастных животных.

Долина расширилась, и красный известняк сменили желтые и серо-зеленые известковые сланцы, которые в свою очередь перешли в черно-коричневые разности, образующие известковые скалы. Это скорбное место имеет мрачный, удручающий вид. Здесь мы должны были перейти на правый берег реки по опасному броду со скрытыми под водой крупными скалами. Затратив много времени на переправу, мы поднимались в гору по какому-то каскаду между огромных скал и снова переходили вброд реку. Вода кипела и пенилась среди камней. Одна из вьючных лошадей упала, опрокинувшись на спину, и ее потащило вниз. К счастью, она застряла среди скальных выступов и погонщики с помощью веревок вытащили беднягу на берег. При этом они промокли в ледяной воде, и,

конечно, у них не было возможности ни сменить, ни высушить одежду. Для согрева я дал им по чашке чистого спирта, которым я предусмотрительно запасся в Кашгаре. Независимо от запрета Пророка, они, после ледяного купания, выпили эту огненную воду ради своего здоровья. После этого мы опять перешли поток вброд. Затем тропа вошла в узкую щель среди темно-коричневых скал, нависающих над рваной поверхностью ледника. Это место казалось странным и фантастическим. Все вокруг было неестественным и угнетающе действовало на меня и могло быть лучшей сценой для воспроизведения Дантева ада. Небо было мутным и пасмурным, в сумерках исчезали оттенки, как на мрачных картинах безумного художника, изображающего врата ада.

На большой высоте, среди черной массы обломков, выделялся огромный белоснежный камень. Вероятно, природа, шутки ради, сбросила этот обломок кристаллического известняка, с какого-то древнего ледника.

Покинув русло ручья, мы поднялись на высокую широкую террасу и здесь... Я чуть не вывалился из седла в изумлении. За поворотом тропы мы встретились... с Мисс Н., с которой я был знаком по шведской миссии в Кашгаре. С ней была девушка англичанка из Индии! Шведская миссия стояла на перевале Сассер-ла. В ее составе были семь миссионеров — три мужчины и четыре женщины. В караване было семьдесят лошадей. Было радостно встретить европейцев в этом диком месте! Я был очарован их добротой и гостеприимством! Их караван — образец хорошей организации. Меня пригласили на настоящий ужин. Такой же завтрак был на следующее утро, специально приготовленный дамами. Я не ел хорошую пищу с самого отъезда из Яркенда. Мы сидели до позднего вечера, обмениваясь впечатлениями пройденной дорогой и предстоящим путем. Они уже девять дней как вышли из Леха. Меня предупредили, что на другой стороне перевала Сассер-ла

растет ядовитый сорняк, от поедания которого у них пало три лошади. Эта ужасная дорога на самом деле была настоящим адом, специально созданным для измора лошадей.

Приятная компания, интересная беседа, хорошая еда возродили мой аппетит, и ко мне вернулось желание к пище. Даже чай, от которого я отказывался в последние дни, доставлял мне большое наслаждение. Мы расстались следующим утром, когда шведы возобновили свое путешествие к Япшангу, в то время как наш караван должен был подняться немного выше к подножию ледника, который мы намеревались перейти на следующее утро, прежде чем солнце смягчит снег и растопит лед.

У нас появились бхути^[18]. Этих тибетцев мусульмане называли бут^[19], что значило идолопоклонники. Здесь мы должны были оставить верблюдов и наших верховых лошадей и сменить их на яков. Бхути имели живописный, но ужасно грязный внешний вид. Их облик, одежда и характер сильно отличаются от других центральноазиатов. Они носили красные шапки, отделанные черной овчиной, с большими серьгами из бисера, нанизанного на проволоку. Запутанные черные волосы свисали за спиной. На них были дубленки, перекинутые через правое плечо. С левой стороны, над поясом, висел в виде мешочка сосуд, который служил для хранения разных вещей. Полуоткрытые серебряные браслеты звенели на запястьях. Их поведение и манера говорить тоже были совершенно иные.

Мы поднялись по древней морене на открытое место у подножия ледника, где находился *рабат*, грубо, но прочно построенный из камней. Место это расположено на высоте 5100 метров и называется Сирсил или Дахни Турги. Сюда приходят караваны верблюдов и забирают товары, привезенные из Леха. Горсточка тибетцев постоянно живет здесь. Как ни странно, было больше жизни у подножия ледника, чем внизу. Редкие травинки пробивали себе путь между мелких камней,

на этой нежной зелени паслись яки. Летали стаи голубей и было приятно снова слышать из-под облаков их мелодичное пение. Белокрылая горихвостка влетела в мою палатку, засвидетельствовав, что эти красивые нежные маленькие птички пересекают Сассер-ла по долине Нубра.

Панорама из нашего лагеря выглядела великолепной, особенно на закате. Выше мы видели молодые конечные морены и массу ледников, уходящих в облака. Потоки воды стекали с ледников, перемывая нижние морены и, глухо бормоча, терялись где-то в глубокой долине Шайока. На левом склоне резко выделялся темно-красный *чортен*^[20] — религиозный памятник, символизирующий пять элементов Природы. Эти сооружения устанавливают набожные тибетцы на всех видных местах, где для этого есть малейшая возможность. Этот первый встреченный нами *чортен*, доказательство того, что мы вступили на землю древних верований загадочного Тибета.

Наши бедные лошади стояли вереницей с опущенными головами. Сегодня они получили немного клевера и совсем чуть-чуть ячменя в качестве лакомства. Завтра они не получат ничего. При прохождении высоких перевалов не разумно давать лошадям много пищи, и караванщики хором советовали не брать с собой много корма.

Я проснулся очень рано. Небо было безоблачным и звездным. Рассвет только начинал мерцать на востоке. Я отхлебнул глоток вермута. Вся вода была замерзшей и стоял вопрос — умыться или нет. Холод напомнил мне русскую зиму. Люди медленно собирали лагерь. Вдруг показалась группа бхути. Они пели, сидя на своих яках. Быстро навьючив своих животных, они привели ко мне уже оседланного верхового яка. Для меня езда на яках была не в новинку. Я уже имел опыт езды на этих странных животных с рогами быка, хвостом лошади, огромной гривой под животом и длинной лохматой шерстью

медведя. Я ездил на них на Памире и на Тянь-Шане. Бхути привели также несколько хороших пони[21]. Это была особая порода горной лошади, сильной и выносливой. Несмотря на свой низкий рост, они хорошо сложены с небольшой красивой головой, грациозной шеей и стройными ногами. Они одинаково хорошо ходят и под седлом и под вьюком. У них спокойные манеры, они тихие и послушные. Даже их жеребцы не задиристы. Они идеальны для детской верховой езды. У меня был такой. Когда я был ребенком, мой отец привез пони из Ташкента, где их называют *кашгарка*, что совершенно неправильно, но и в самом Кашгаре их называют, тоже неправильно, кашмирской лошастью.

Наш караван, теперь с завьюченными яками, заменившими верблюдов, вышел в путь. Бхути шел рядом со мной. Яком можно управлять лишь приблизительно. Все, что у вас есть это повод, идущий к железному кольцу в носу животного, *камча* или кнут. Еще движения яка можно стимулировать дергая его мохнатую шерсть. Но в опасных местах все становится бесполезным и проводник берет в руки повод и управляет силой.

При приближении к леднику мы увидели стаю снежных куропаток, или снежных фазанов (*Megaloperdix tibetanus, Gould*). Это большая птица, как красноногая куропатка, только в четыре или пять раз крупнее. Они убегали, быстро прыгая с камня на камень по краю морены. Мой проводник бросился за ними с палкой и гнался метров двести, как собака за зайцами, конечно совершенно безуспешно. Когда он вернулся, то даже не запыхался! И это на высоте более пяти с половиной тысяч метров, где подобные усилия могли стоить жизни обитателю равнин. Очевидно, не только у чиру — длиннорогой антилопы Каракорума, легкие и сердце специально приспособлены для бега в стране, где обычные существа с трудом передвигаются.

Долина ледника залегала среди гор, состоящих из известняков, пересекаемых жилами роговообманкового гранита. Мы продвигались какое-то время по левой старой морене, а потом вдруг резко повернули направо и начали подниматься вверх по самому леднику. Подъем был очень трудным, крутым ледяным склоном с разбросанными обломками скал и валунами, покрытыми замерзшей снежно-ледяной пленкой. Лошади и даже яки скользили и падали. Бхути бросали под ноги животных песок, который для этой цели заготовили еще внизу, и шли впереди, тщательно выбирая лучшие места для движения. Мой як дважды падал вместе со мной. К счастью, яки не переворачиваются на бок, как лошади, когда они срываются вниз, а просто съезжают на животе, так что с них можно легко соскользнуть. После того, как мы пересекли ледник, наш путь продолжился по боковой морене. Гладкая поверхность ледника была покрыта блестящим белым слоем свежего снега и мне пришлось надеть темные очки.

Ценным качеством яка является его способность чувствовать трещину под снегом, которую человек может не заметить. Бхути, пересекая поверхность ледника полную скрытых трещин, падение в которые могут быть смертельными, едут на нескольких яках впереди. Эти необыкновенные животные обходят опасные места, прокладывая другим дорогу.

После продвижения около четырех километров по леднику мы вышли на перевал и на другой стороне тоже увидели ледник. Огромная масса льда лежала слева от нашего пути между двумя вершинами, с которых лед стекал в обе стороны. Высота пиков достигала 6500 метров. Спуск был достаточно крутой, но не опасный и прошел без происшествий. Небо было совершенно чистым, глубокого, темно-синего цвета, и солнце прогревало наши тела. Ледник остался позади и тропа пошла вдоль отвесных скал по берегу небольшого карового озера

с яркой зеленовато-синей водой. Тропа, прижатая к скалам, была усеяна обломками скал, валунами и глыбами льда. Она была трудной и опасной для прохода лошадей, где на каждом шагу они могли повредить ноги, вывернуть шею или совсем разбиться. Пришлось спешиться и тщательно выбирать дорогу среди камней. Туши недавно умерших лошадей были серьезным препятствием на узком пути. Чуть дальше огромная масса чистого льда перегородила дорогу. Мы должны были подниматься над ним и пробираться с величайшей осторожностью по очень скользкой и гладкой поверхности. Я боялся сорваться в любой момент на острые камни вниз, на которых лежало еще дышащее тело несчастного яка, упавшего туда несколькими днями ранее. Люди сняли с него груз и оставили беднягу со сломанными ногами умирать от холода, голода и боли. Такая жестокость не характерна для бхути, но совершается в соответствии с законами страны, в которой мы теперь находились.

Западный Тибет или Ладак находится под духовным правлением Далай Ламы. Реальная власть была в руках древней царской династии, которая была свергнута, и страну присоединили к владениям *махараджи* Кашмира. Потомки древних царей, продолжают жить как частные лица в городе, которым их предки долго управляли. В мусульманском Кашмире жизнь сегодня регулируется индуистской династией, по древним законам которой, бык или корова являются священными животными, и их убийство наказывается штрафом. Этот закон в настоящее время отменен, но суровый штраф все еще ждет нарушителя. Яки в зоологическом отношении принадлежат семейству парнокопытных и люди не смеют избавить несчастную скотину от страданий. Но я, пользуясь правом чужестранца и сам, не однажды стоявший на краю жизни и смерти [\[22\]](#), не колеблясь, добил бедное животное смертельным выстрелом в голову.

Теперь мы шли узкими промоинами между скалами и стенами чистого льда высотой более тридцати метров. Дно этого каньона слагала твердая масса из осколков льда и камня, тут и там забрызганных кровью вьючных животных. При движении ледника поверхность льда и морен меняется ежедневно, особенно в теплое время года, когда ледник оживает, потоки воды размывают его, трещины рвут лед на части и в них может исчезнуть целый караван. Эта ужасная дорога приводит к концу ледника, круто падающего в озеро, окруженное со всех сторон большими моренами, за которыми поднимают свои головы снежные вершины. Величественная, но безжизненная картина природы больших высот.

Дальше спускался еще один боковой ледник, перегораживающий ущелье стеной льда. Я видел зеленоватое сияние просвечивающих ледяных гротов, с голубыми бассейнами небольших озер у их основания. Мы должны были подняться высоко по крутым склонам морены этого ледника, чтобы пересечь его. Прохождение этой морены, собственно говоря, означает конец перевала Сассер-ла. Дальше начинается длинный спуск среди ледниковых отложений и бугристых поверхностей вплоть до перехода в другую более глубокую долину, в которую сваливаются еще большее число ледников, чем мы уже видели.

Мы остановились на клочке земли, покрытой низкорослой, словно скошенной, альпийской травой. Название его было Тутялак — Место тута. Я проехал восемь с половиной часов на спине яка без кусочка пищи. Несмотря на высоту, я не чувствовал затруднения в дыхании и не принимал строфант. Я не очень устал, у меня даже появился аппетит, и я наслаждался стаканом чая. Правая сторона моего лица ужасно болела, застуженная холодными ветрами Каракорума, но никто больше в караване не был болен. Снова появились наши отвратительные спутники вороны. Высоко в небе кружила пара

бородачей, стаи альпийских голубей летали по лагерю. Несколько кустов крапивы росли среди камней и синели какие-то маленькие цветы.

Прямо напротив нашего лагеря, на противоположной стороне долины, куда мы завтра должны были идти, возвышалась скалистая гора, увенчанная снегом. Огромные ледники, некоторые до полутора километров длиной, сползали с ее склонов между торчащими на ее гребне зубьями скал. Два таких ледника-монстра, начинаясь в далеких снежниках, сливаются и текут дальше единой массой льда. От ледяного хребта отделяются еще крупные ледники, но эти потоки льда не достигают боковых долин. Они висят как гигантские белые языки на склонах этого могучего гребня, сбрасывая вниз огромное количество валунов, гальки и гравия.

На следующий день, после движения по извилистой тропе, мы очутились у подножия огромного ледника Маргистан, который занимал всю долину, сползая вниз с неизвестной высоты на севере, и состоял из четырех отдельных ледников. Длина его достигала тринадцати километров, ширина около полутора километров, толщина льда пятидесяти метров. Ледник спускался до высоты 4800 метров. Вся его поверхность была покрыта большим слоем моренного материала. Ледяной массив обрывался отвесной стеной с несколькими гротами, из которых сочились струйки коричневой воды, покрывающие всю долину ледниковой грязью. Вряд ли в мире имеются горные страны, где можно увидеть больше ледников и такое их разнообразие, как в регионе Сассер-ла. Для геологов, изучающих оледенения, это настоящий классический полигон.

Бхути представляют собой веселый добродушный вежливый народ. Наш проводник, идя рядом с моим яком, все время свистит на воздушных трубках, как ни удивительно, я такие слышал в Альпах. Другой бхути шел впереди, пританцовывая в такт свисту. Я ехал на быке и такая сцена напоминала какую-

то картину из древней Эллады. В своей бодрости духа бхути образуют резкий контраст к угрюмым и неприветливым кашгарцам, возвращавшимся из Мекки, которых мы встретили на дороге. Все указывало на то, что я ступил на порог новой и незнакомой страны, спрятанной от мира среди этих горных хребтов и ледяных гребней.

Мы спугнули двух больших стервятников, пировавших на туше лошади, тщательно зачищая ее кости. К моему удивлению, бхути бросился на остатки туши с ножом и вырезал сухожилия, которые используются в их простом хозяйстве.

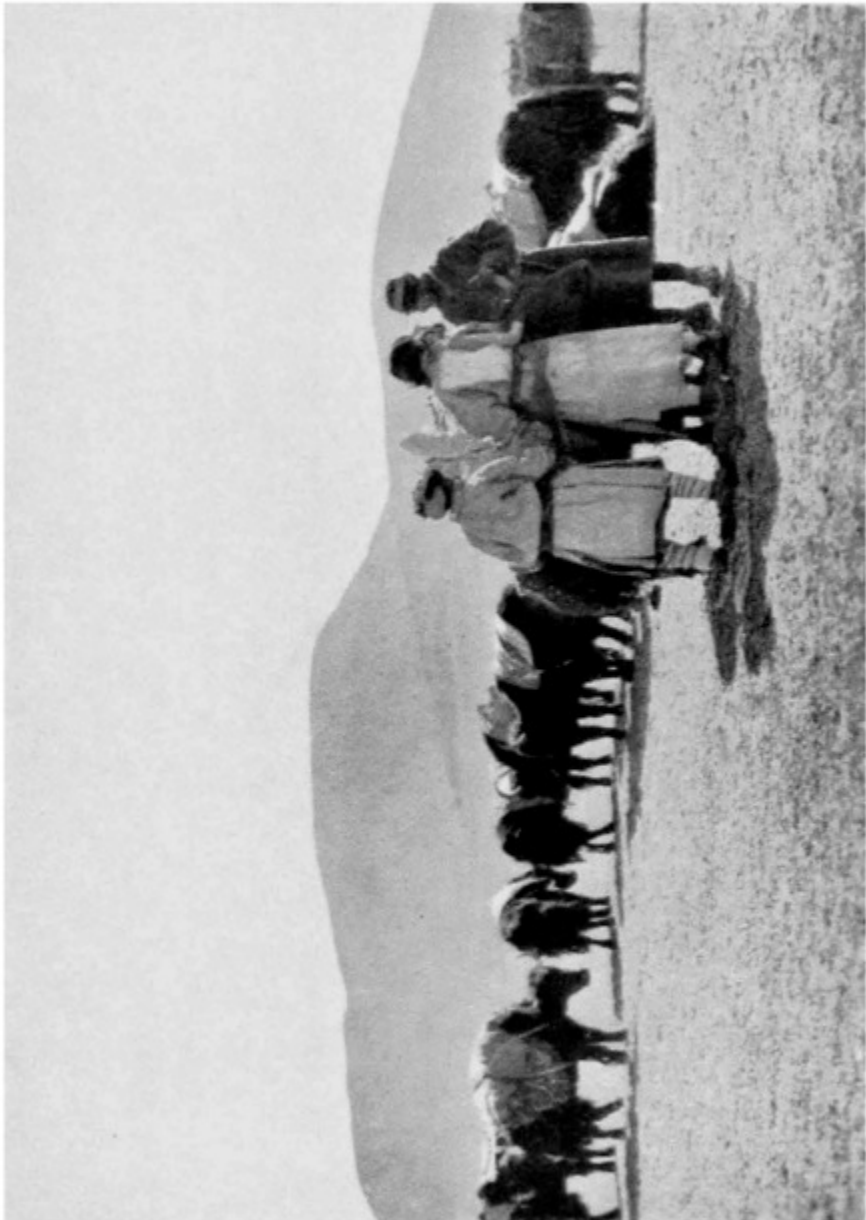
Тропа шла по левому берегу долины по осыпям и моренам. Ущелье было настолько узкое и глубокое, что мы потеряли из виду высокие снежные гребни. Здесь впервые появились признаки, что кто-то следил за дорогой и проводил определенные работы на ней. До сих пор тропа была просто вытоптана прохождением по ней животных. Теперь мы оставили ее и перешли на новую дорогу, но улучшенная ее часть вскоре исчезла под огромными валунами биотитовых гранитов весом в сотни тонн каждый. Животным очень трудно было передвигаться среди этого каменного нагромождения и проводники посоветовали мне спешиться. Валуны рухнули в долину с какого-то невидимого снизу ледника и в один момент разрушили работу многих дней. Насколько трудно, а иногда и невозможно, в ледниковом районе поддерживать даже узкую тропу!

Стало больше растительности. Я заметил низкую ползучую эфедру, пиретрумы, полынь, тысячелистник, и небольшие низкорослые цветы с виду безобидными синими цветамиколокольчиками. Некоторые семенные стручки на них уже созрели. Это был аконит, смертельно ядовитая трава, которая убивала, также безжалостно, как и опасные и трудные тропы Каракорума. Цветы и, прежде всего, семена этого растения содержат аконитин, чрезвычайно мощный ядовитый алкалоид.

Четыре миллиграмма аконитина достаточно, чтобы убить здорового человека в течение нескольких минут. Этот безвредно выглядящий маленький цветок — дьявольская ловушка для несчастных лошадей. Выздоровевшие от *тутека*, благополучно прошедшие через горные переправы, избежавшие голода, они оказались на выпасах, несущих смерть. Естественно, животные с жадностью поедали первый зеленый корм, который они не видели в течение многих дней. Растительные сирены приглашали их для рокового поцелуя. Караванщики и проводники все время тщательно смотрели за животными, но, несмотря на их внимание, без смертельных случаев не обошлось.

На перевале

Караван яков

Когда мы вышли из каменного хаоса и спустились в глубокую сухую долину, то увидели паломников. Сарт с женой сидели у небольшого ручья под нависшей скалой. Вокруг лежала их поклажа. Я остановился. Сарт подошел ко мне в слезах и начал рассказывать, как они пять дней назад потеряли двух своих лучших лошадей, съевших ядовитые травы. Он и его жена были в отчаянии, без транспортных средств и пищи. Братья мусульмане проявили полное безразличие к их бедственному положению и просто оставили здесь на волю судьбы. Миссионеры в Ладаке рассказали мне, что они довольно часто забирают вдоль дороги брошенных своими товарищами больных *хаджи* и оказывают им медицинскую и материальную помощь.

Долина перешла в очень узкое ущелье с почти вертикальными стенами, и тропа поднялась на головокружительную высоту. Выше виднелись лишь башни снежных вершин. Внизу в глубокой и узкой расщелине был слышен шум невидимого потока. Ущелье становилось все темнее и темнее. Потом тропа начала круто спускаться к реке и вдалеке я увидел небольшое зеленое пространство, покрытое кустарниками, растущими вдоль берега реки. Листва на них уже окрасилась нежными желтыми и красными оттенками ранней осени. Кусты шиповника, огромные, как настоящие деревья, были покрыты острыми шипами и ярко-красными ягодами, большие пучки эфедры, древовидный тамариск — все как бы приглашало нас отдохнуть в этом месте, даже затаившиеся среди зеленой травы маленькие синие цветы смертельного аконита.

Я хотел остановиться в этом очаровательном уголке, зелень которого так освежала глаза после бесконечных однообразных скал и снега. Тем более, что было уже три часа дня, и я ничего не ел и не пил с утра. Но мое предложение к удивлению

встретило единодушный и энергичный протест как тибетских проводников, так и караванщиков.

— Мы не можем тратить время, — кричали они в один голос. — Мы должны спешить, чтобы преодолеть Караул Даван до наступления темноты.

— Что за перевал? — спросил я в изумлении. — Никто ничего не говорил мне о каком-либо перевале!

— Это очень высокий перевал и опасный в темноте, — отвечали они.

— Сегодня вечером мы должны спуститься в долину Нубры, — сказал проводник.

Этот неожиданный перевал оказался самым впечатляющим из всего, что я когда-либо видел. Он не был самым опасным. Но сильно напрягал нервы потрясающей глубиной бездны и ее мрачным великолепием. Он мог служить иллюстрацией перехода в другой мир, новый и странный для меня, волшебный и оригинальный.

Ущелье вскоре сузилось и почти перекрывалось огромной гранитной стеной, отполированной древним ледником. Мы были зажаты с трех сторон и, казалось, само небо исчезло в облаках. Перед нами была только щель, которая прорезала стену сверху вниз. Эта щель вела в адскую бездонную яму, в которую река с ревом швыряла себя, исчезая из поля зрения. Я остановился в немом восхищении. У меня была одна мысль: «Куда идти? Может быть вверх по гладкой гранитной стене, у которой едва ли можно различить вершину?» Это казалось невозможным, и я сжался, мысленно измеряя вертикаль скалы. Я вопросительно посмотрел на старшего бхути. Он молча указал на стену, взял повод яка и ступил вместе с ним на узкий выступ, висящий над краем пропасти.

Глубокий рев реки в бездне, темное ущелье среди чудовищных скал, готовых сокрушить и раздавить нас своей безмерной высотой, узкий уступ, по которому пробирался мой

як, вновь и вновь возвращали мою память к картинам и описаниям ада из «Божественной комедии» Данте. Это было точное воспроизведение рисунка Гюстава Доре, где Вергилий вел Данте в ад над ужасным, дымящимся провалом. Только в реальной жизни Караул Даван оказался величественнее и намного страшнее. Путь Данте был почти горизонтальным, но здесь вырубленная в вертикальной скале тропа то поднималась вверх, то спускалась вниз. Конечно, я полностью доверял своему Вергилию — бхути, который покачиваясь медленно шел впереди. И еще я доверил свою жизнь яку, в ногах которого было больше уверенности, чем в моих.

Все выше и выше взбирался як. Там, где не было уступов, тропа поднималась зигзагами, вырубленными людьми в скале. Внизу я видел весь караван, который растянулся, поднимаясь, как по длинной лестнице, и был похож на цепочку муравьев, взбирающихся по вертикальной стене. Любой камень, выпавший из-под ноги моего яка, мог нанести смертельный удар животному или человеку под нами. У меня кружилась голова, когда я смотрел вниз в ущелье, которое уже погрузилось в темноту. А наш путь по узкому уступу поднимался все выше и выше. Что-то случилось в караване, и проводник спустился вниз. Мой як, оставшись без лидера, начал колебаться, и шел дальше неуверенно, как бы нехотя. Все вьючные животные, двигаясь по узкой тропе, предпочитают идти по самому краю пропасти. Имея на спине человека или груз, они инстинктивно боятся наткнуться на стену, оступиться и упасть в пропасть.

За поворотом я подошел к пирамиде из камней. На верхней части пирамиды торчал шест с тряпочными обрывками на нем. Это было *обо*, сложенное на вершине перевала. Обычай выкладывать *обо* в приметных частях дороги очень древний. Их много установлено в Туркестане, в киргизских степях, и везде они называются одним и тем же именем. В воздухе звучало

мелодичное пение бхути. Мы достигли вершины и находились в безопасности.

Панорама была неопишуемой. Долина Нубры лежала у наших ног. Позади, справа и слева, всюду вокруг не было ничего, кроме воздуха. Мы стояли выше всего. Облака были намного ниже нас, покрывая все внизу. Вертикальные скалы падали в таинственные глубины, из которых поднимался великолепный горный гребень, вершины которого были покрыты снегом и льдом. Огромную поверхность хребта прорезали глубокие темные трещины, уходящие далеко вниз, образуя в своем основании маленькие треугольные пятна и узкие полосы желтых и зеленых цветов. Трудно было поверить, что эти пятна — снесенные вниз потоки каменных обломков и осыпей, покрытые растительностью. В самом низу я мог видеть узкий, серый берег. Это была река Нубра. Здесь на вершине орлиной скалы дул пронизывающий ветер. И мне хотелось стать невесомым, чтобы пронзительный ветер мог подхватить меня вместе с яком, закружить и унести с этой орлиной скалы вниз...

Путь вниз, как и на подъеме, шел по такой же гигантской лестнице, вырубленной в вертикальной скале. Впереди просматривались только несколько метров тропы. Далеко внизу за гладкой каменной стеной виднелась долина Нубры и каждое мгновение, казалось, мы должны были туда рухнуть. Глубину этой пропасти я даже не пытался определить. Спуск занял час и три четверти, а его длина была всего около восьми километров!

Половину пути я ехал на яке, а затем шел пешком. Местами тропа висела просто в воздухе, опираясь на подпорки, вбитые в гладкую стену. Сооружение этой тропы связано с добрым именем английского инженера, который построил ее сорок лет назад. Ранее дорога следовала по гребню гор и до спуска в долину проходила большое расстояние.

Уже внизу мы пересекли реку по тибетском мосту, укрепленному на огромных валунах. Здесь, на зеленом, открытом пространстве мы увидели пасущихся больших черных яков, принадлежащих каравану из Лхасы, который остановился здесь на отдых. Мы разбили лагерь рядом. Ночью было тепло. В полной тишине и покое на меня накатилась волна удовлетворения, чувство *bien-etre*[\[23\]](#). Воздух был мягкий и приятный. Дышалось легко. Сидя на большом камне, я с истинным наслаждением пил чай своеобразного вкуса и аромата. Постепенно обычные человеческие чувства возвращались ко мне, возрождая меня из комы, в которую я был погружен на всем заоблачном пути через горы.

Легкий ветерок доносил откуда-то аромат шалфея. Я слышал, как у костра *караванбаши* поучал бхути быть вежливыми и почтительными к европейцам. Но, на мой взгляд, все должно было быть наоборот — бхути своими манерами вполне могли сами преподать ему урок, как вести себя.

В ту ночь я спал непробудным сном.

ГЛАВА X. Прекрасная долина Нубры

Следующее утро было солнечным, ярким, наполненное свежим бодрящим воздухом. Место было интересное. Высокие отвесные гранитные стены позади нас поднимались выше облаков и за ними виднелись снежные пики. Мощные ледниковые отложения прорывались ревушим потоком, который катил по своему дну большие и малые валуны и мчался вниз по долине. Было невозможно пройти выше, чтобы увидеть, откуда вырывается этот поток из гранитного бастиона, который выглядел монолитным и непрерывным. При тщательном исследовании, я заметил с правой стороны узкую извилистую

щель, откуда бурлящим потоком вытекала вода. Очевидно, в свое время здесь был ледопад, когда древний ледник спускался из долины Тутялака. Его морена была размыта, а затем и в самом граните постепенно вода промыла узкие, извилистые расщелины. Кто знает, что происходит внутри этих мрачных каньонов, врезанных в сердце живой горы?

Мы двинулись в восемь. После двух дней езды на существе, которое напоминало мне больше коричневого медведя, чем корову, я снова сидел на лошади и чувствовал, как прекрасно находиться в седле хорошей лошади. Теплое солнце, ясное голубое небо, легкая, хорошо наезженная тропа с высокими валами по обе стороны, новые впечатления — все способствовало хорошему настроению. Я внимательно осматривал окрестности, стараясь больше увидеть в интересной долине Нубры. Эта небольшая, хорошо выраженная область, является частью западного Тибета, отрезанная от остального мира ледовыми горными хребтами. Находясь на оживленном караванном пути, она не потеряла своей высокой индивидуальности, следуя ей тысячелетиями.

Путь проходил вокруг горы долиной, заваленной большими гранитными глыбами со свежими острыми краями, будто отбитыми совсем недавно гигантским геологическим молотком. Поверхность этих многотонных глыб была покрыта пустынным загаром, а свежие сколы свидетельствовали об их недавнем падении.

Долина реки Нубра не плодородная. Ее дно покрыто гравием, песком или галькой. Берега слагают вертикальные гранитные стены. Но там, где потоки выходят из ущелья, организовано искусственное орошение, поля очищены от камней, обнесены оградами и засеяны. Каждый клочок почвы и каждая капля воды полностью используются. Там, где каменистые или песчаные берега омываются водой, появляется дикая растительность. Здесь я нашел отличные зеленые травы

и кустарники: ковыль, шалфей, шиповник, селитрянку, тамариск и другие. О таких диких полянах тоже заботятся. Они окружены каменными стенами или заборами из колючих кустарников. Иногда живые изгороди из шиповника густо покрыты клематисами, который растет здесь в изобилии, покрывая заборы, стены и деревья белым пушистым одеялом. Путевая тропинка капризно петляет среди этих стен, полей, миниатюрных садов. Иногда она довольно каменистая, и даже ступенчатая, пересекает ручьи и оросительные каналы. Все аккуратно, чисто и ухожено. Нет ни сорняков, ни грязи, ни мусора. Небольшие участки дерна тщательно защищены стенами и представляют миниатюрные пастбища для выпаса также миниатюрных овец. В крошечных садах растут цветы и простые виды деревьев: ивы, тополя, абрикосы. Во всех уголках садов высятся белые *чортены*, имеющие вид больших мраморных ваз. Вся обстановка выглядит скромно, просто и даже бедно, но это аккуратная, трудовая, достойная, и даже благородная бедность. Здешняя природа сурова, но народ, который живет в скромных жилищах, трудолюбивый, терпеливый с хорошими манерами. Довольствуясь смиренно малым, они любят и лелеют его, и оно воздает им. Символично, что огромные гранитные валуны, лежащие рядом с дорогой, покрыты аккуратными гравированными надписями священной формулы тибетцев «*Ом Мани Падме Хум*» — «О, Сокровище в лотосе!» На всех скалах и больших камнях возле дороги выгравирована одна и та же надпись.

Мы ехали мимо каких-то длинных, призматических, прямоугольных строений в виде каменных гряд или стен в шесть и более метров в длину до полутора метров в высоту, называемые *тапе*. Их верхняя поверхность покрыта большим количеством камней, скал, валунов, сланцевых плит и на всех выгравирована священная формула. Руки набожных монахов никогда не устают украшать безжизненные камни гравировкой.

Это их *ex voto* [24], признание благословения великого Гаутамы Будды за мизерные дары природы.

На дороге мы встретили чрезвычайно живописную женскую фигуру. Ее одежда словно была разработана художником для постановки какой-нибудь оперы. У нее было смуглое турецкого типа лицо, маленькие, как черные вишни, глаза. На ней был головной убор, как капюшон кобры, закрывающий голову, а хвост узкой полосой спускался по спине вниз. Весь убор был украшен нашитыми на него кусочками бирюзы. Черные как деготь пряди волос, свисающие из-под него, сливались с закрылками из черной овчины. Сзади была оторочка из белой мерлушки с мехом наружу. Пояс вокруг талии длинного, темно-красного цвета, *халата* подчеркивал ее стройную фигуру. Все женщины в этом районе, взрослые и дети, с раннего утра до поздней ночи, носили различные варианты такой одежды. Женщина и не подумает выйти из дому даже на минуту за водой или поработать в саду, не надевая полного комплекта и особенно без головного убора. Я не видел девочек старше шести или восьми лет без полного снаряжения. Маленькая девочка присела возле меня, опустила руки, стуча белыми браслетами, одетыми на ее запястьях.

Странный звук возник и исчез в воздухе, как будто вышел из серебряной трубы. Он повторялся снова и снова, и как будто доносился со стороны холмов, то усиливаясь, то затихая в неподвижном воздухе. Он был очень мелодичным и соответствовал этой странной долине, замечательному воздуху и голубому небу в тонких перистых облаках, свободному от пыльной дымки Центральной Азии. Эта музыка призывала лам к молитве. Высоко в ущельях или на вершине скалы можно увидеть высокие здания своеобразной архитектуры с балконами на верхнем этаже и стоящих там лам в желтых или красных одеждах, в зависимости от их касты,

с очень длинными медными трубами, такими, как они изображены на рисунках с Архангелом Гавриилом.

На полях можно увидеть маленькие молитвенные дома, украшенные длинными полотнищами флагов с написанными на них священными текстами. Ветер развеивает флаги и мантры парят в воздухе. На каналах и ручьях крутятся миниатюрные водяные колеса, стучат молитвенные барабаны, которые никогда не перестают вращаться, излучая энергию мантр.

По узкой тропинке, проложенной между каменными стенами и колючими кустами, переплетенными вьющимися растениями, мы въехали в селение Панамик, состоящее из группы домов с небольшими дворами и садами.

Дома у бхути миниатюрные, как и все на этой очарованной земле — лошади, скот, овцы и даже поля. Дома небольшие, но высокие, из нескольких уровней со своеобразными высокими крышами. Они очень аккуратно построены из хорошо резаного камня, стены гладкие с небольшими окнами с резными деревянными решетками вместо стекол. Внутри они мрачные и темные, без каких либо удобств, просто голые каменные стены и скудная мебель. Жизнь в них такая же простая, как и тысячу лет назад.

В своих чистых маленьких дворах бхути обмолачивают свой главный продукт питания. Гумно, размером не больше обеденного стола, было так отполировано и чисто, что во время обмолота ни одно зерно не могло быть на нем потеряно. Бхути водят круг за кругом своих животных, своеобразно и мелодично напевая посвященную обмолоту песню. Вы не услышите диких и суровых криков на этой мирной и трудолюбивой земле, только мелодичные музыкальные звуки из тех же молитвенных труб слышатся весь день. В простой, но приятного вида природе, они успокаивают тело и душу странников, которые спокойно отдыхают здесь после тяжелой, полной лишений

дороги. Поэтому в Панамике располагаются на отдых караваны, прибывающие из Лхасы или Яркенда.

И я перечислил еще не все прелести этого маленького места. Благодатная природа или какие-то добрые феи наделили эту восхитительную долину горячими минеральными источниками, купание в которых имеет чрезвычайно освежающий эффект, что может быть еще более поддерживающим для истощенного путешественника?

У входа в деревню, мы были встречены молодым человеком в красной шапке, который проводил нас к месту стоянки каравана. Он разобрал часть каменной стены и мы оказались на поле, покрытом короткой густой зеленой травой, как на английских газонах. В углу, под огромной ивой, стоял белый *чортен*. Здесь же росла перовския, цветы которой напоминают лаванду. Перовския и ее русское название унесли мои мысли в сторону далекой родины.

Наши лошади стояли под деревьями, по-видимому, довольные окружающей обстановкой, чувствуя окончание утомительного путешествия. Мою палатку установили рядом с каменной стеной. Кухню оборудовали в тени огромного абрикосового дерева, и сразу начали готовить обед, который я ожидал с нетерпением. Эта земля, на которой мы сейчас находились, исцеляет больных, пробуждает аппетит и вызывает благодарное отношение к окружающему миру и самой жизни.

И на самом деле мне было необходимо исцеление. Моя нижняя губа была покрыта язвами, правая сторона лица отчаянно болела, на руках были глубокие трещины. Несколько членов каравана были в таком же положении, как и я, многие жаловались на ужасные головные боли.

Большой орел кружил над нашими головами, треск сорок перемешивался с галочьим свистом. За стеной шумела река Нубра. Далекие снежные горные пики, казалось, были покрыты тонкой голубой дымкой. За потоком, высоко на склоне рядом

с источником и крошечным садом виднелся маленький белый дом. Как туда могли забраться люди? У тибетцев в крови забираться на высокие скалы, как можно ближе к небесам. Их монастыри всегда расположены на высоких местах, среди едва доступных скал. Даже их жилые дома довольно часто построены на краю обрыва.

После четырех часов солнце ушло за высокие гряды и наша долина оказалась в тени. В лагерь приехал лама в странном рогатом шлеме, темно-красном плаще, с обязательным веретенном и пряжей в руках, оборванный и грязный. Вся одежда тибетцев делается из шерсти и мужчины никогда не перестают крутить нити. Сами они и их одежда никогда не моются, вернее, они моются только два раза в своей жизни, после рождения и после смерти. Бхути всегда с удивлением наблюдали за моим туалетом, когда я умывался горячей водой с мылом. Удивительно, но их индивидуальная грязь одежды и тела совсем не согласуется с чистотой их домов, дворов и садов, с их несомненно приятным эстетическим чувством, с которым они относятся к своему жилищу.

Вечером прибыл караван из Индии и расположился станом рядом с нами. Все индийцы были очень вежливыми и добрыми. Хозяин каравана пришел к нам с визитом. У него был живописный вид: высокая папаха на голове с большими золотыми серьгами, тонкие, как стержни, ноги в обмотках и тапочках. Его караван шел сюда от Леха три дня. Он будет отдыхать здесь один день перед невыносимо тяжелыми и холодными десятью днями перехода через Каракорум. Он сказал мне, что проход Кардонг со стороны Леха в хорошем состоянии и угостил меня настоящей красивой свежей капустой с Леха — ценный подарок в нашем положении, когда мы долгое время не имели свежих овощей.

Наступила ночь. Луна освещала снег на высоких пиках и небо оставалось синим. Старые деревья в садах, серебристая

полоска реки, скалистые склоны — все купалось в таинственном сиянии. Белый *чортен* в ярких лучах луны выделялся на темном зеленом фоне. После безлюдных, высокогорных безжизненных пустынь, все было другим в этом новом, странном и незнакомом для меня мире, отличным от всего, что я видел в других частях Азии. Путешественник, двигаясь со стороны Индии и, проходя сюда через Ладак и Тибет, не так сильно ощущает этот контраст и его меньше поражает очарование Нубры, чем того, кто приходит сюда с севера через высокие горы.

Вся эта долина, ее красота и природное величие, неповторимые и оригинальные пейзажи, доброжелательность и простота ее жителей, их достойная бедность и замечательное трудолюбие, их удовлетворенность и *joie de vivre*^[25], произвели на меня незабываемое впечатление. Мне показалось, что в мою настоящую жизнь пришла какая-то сказка, где каждый был беден и счастлив. Для поэта, воспевающего землю идеальных добродетелей и художника, иллюстрирующего историю о доброй фее и ее бедном, но трудолюбивом народе, нельзя для осуществления своих замыслов найти лучшего места в реальной жизни, чем долина Нубры.

Бхути тщательно ухаживают за своими полями, как будто они работают на образцовой ферме. С полей убраны все камни и использованы для изготовления стен, земля выровнена как стол и используется каждый сантиметр почвы. Они проявляют большую заботу о своих деревьях, кустарниках, каждой травинке. Чтобы оценить их трудоспособность и любовное отношение к природе и животным, я невольно сравнил их с нашими российскими мужиками, которые имеют неограниченное пространство с самой плодородной почвой в мире и умудряются голодать на ней. В Нубре, где бхути процветают, поют, смеются и, как утверждают, тридцать процентов населения не делают ничего, а только молятся,

российский мужик умрет от голода. На одном скотном дворе семиреченского крестьянина, большую часть года заваленного грязью, целая семья бхути может жить, кормиться и быть счастливой.

Трудно найти более грубого потребителя природы, чем русский крестьянин. То, что говорили об Аттиле, который был киргизом, что трава не росла там, где ступала его лошадь, сегодня говорится киргизами о русском крестьянине. Он разрушает леса, загрязняет и обезвоживает реки и озера, уничтожает птиц, зверей и рыб, превращает цветущие районы в пустыню. Я знаю дело его рук слишком хорошо, видел это в Семиречье и в других местах.

Как бхути далеки и не похожи на них, ограждая простой шиповник или другие кустарники каменной стеной и защищая несколько квадратных метров травы рядом с небольшим родником!

Шум в лагере разбудил меня на рассвете. Я взял фонарь и вышел. Группа мужчин собралась вокруг издыхающей лошади моего *караванбаши*. Это был красивый жеребец из Ферганы, покладистый и работающий. Он тяжело стонал, лежа на боку, прерывисто дыша с пеной на губах. Очевидно, он съел немного аконита, когда мы спускались с ледников в долину. Как будто какой-то злой дух делает все возможное, чтобы не казалась человеку раем сказочная долина Нубры, какое-то проклятие преследует караванных животных на этой ужасной *Via Dolorosa*.

Утро было пасмурным, и легкий туман спускался по долине, вершины скрывались в облаках. Воздух был неподвижным и мягким. Солнце взошло, когда я уже завтракал. Огромная тибетская собака почтила меня своим посещением. Тибетцы любят своих собак и относятся к ним хорошо. Здесь их много, они тихие и дружелюбные, с длинной и шелковистой шерстью. Эти хорошие сторожевые псы зря не набрасываются на незнакомцев и, как киргизские собаки, не лают всю ночь.

Белые трясогузки были нашими постоянными спутниками на дороге, щебетали какие-то птахи и в кустах селилась большая стая воробьев. Это были не воробьи *Passer indicus*, обычные и для Туркестана, а больше похожие на европейского полевого воробья *P. montanus*. Игрушечные козы паслись на полях, и коровы, выглядевшие совсем как телята.

Когда туман разошелся, я подъехал взглянуть на горячие источники. Бхути показал мне дорогу. Он был одет в лохмотья, рубашка вся в дырах, но с серебряными серьгами в ушах и золотыми браслетами на его правом запястье. Горячие источники истекают из гранита, они имеют высокую температуру и содержат в растворе соду, которая выпадает сразу в осадок. Скала внизу разъедена водой и имеет рыхлую, губчатую структуру, насыщенную содой. Ниже по течению Нубры имеются большие запасы соды, которую туземцы собирают и продают. Они используют соду при приготовлении чая. Трудно сказать, эти воды поднимаются из гранитных глубин или их происхождение связано с какой-то другой породой и растворы разлагают гранит, проникая его.

Зеленая трава растет вдоль ручья, и вода насыщена водорослями, в результате чего происходит осаждение железа и русло с минеральными водами окрашено в ярко-белые, желтые, красные и зеленые цвета. В некоторых местах из скальных трещин поднимается пар. В одном из источников сооружена примитивная ванна из камня, окруженная каменной стеной. Здесь же примитивной постройки двухэтажное здание, построенное также из камня для посетителей ванны. Я принял с наслаждением один сеанс, благословляя добрую фею этой волшебной долины, предоставившую такую роскошь для путника. Большое число довольно маленьких ящериц, серых с ярко-оранжевой шеей, и потому похожих на живые цветы, проворно шныряли среди камней.

Вечер был очень приятным. После купания я долго сидел в саду возле моей палатки, пил чай и наслаждался пейзажем. Солнце уже ушло за гору. Абрикосовые деревья были одеты в золотые и фиолетовые оттенки осени — разительный контраст с темно-зеленой остролистной листвой ивы. Большие деревья и живые изгороди были покрыты пушистыми цветами клематиса. Смешной белый козленок, стоя на задних ногах, осматривал и щипал ароматные и терпкие ягоды терна.

Белые *чортены* в сумерках казались странными строениями какого-то неземного культа. Все вокруг было наполнено миром.

Вдруг раздался шум, звон колокольчиков, ржание лошадей и крики на незнакомом языке. Это прибыл караван из Кашмира, который становился лагерем в прилегающем поле. Вереница тяжело нагруженных лошадей шла довольно бодро, чувствуя предстоящий им отдых. Индийцы в желтых тюрбанах сидели на больших вьючных седлах. Мой конь взволновался, подняв голову и хвост, энергично заржал, приветствуя прибывших из далекой страны. Ярко-голубые головные уборы, а под ними смуглые молодые лица в окружении черных кудрей показались за соседними стенами. Любопытные девушки бхути прибежали взглянуть на чужестранцев.

Следующим утром мы покинули Панамик и во второй половине дня подошли к Тагару, крупнейшей в долине Нубра деревне. Тагар в кашгарском диалекте означает сумку или карман. Казалось странным, что многие бхути здесь говорили по-тюркски, в кашгарском наречии.

Небо было пасмурным и низкие облака висели над долиной. Пошел мокрый снег, но позже прояснилось и стало тепло. Дорога шла песчано-гравийной долиной, где росли только селитрянки. Здесь они были несколько иными, чем на севере. Листья у них были короткими и цилиндрическими, ветви меньше, но все растение было значительно выше. Из водоема мы спугнули стаю чирков. Затем мы проехали через другую

большую деревню, не увидев на улицах ни души и поднялись на склон горы высоко над долиной. Пересекли ручей и обширную чащу колючей облепихи, которая здесь формирует настоящий лес. Мы разбили лагерь на поляне, окруженной стеной. Выводки куропаток сутились вокруг. Здесь они совершенно не пуганы и даже в деревнях ведут себя как домашняя птица. Бхути не трогают их, и птицам, кажется, нравится соседство человека. Разве можно поднять руку, или, точнее, ружье, на такие доверчивые стайки?

Деревня расположена на склоне холма на восточной стороне долины и орошается потоком, текущим с гор. Из него отходит оросительный канал в монастырь, расположенный высоко над деревней и построенный в обычном тибетском стиле — высокая трапеция с причудливыми балконами. Он светился в лучах заходящего солнца. Белые монастырские здания выглядели изящно на фоне гранитных скал. Кельи отшельников смотрелись белыми пятнами, разбросанными по склону.

Внизу, в тенистом саду, окруженном высокими деревьями, стояло высокое, узкое каменное здание с маленькими окнами. Его крышу покрывали тщательно увязанные пучки соломы, увитые в толстые косы. В этом владении мы разбили лагерь. В саду, в тени высоких ив, стоял большой белый *чортен* и вокруг было еще много других *чорتن*ов, разбросанных по саду и горным склонам, а также многочисленные каменные гряды — *тапе*.

Во дворе обмолачивали пшеницу. Убирая, ее не скашивали, а выдергивали с корнем. Пшеница созревает здесь на высотах до 4000 метров, ячмень до — 5000 метров. Жареная ячменная мука, мясо и чай образуют главную еду бхуту. Этого достаточно, чтобы насытиться.

Среди бхути много женщин всех возрастов и сословий. Прекрасный пол не блещет ни внешностью, ни чистотой, и, конечно же, они не моются. Молодые и старые, богатые

и бедные, все без исключения, носят головные уборы в форме кобры, украшенные, как правило, бирюзой, но иногда и другими цветными камнями. Когда и кто и по какому пути привнес в этот уединенный уголок горной Азии обычай египетских фараонов носить на голове священную корону в виде кобры?

В доме, во дворах, садах и на улицах бхути поддерживают удивительную чистоту. Здесь, в отличие от Кашгара, не увидишь ни мусора, ни грязи, ни навозных куч. В Ладаке нигде нет печально известной грязи Востока. Я уже упоминал добрую фею — покровительницу долины Нубра. И, действительно, здесь все настолько хорошо, что трудно поверить, что это реальная страна, а не декорация театральной сцены. Приятно, что и в двадцатом веке еще можно проехать на лошадях через малоизвестные земли, сохранившие свою самобытную культуру, наследованную веками, и избежавшую однообразной европейской цивилизации.

В Тагаре Нубра впадает в реку Шайок, которую мы уже видели, пересекая Сассер-ла. Река Шайок огибает массив Сассер и течет с запада на восток, обратно в горы Балтистана. В зимний период, когда в реке мало воды и она замерзает, можно проехать по льду, минуя перевал Сассер-ла, Караул Даван и долину Нубра.

Долина реки Шайок широкая, покрытая галькой и песком, который образует большие барханы или дюны, местами покрытые зарослями колючки и тамариска. Последний иногда имеет вид довольно больших деревьев. Встречаются заболоченные участки и селения, орошаемые искусственные каналами. В середине дня мы проехали через одно такое село, все скрытое в тени огромных деревьев. Улицы выглядели живописно, обсаженные большими мелколиственными ивами и карагачами — деревьями вида вяза, которые последний раз я

видел в Кок Яре. Большие белые *чортены* высились, как смотровые башни.

За этой древней долина становится пустынной и каменистой, но оживляется впереди подвесным мостом европейской постройки — первый признак цивилизации. Мост перекинут над потоком на шести стальных тросах, поддерживаемых двумя высокими каменными арками. Наш *караванбаши* первым вышел на мост, где был встречен хранителем в образе решительной бхутской женщины, одетой в тибетском стиле, с головным убором в виде кобры, расшитой бирюзой, в темно-красном плаще с меховыми оторочками на плечах из овчины.

Удивительно, но мой конь, который проходил, не колеблясь ни секунды, через жуткие, вызывающие нервную дрожь местные мосты, висящие над головокружительными пропастями, не смог преодолеть этого современного творения. Причина была в том, что родные мосты качались только по вертикальной плоскости, без бокового колебания, в то время как на середине этого, умело построенного европейского моста, появлялись горизонтальные движения. Мой конь споткнулся, стал раскачиваться как пьяный, и амплитуда его качания увеличивалась под нагрузкой всадника. Мне пришлось спешиться и провести его в поводу.

За мостом дорога проходила берегом реки под крутыми обрывами гранитных скал и ледниковых отложений. Дорога была хорошо разработана, но местами завалена упавшей породой и сверху нависали большие массы, готовые рухнуть и сокрушить путника. Еще и песок добавлял трудности при движении лошадей. Справа открылся огромный амфитеатр на склоне гор. В середине его протекал ручей, поросший деревьями. В его вершине был воздвигнут большой монастырь. Местность называлась Картса. До вечера было далеко, но мы здесь остановились на ночлег и разбили лагерь на берегу потока

недалеко от руин какого-то каменного здания с многочисленными помещениями. Зеленые террасы разных уровней были заняты полями, обсаженными по краям деревьями и кустарниками. Несколько очень старых яблонь росло рядом, некоторые были с огромными дуплами и обросшие многочисленными отростками от корней. Этому старому саду было не меньше ста лет. Кто жил в этом огромном старом доме, и когда? Кто посадил этот сад, в таком отдаленном горном оазисе?

Стояла великолепная погода. Небо было безоблачным, жара и мухи докучали нас. Здесь, в долине Шайока мы увидели белокрылых горихвосток, которых не встречали ни среди ледников, ни в долине Нубры. Это означало, что эти красивые птицы летели вниз в долину Шайока, избегая ледяных высот Сассер-ла и долины Нубры.

Бхути принес мне неплохих яблок. Я попробовал первые плоды с этой стороны гор. Природа была здесь богаче, чем в Нубра. Высокие тополя с золотой листвой окружали поляну, где были разбиты наши палатки. Река спокойно текла мимо старых зеленых и розоватых кустов тамариска.

Вокруг залегали ледниковые отложения. Высоко над нами стоял красно-белый монастырь, такой же, как и другие в этой стране. Над ним высилась покрытая снегом вершина, еще освещенная солнцем. Вся долина уже была окутана тенью и только пики на дальней стороне Шайока сияли пурпуром и золотом. Стемнело. Из-за гор вышла Луна. Венера, Марс, и Юпитер блестели на небе в одной линии. Наступила восхитительная теплая ночь, которой я не ощущал долгое время. Этот приятный уголок среди гор усыпил меня сладким сном. Большое строение монастыря выглядело странным и загадочным в белом лунном свете. Огни наших костров начали угасать. Это была последняя наша стоянка в теплой

зеленой долине. Завтра нас ожидали снова бесплодные горы, скалы и ледник Кардонг.

Утром мы долго ехали вниз по долине Шайока, большую часть пути передвигаясь по уступам высоко над рекой. Здесь мы в первый раз встретились с искусственной тропой, прикрепленной к поверхности отвесных вертикальных скал на протяжении нескольких километров. При прохождении трещины или пролома в скале, мы поднимались еще выше по крутым скалам, имея шанс сорваться вместе с лошадьёю в ту или другую сторону. Такой подъем вызывает головокружение, но, к счастью, лошадь его не ощущает, и всаднику остается соблюдать золотое правила кавалериста — смотреть точно между ушами лошади и устойчиво держаться в седле. Еще хуже, когда над тропой нависают скалы, под которыми не проходит высокая лошадь с человеком. И лучше спешиться и пройти такое место пешком.

В верхней части долины Шайока мы повернули вправо, и началось наше восхождение на перевал Кардонг — первый гималайский хребет на пути к долине Инда. Внизу в ущелье, заросшем деревьями и кустарниками, я мог различить огромные тамариски со стволами толщиной до 30 сантиметров. Я наслаждался видом этого прекрасного дикого леса. Выше лес стал реже, деревья ниже и тоньше и росли они только вблизи водного потока. Тропа повернула в боковой овраг, и мы снова вошли в альпийский пояс. Мы прошли руины какого-то здания, похожего на *караван-сарай*, в окружении старых *чортенов*. По этой долине мы вышли к одному из селений, которое расположилось высоко над долиной. Склоны были превращены в искусственные террасы для выращивания ячменя и трав. Намного ниже мы видели пасущихся яков, с высоты казавшихся маленькими черными муравьями. В стороне виднелся монастырь.

Селение Кардонг состояло из нескольких жалких каменных домов, *чортенов*, каких-то круглых строений и большого *караван-сарая*, окруженного высокой каменной стеной. В него мы и заехали. Обширный двор был завален товарами. Помещения для путешественников были темные, холодные и грязные. Я приказал поставить свою палатку во дворе, которую бойко установили полдюжины *бхути*. В середине двора росло несколько ив, полностью закрытых каменной стеной. В центре стояли большие старые весы и ярмо, напоминая мне наши давние сельские базары. И, завершая полное сходство, у весов стоял местный смотритель — *бхути*, совсем похожий лицом на нашего оренбургского или ташкентского татарина.

Мы прибыли около полудня и после обеда я пошел взглянуть на окрестности. Небо было синим, безоблачным. Было жарко, но к вечеру подул ветерок из снежников и стало холодно.

Рядом с *рабатом* или *караван-сараям* возвышались три круглых каменных здания, покрытые сланцевыми плитами с выгравированными на них надписями. На стенах стояли молитвенные барабаны. Со всех сторон поднимались каменные стены, огораживающие стога с кукурузой, ячменем или сеном и поддерживающие террасы на горных склонах. На ручье я увидел большого улита (*Totanus ochropus*), внезапно взлетевшего. Во дворах летали бесчисленные воробьи и несколько горихвосток.

Женщины с бирюзовыми украшениями на головных уборах управлялись обмолотом ячменя. Зерно было крупное, без шелухи, отличного качества, известное как ячмень Гималайский.

Все поля орошались искусственно. Кажется странным, что так мало осадков выпадает на такой высоте. Мы находились выше 4000 метров, а снеговая линия в этой части Гималаев поднимается до 7000 метров.

Далеко вокруг было видно море гор, большая часть из них — бесплодные недоступные и снежные. Граниты и гнейсы здесь доминирующий тип пород, но я наткнулся на обломки крупнокристаллического диорита.

Наступил вечер. Вышла Луна. Из монастыря вечерним призывом к молитве доносилось приятное пение лам.

Я поторопился вернуться в лагерь. Завтра будет последний трудный перевал Кардонг с заснеженным ледником на высоте 5860 метров, что еще не являлось высотой прохода.

На следующий день нам не удалось пройти через перевал. Мы пересекли несколько полей и поднялись высоко на древнюю морену с большими заболоченными участками и источниками, дающими начало реке. Нам пришлось остановиться у подножия перевала, где приютилась маленькая каменная хижина, в которой могли укрыться от непогоды запоздалые путники.

Поднялся сильный ветер, стало очень холодно, метель закружила над перевалом. Бхути заявил, что идти дальше невозможно, и мы должны остаться здесь до следующего дня. Я не возражал, так как як подо мной был довольно слабым и шел очень медленно, и я начал сомневаться перенесет ли он меня успешно через перевал. На самом деле, это был не чистый як, а *дзо* — помесь яка и домашней коровы. Они, как правило, более предпочтительны для езды по причине их спокойного поведения. Но, конечно, они не имеют силы настоящих яков. Породистый як — это очень крупное животное, с большими рогами на массивной голове с темно-коричневой шерстью. Находясь на снегу, яки держат голову низко и часто захватывают и глотают снег, при этом производя характерное хрюканье, за что и заработали научное название *Bos grunniens*. Гибриды не едят снег и не хрюкают, но скрипят со странным звуком своими зубами. Мы поднялись на хорошую высоту, выше 5300 метров, которая довольно заметно ощущалась. Снова появились симптомы горной болезни, усталость, неприятный

вкус во рту, и чай приобрел лекарственный привкус как на Каракоруме. Ночь была очень холодная. Я проснулся, чувствуя удушье. И, чтобы уснуть, переложил подушку так, чтобы поддерживать голову как можно выше.

Поднялись мы рано до рассвета. Я принял восемь капель строфантуса и не чувствовал каких-либо негативных эффектов от высоты.

Проход Кардонг-ла проложен через огромный ледниковый цирк, наполненный льдом, и напоминает большой кратер вулкана. Одна сторона кратера разбита и по ней ледник спускается вниз к скалам. Чтобы подняться к перевалу, необходимо забраться на гребень горы, пройти по самому краю цирка, а затем выйти на боковую морену ледника. Путь очень нелегкий для лошадей и яков. Дорога идет вниз вдоль левой стенки по обледенелым валунам, камням и скалам, по ледяным ступеням, местами почти отвесным. Спускаясь, как по крутой поломанной лестнице, животные скользят и падают. Я теперь ехал на огромном очень сильном яке, но даже он два-три раза скользил вниз. Однажды, когда он упал и покатился, я вовремя сумел с него спрыгнуть. К счастью, он не улетел, быстро поднялся и твердо встал на ноги. Если бы он скатился немного дальше, то соскользнул бы вниз по крутой поверхности снежника и улетел бы в бездну на язык ледника. В зимнее время поверхность льда покрыта толстым слоем снега и нет особой опасности при переходе по ней. Но я не могу представить, как проходят здесь, в летнее время, когда камни не зажаты в тисках льда, ручьи текут по леднику и вся его масса в щелях и трещинах.

Перевал

Когда мы достигли вершины морены, то должны были пересечь ледник по глубокому снегу и подняться по его левому флангу на вершину перевала. Здесь животные барахтались и тонули в мягком, глубоком снегу, который выпал ночью. Мы встретили группу бхути с ослими, нагруженными товарами из Леха. Мне было ужасно жаль видеть одного бедного осла, который поскользнулся и перевернулся на снегу так, что его маленькие ножки торчали в воздухе. Позвякивал колокольчик на его шее. Тяжелый груз не давал ему подняться на ноги и с покорным взглядом глаз, он спокойно лежал, ожидая от людей помощи. Это очень опасное место. Вся масса снега, покрывающая ледник, в любой момент может рухнуть вниз огромной лавиной, сметая людей и животных.

Наконец мы достигли вершины нашего трудного восхождения и вздохнули с облегчением, что благополучно прошли последний из опасных проходов на дороге в Кашмир. Солнце светило, небо было безоблачным, но глубоко темного, угрожающего цвета.

Спуск с вершины был чистым от снега, но очень долго и круто тянулся вниз. Тропа петляла среди моренных камней и валунов и казалась бесконечной. На гребне жандармами торчали столбики скальных останцов. Виднелись какие-то низкие укрытия, выкопанные в земле или построенные из камней. Появилось немного зеленой травы и мы остановились на обед.

Хотя дорога по-прежнему была очень каменистой, но как уже был не нужен и я пересел на свою лошадь. Узкая долина привела нас к целой группе *чортенов*. Здесь долина делает резкий изгиб влево, открывая прекрасный вид на террасированные склоны, сады, монастыри на холмах и *чортены*. Один по размерам и форме напоминал церковь. Горы вокруг были бесплодными и каменистыми.

Мы ехали дальше вниз и в устье долины вошли в лесистую зону, которая присоединялась к широкой долине Инда, протянувшейся с востока на запад. Слева от дороги поднимались крутые, скалистые горы, у подножья которых стояли группы *чортенов* и странные, высокие и узкие тибетские дома. На гребне горы возвышались древние укрепления, монастыри, и, дальше на возвышении, стояло огромное, высокое, мрачное здание с узкими оконными отверстиями, в котором было не сложно признать, так часто виденный мной на иллюстрациях и фотографиях, старинный замок или дворец бывшего правителя Малого Тибета. Группы строений вокруг подножья холма образовывали город. Это был Лех!

ГЛАВА XI. Лех... и вниз по Инду

Мы въехали через городские ворота. *Караванбаши*, впечатленный окружающей обстановкой, спешил и зашагал во главе каравана. Мы ехали то по главной улице, мимо каких-то европейских домов с садами, полными цветов, стен, покрытых пушистым клематисом, то по открытым травянистым пространствам с родниками, из которых пузырилась вода. Наконец мы оказались в обширном дворе, в тени старых ив и тополей, надевших желтый и пурпурный осенний наряд. В центре было большое и комфортное бунгало^[26], где мы и остановились.

День был теплый и солнечный. Я оказался в доме после нескольких недель палаточной жизни в снегах, на ветру и среди камней. Прибытие в город производило восхитительное ощущение комфорта и сделало возможным принять настоящую ванну. Тотчас появились торговцы дровами, а женщины принесли корм для лошадей.

Две маленькие девочки лет одиннадцати-двенадцати в обязательной одежде с бирюзовой коброй на голове и оторочками из овчины на спинах начали подметать в номерах и расстелили ковры на веранде. Бунгало состояло из нескольких комнат, каждая с туалетом и ванной, с большой столовой в середине с окнами, открывающимися вверх. Во всех номерах полы были покрыты коврами индийского производства. Я никогда не ожидал найти такого комфорта в этом маленьком тибетском городке, учитывая, что Лех находится на высоте 3740 метров.

Едва мы разгрузили лошадей, как парикмахер и прачка пришли с предложением своих услуг. Вечером, после ужина, когда я сидел в своей комнате в кресле у камина, ко мне начали возвращаться обычные человеческие чувства. Наиболее трудная и опасная часть путешествия закончилась. Теперь я был в Британской Индии, в стране, где были закон и порядок, телеграф и почта, дороги и, что очень характерно, вот это бунгало!

Правда, впереди еще долгий путь езды на лошадях и на больших высотах, но больше не будет *тутека* или горной болезни, будут более цивилизованные условия путешествия: можно будет бриться каждый день, и даже принимать ванну! В этом теплом помещении, на этой мягкой постели, я заснул сном праведника.

На следующее утро меня разбудили звуки колоколов. Я с восторгом впервые за пять лет слушал их музыку, которая возвращает всех русских, кроме, конечно же, большевиков, к воспоминаниям о прошлом, о нашей родине, нашей счастливой семейной жизни, самым ярким картинам детства, родного дома и праздничных днях. Звонили церковные колокола Моравской Миссии^[27], направленной в Ладак христианским обществом. Через открытое окно и золотую

листву деревьев я мог видеть ярко-синее небо и лучи утреннего солнца. Воздух был свежим и прохладным.

Было воскресенье. Я получил приглашение на обед в Моравскую Миссию. Ее хозяйка миссис Куниг показала мне здание Миссии и все ее помещения, восхитительный сад, полный душистого горошка, космеи, годеции, огромных пеларгоний и многих других цветов. Огород с различными овощами, там даже росла клубника, только недавно завезенная в этот город среди облаков. Из окна гостиной открывалась прекрасная панорама на долину Инда, с высокими горами за рекой, со снежными вершинами и сползающими с них ледниками.

Обед был восхитительным и приготовлен идеально, в том числе брокколи и картофель. Зная, как трудно варить должным образом на высоте свыше 3700 метров, я был поражен, когда хозяйка продемонстрировала мне секреты ее искусства. Весь ужин был приготовлен в специальном герметичном аппарате — «скороварке», где под давлением перегретого пара значительно увеличивалось обычное атмосферное давление. Все блюда были приготовлены самой хозяйкой и закладывались в аппарат, который завинчивался и подогревался определенное время, а затем открывался, и готовое блюдо подавалось на стол. Еда была отличной, и от начала до конца не касалась рук прислуги.

Октябрь и ноябрь — самое лучшее время года в Ладаке. В январе и феврале очень холодно, и внутри каменных домов холоднее, чем на открытом воздухе. Весна здесь начинается поздно, деревья не распускаются до июня.

Главную улицу Леха, обсаженную тополями, фотографировали много раз. Я видел ее фотографии, когда тополя были только посажены, а теперь они хорошо выросли и даже постарели. Здешняя высота слишком большая для тополей. Местные жители следят за деревьями и заботятся о них. Рядом с базаром, огромный ствол тополя сильно

наклонился, его поддержали железными подпорками и выправили. Торговых лавок на базаре мало и товар в них не особенно интересный. Но покупатели могут найти здесь различные редкие и любопытные вещи из Лхасы и отдельные интересные предметы антиквариата. Я купил очень старую фарфоровую чашку в медной коробке. Чашка — неотделимый спутник каждого тибетца. Всегда он найдет ее у себя за пазухой, такие же чашки всегда были и у скифов и совсем недавно у их потомков киргизов.

У бедных людей это простые деревянные сосуды. Те, кто побогаче, отделывают дерево серебром или их чашки полностью сделаны из серебра или фарфора и в серебряных коробочках. Многие ламы имеют чашки, изготовленные из верхней части человеческого черепа в серебряной оправе, как у старых болгарских ханов. Другой неперемный предмет тибетца — это ложка, неизменно висящая у него на поясе. Ложки металлические, необычайно оригинального и любопытного дизайна.

Они бывают двух видов — одни для мужчин, другие для женщин. Ложки не очень большие, от 12 до 15 сантиметров в длину, нижняя часть используется для черпания бульона или чая, верхняя — для перемешивания *саму* — еды из жареного ячменя с чаем или водой.

На базаре можно увидеть интересных представителей разных народов. Здесь вы можете встретить тибетцев, которые три месяца добирались сюда из Лхасы, кашмирцев, одетых в самые красочные и щегольские наряды, индусов из Пешавара, рослых горцев из Балтистана, серая одежда которых настолько тесно сочетается с окружающими скалами, что их с трудом можно отличить от земли, неуклюжих кашгарских сартов в длинных *халатах*, и многих других.

Лингва-франка[\[28\]](#) здесь — наш центрально-азиатский тюркский и очень редко можно найти кого-нибудь, кто может

говорить по-английски. Тибетскому языку очень трудно научиться говорить правильно. Их современный язык состоит из двух различных форм речи. Повседневная или бытовая форма используется в разговоре между равными, другой — более формальной речью — обращаются к лицам высшего ранга или когда служащие говорят со своими хозяевами. Существует, конечно, еще и классический тибетский язык, который не понимают даже многие ламы. По этой причине забавно читать сказки некоторых путешественников, рассказывающих как они «изучали тибетский с ламами» в Ладаке, или о «древних монастырских рукописях», в которых они нашли замечательные рассказы о посещении Иисусом Христом Тибета, где он, как предполагается, провел несколько лет в царстве Чола[29] и был послушником в каком-то тибетском монастыре. Именно такие бредни были написаны русским путешественником[30] тридцать лет назад, и реанимированы снова русским художником Рерихом совсем недавно.

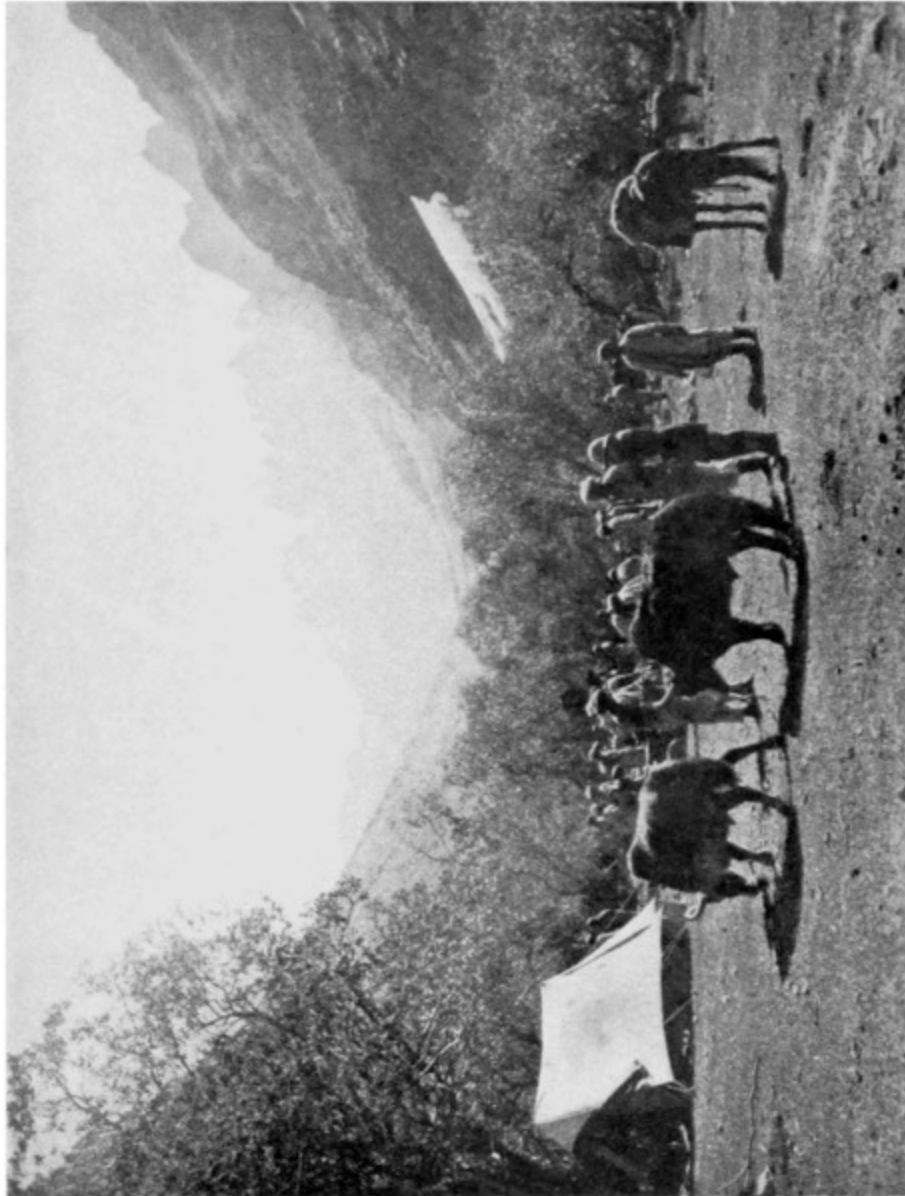
Во второй половине дня я устроил обед своим кашгарским *керекешам*, которые в скором времени вернутся назад. Купили и целиком приготовили барана, неограниченное количество чая с булочками, сухофруктами, и так далее. Это было моей благодарностью за благополучное завершение трудного и опасного путешествия. Это был мой *Худай*, так называют в Туркестане пожертвование Аллаху. *Караванбаши* и *керекеш* благодарили меня и пожелали мне приятного путешествия на предстоящем пути в Кашмир.

Они были особенно благодарны мне, за то, что я «понял, как путешествовать», не суетился, не торопил их в дороге, давал людям и животным достаточно отдыха. На самом деле, слишком многие цивилизованные туристы считают свой собственный комфорт превыше всего, и спешат до места назначения, как можно быстрее, не думая о людях или животных. Они садятся на своих лошадей сразу после завтрака, забывая, что их обслуге

нужно время, чтобы собрать лагерь упаковать и загрузить вьюки. Обязанность путешественника, оставить бивуак только тогда, когда он убедится, что ничего не было забыто, что все правильно упаковано и загружено, и вьючные животные могут идти вместе с верховыми лошадьми. Сушая глупость делать все это поспешно, когда последствия могут стоить жизни и не только животным, но и персоналу каравана. Они не знают, какие тогда заслуженные проклятия обрушатся на их головы.

Во дворе нашего бунгало жила маленькая девочка лет десяти. Каждый вечер я видел ее с плетеной корзиной за спиной. Она приходила во двор с улыбкой на лице и с полной корзиной... конского навоза! Собрание этих ценных отходов на улицах является обязанностью детей, которые используют специальные маленькие лопатки с длинной ручкой. В Кашгаре они не так привередливы и собирают его просто руками, складывая в заплечную сумку. Однажды, после сильного ветра, когда улицы покрылись опавшими листьями, много детей толкалось на улице, собирая их. В большинстве это были маленькие девочки, одетые с головы до ног в традиционную одежду, даже малыши пяти или шести лет носили бирюзовые кобры на головах и несли небольшие игрушечные корзины на своих спинах.

Еще одним очень характерным украшением тибетских женщин являются браслеты из конических раковин. Они надеваются на запястья в детстве и остаются там на всю жизнь, и когда девушки вырастают, то уже не смогут снять их, даже если пожелают. Браслеты символ подчинения женщин, и те, кто становятся мусульманками, заменяют их серебряными. Молодые девушки неплохо выглядят, но они быстро становятся морщинистыми и старыми. Кожа у них темнеет еще и потому, что они применяют ярко-желтый сок каких-то ягод в виде косметики и защиты от солнечных ожогов и сглаза.

Хорошее место для стоянки

Но не надо думать, что представительницы прекрасного пола в Ладаке принадлежат своим мужчинам также, как женщины из стран мусульманской Азии. Напротив, Ладак на Малом Тибете, это одна из стран, где все еще преобладает

полиандрия — форма семейных отношений, официально признанная государством и религией, и совершенно непонятная и неприемлемая не только для европейцев, но и для своих соседей — мусульман и индуистов. Тибетская семья, следовательно, состоит из нескольких братьев — мужчин, имеющих одну жену. Когда женится старший брат, он пользуется своими правами в течение недели, затем — следующий брат, и так далее. В такой семье могут быть четыре или даже пять братьев, разделяющих ложе с одной женщиной. И это еще не все. Прекрасная половина имеет право кооптировать в семью стороннего абонента в соответствии с ее выбором. Такой человек становится членом семьи и рассматривается как брат, являясь наравне со всеми другими братьями акционером не только чувств их общей жены, но всего их материального имущества. Дочери богатых и известных тибетцев имеют право сами выбирать себе мужей, и в этом случае те становятся членами семьи жены и совладельцами всего имущества. Иногда выбор девушки падает на представителя нижнего уровня по отношению к ее положению и тогда, как в сказках о доброй фее, он сразу становится богатым, известным и счастливым обладателем прекрасной невесты.

Но, как и в сказке, он может быть поражен злой судьбой. Если он не радуется молодой девушке или она будет разочарована в своем любовнике, то в конце недели он может быть изгнан из дома и опустится обратно в свое прежнее положение. Чтобы смягчить удар, экс-муж получает компенсацию, согласно обычаю, в виде овец. Если он выдерживает недельную стажировку, то становится постоянным мужем. Жена оставляет за собой право принимать столько «братьев» для ее первого мужа экспромтом, как она пожелает *ad lib*[\[31\]](#). Не просто установить происхождение столь странной формы брака. В любом случае, причиной не явилось малочисленность

женщин. Здесь треть всего мужского населения и часть женского проводят свои дни с обетом безбрачия в монашеской жизни. Во времена Юлия Цезаря полиандрия сохранялась в древней Британии.

Религия в Ладаке — ламаизм. Здесь мы видим печальные примеры перерождения, которые происходят с чистой и возвышенной верой, и она становится просто предметом поклонения без духовного развития и воспитания людей. Нравственное учение Будды преобразовано в смесь суеверий, диких верований и противоречий. В то же время мы знаем, что в средние века буддизм широко распространился среди горного населения северной Индии, произведя благотворное влияние на обычаи народа. Настолько сильное, что во многих районах была отменена смертная казнь и преступники, виновные в тяжких преступлениях, просто ссылались в труднодоступные горы. Основой религиозных верований ламаистов является мысль о необходимости искупления греха в этой жизни молитвами, которые помогут в последующей жизни избежать пыток и страданий. Религиозные обряды и танцы лам сопровождаются гротескными и ужасными масками, скажем прямо, тибетских, красноречивого вида монстров, отображающих лица другого мира. В молитвах ламы, очевидно, единственный способ избежать этих ужасов. Каждая тибетская семья посылает сына или дочь в монастырь, чтобы помолиться за свои грехи, в то же время оставляя ветру и воде работу непрерывно обращаться к небу с помощью флагов и молитвенных барабанов.

Есть две основные секты лам, красные и желтые. Первым разрешено вступать в брак и они занимаются сельским трудом, вторые же ничего не делают, живут в монастырях и молятся. Монахи и монахини не живут отдельно, наоборот, монахини выполняют различные поручения в мужских монастырях, носят воду, пекут хлеб, готовят еду для монахов.

Среди ладаков немало мусульман и индуистов. Так что здесь в Лехе мы не видим того своеобразия, которое так заметно в долине Нубры, сохранившей, благодаря своей изолированности, в большей чистоте древние традиции.

Городу Леху придает оригинальность живописный массивный каменный замок, расположенный высоко над городом и долиной. Надо иметь хорошее здоровье, чтобы подняться по узкой лестнице, высеченной в скале, к замку. В нем имеется сто темных мрачных пыльных каменных комнат. Только одна из них оборудована и используется наследственным правителем Ладака: сюда он наносит свой единственный годовой визит в первые новогодние дни. Он останавливается здесь на один месяц, а остальное время живет в более приятном месте на левом берегу Инда. Старый замок пробуждает мысли об управлении свыше, о таинственном прошлом, о легендах и происхождении этих странных людей и земли, затерянных в глубинах древности и так долго неизвестных цивилизованному миру.

Замечательным зрелищем стало поло, организованное представителем *махараджи* Кашмира. Раньше в поло играли на главной улице города, обсаженной тополями, запечатленными на всех известных изображениях Леха. Но теперь играли на специальной площади за городом, между стенами старого замка и полем скошенного ячменя. Отсюда к югу от реки Инд был виден внушительный горный гребень со снежными вершинами и ледниками; к северу поднимались большие скалы, увенчанные старым замком, а еще выше, были скалистые горы с темным и мрачным монастырем, преобразованным из еще более древнего замка. Во время матча я видел, как его освещали лучи заходящего солнца. В игре участвовали тибетцы, мусульмане, и индусы. Зрители толпились на стенах сада и везде, где они могли бы найти удобное место. Видны были тюрбаны и фески, шляпы лам

и шапки тибетцев. Местные приветствовали победителей. Можно ли придумать более живописную обстановку для этой древней азиатской игры, которая датируется от легендарных дней императора Афрасиаба? Представитель *махараджи* прислал для участия в поло нескольких слуг, один из которых прибыл на прирученном кианге (*Equus kiang*)^[32]. Это животное легко приручается, но не используется ни для езды верхом, ни в упряжи. По внешнему виду кианг похож больше на светлогнедого мула, чем на лошадь или осла. В Тургайской и Акмолинской киргизских степях до сих пор встречается тесно связанный с ним вид — джигетай (*Equus hemionus*). Я когда-то приручил одного, пойманного еще жеребенком и выкормленного киргизской кобылой. Он был забавным питомцем, но когда подрос, стал проявлять дурной нрав. Эти дикие ослы встречаются в Тибете большими стадами по сто голов и больше. За восемь дней пути из Леха до Лхасы по открытому пустынному плато можно встретить много киангов, но охота на них запрещена.

Дикий як — первоклассная добыча, и охота на него хорошо описана известным русским путешественником Н. М. Пржевальским: она требует большой выносливости и смелости и напоминает дуэль испанского матадора с разъяренным быком.

Ладак полностью заслуживает репутации первоклассной страны для любителей охоты.

Воздух долины Инда чистый и ясный. Солнце очень жаркое и на высоте можно сжечь лицо и руки, но в помещениях, куда не проникают солнечные лучи, температура остается низкой. Разница может быть большой — до 10—15 градусов.

В то же время воздух очень сухой, даже более, чем в долинах Кашгара. Атмосферных осадков мало, они едва превышают 10—15 сантиметров в год. Снег зимой не тает, а просто исчезает путем испарения, следствием чего является высокая снеговая

линия в горах — 6300—6600 метров. Из-за малого количества воды большая часть поверхности страны состоит из бесплодных скалистых гор, песчаных и гравийных равнин.

Хотя я и находился сейчас на индийской территории, но природа здесь была все еще центральноазиатской. Вокруг засушливые каменистые горы, тамариски, тополя, ивы, можжевельник и лох. Высоты Гималаев на юге лишили Ладак всей влаги муссонов, и долина Инда местами напоминает долину реки Чу в Семиречье.

Первое упоминание об этой таинственной горной стране известно по книге китайского паломника Фа Сяна, который в IV веке н.э. в поисках «источника Чистой Веры» посетил Ладак, хорошо защищенный природой от внешнего мира.

Но, несмотря на защищенность горами, особенно с севера, Ладак испытал не один раз в своей истории вторжения именно с этой стороны по той самой ужасной дороге через Каракорум, описанной мной. В 1531 году Султан Саид Даулат Бег — султан Кашгара, с армией численностью 14000 человек вторгся в Ладак. Часть его армии прорвалась в Кашмир, где он зимовал. В следующем году его армия двинулась на завоевание Восточного Тибета, но погибла почти вся, не выдержав тяжелого климата. Кажется невероятным, что такая многочисленная сила могла проделать свой путь по мрачной горной пустыне Каракорум, и, что Султан Саид мог создать для этого достаточно запасов.

За три дня я сформировал в Лехе новый караван из небольших тибетских пони с местными погонщиками. На четвертый день в полдень я попрощался с гостеприимной хозяйкой Моравской миссии, и снова вышел в путь. Мы прошли через городские ворота Леха, нелепо маленькие, как двери большого дома, и наш караван потянулся длинной цепочкой по равнине в сторону Инда.

Новый караван отличался от моего предыдущего. Пони были едва больше, чем ослы, и моя верховая лошадь казалось гигантом среди них. Все погонщики были бхути, серые, в своих странных шапках, с большим количеством колец в ушах и браслетами на запястьях. У некоторых за спиной висели горшочки в сетках и другие предметы, похожие на железные колчаны. Но это было не оружие, а устройство для приготовления чая. Вода кипятится с содой в горшке, кладется чай, затем его выливают в другой сосуд, добавляют щепотку соли, немного ячменной муки и масла, все это хорошо перемешивают особой деревянной ложкой. В результате получается густой, наподобие шоколада, и очень питательный напиток. Такой способ приготовления чая-бульона широко распространен по всей Монголии и Сибири, за Байкалом среди бурят, а также русских, только там не используется сода. Сода необходима в Тибете, где вода кипит при значительно меньшей температуре, чем 100 градусов. По этой причине, а также из-за изменений в смысле вкуса, чай в Тибете пьется не для удовольствия, как в Китае, а является продуктом питания.

Для меня было очень удивительным молчание бхути во время стоянок. Не было слышно ни криков, ни шума, ни даже лая собак. Можно пройти мимо и не заметить рядом большого каравана на бивуаке. Это сильно отличалось от первого каравана, в котором крики *керекешей* смешивались с ржанием лошадей, гневным фырканием верблюдов и отчаянным ревом ослов. По дороге из Леха в Сринагар вьючными животными используются только лошади и яки.

Верблюды могли быть здесь очень полезными, но одnogорбый верблюд равнин никогда не сталкивался с сильными холодами Ладака, а наш двугорбый верблюд, называемый бактрианским, прекрасно приспособлен для холодных и сухих зим в степи, но не может преодолевать ледники и морены.

Верблюд — красивое животное, особенно в своем зимнем наряде, когда толстая пушистая шерсть, словно большое одеяло, покрывает все его тело, и длинная волосатая бахрома свисает под горлом, защищая его пищевод от холода. Когда он спит, его шея, хорошо покрытая шерстью, вытягивается по земле, ноги в мешковатых шерстяных штанах, вьющийся шерстяной парик на голове — все это защищает нашего верблюда в суровые морозы Тургайской степи, когда температура падает ниже точки замерзания ртути. Все, что ему необходимо — расчищенное от снега спальное место, поскольку снег может растаять под теплом его тела, а затем замерзнуть на его животе коркой льда. Яка спасает его длинная шерсть, покрывающая живот, обеспечивающая ему надежную плотную постель.

Интересно, что в Ладаке почти у всех животных к зиме подрастает нежный подшерсток, который здесь называют *pushmin*, очень похоже на русское слово пушнина. Эта мягкая козья шерсть используется в Ладаке для изготовления пряжи для знаменитых кашмирских платков. У самих кашмирских коз из-за мягких и влажных зим такой подшерсток не растет и сырье для шалей импортируется не только из Ладака, но даже из Кашгара. У коз Южного Урала и Предуральских степей такой подшерсток имеется и это породило похожую отечественную промышленность среди казаков Оренбуржья, где изготавливают точно такой же вид *платков*. Лучшими считаются оренбургские *платки* со старинными кружевами белого или серого цвета. Эти *платки* размером 1,40 м х 1,40 м можно протащить через обручальное кольцо, такой тонкой была их вязка. Теперь эти платки в Оренбурге исчезли, также как и старые шали в Кашмире.

В наш первый день мы дошли только до деревни Спитук, расположенной на берегу Инда. Горы на правой стороне реки были сложены из мелкого серого песка очень похожего на снег. Песок лежал на склонах холмов и сползал в долину, как

сползают ледники в виде движущихся песчаных сбросов. Все дело в том, что на этой стороне реки горы слагают граниты и другие кристаллические породы, которые под влиянием мороза и солнца в засушливом климате превращаются в песок, минуя фракции валунов, гравия или гальки, характерные для стран с обильными атмосферными осадками. Горы на левом берегу состоят из песчаников и сланцев. Таким образом, река протекает вдоль пограничной линии между этими двумя геологическими образованиями.

Там, где дорога подходила к реке, возвышался величественный, одиноко стоящий холм, увенчанный древней крепостью. Этот живописный вид напомнил мне о берегах Рейна с его древними замками. Повернув направо, мы обогнули остатки террасы древних озерных отложений. Видимо красивое озеро было на этом месте! Затем мы проехали мимо больших *чортенов* и остановились в одиноко стоящем бунгало с обширным садом, как в старой заброшенной усадьбе. Сад состоял из высоких тополей и ив, карликового лоха, цвели крупные ирисы (*Iris kumaonensis*). Земля была густо покрыта опавшими осенними листьями. Чистая прозрачная вода текла по оросительным каналам, берега которых были покрыты свежей зеленой травой. Я ожидал, что в любой момент, из зарослей вылетит вальдшнеп или с шумом поднимется фазан... но это было лишь внешнее сходство с далеким севером. В саду только порхали несколько горихвосток да трещали сороки. Я долго бродил по окрестностям, знакомясь с верховьем великой реки Индостана и, честно говоря, чувствовал, будто я вновь вернулся в Семиречье, в какую-то из долин Тянь-Шаня.

Дорога из Сринагара в Лех была описана многими путешественниками и туристами. Она была в прекрасном состоянии, но, конечно, только для верховых лошадей. Хорошие удобные бунгало были построены в местах остановок, где за определенную сумму можно было получить корм для

лошади. За дорогой следят служащие Британского комиссариата в Ладаке.

Конечно, впечатление от этой дороги полностью зависит от направления, по которому движется путешественник. После комфортной езды на автомобиле по прекрасному шоссе от Сринагара, после роскошных бунгало Кашмира, великолепных и впечатляющих пейзажей субтропиков южных склонов Гималаев, путешественник увидит здесь только однообразие и бедность, ленту дороги через засушливые горы, мрачные ущелья с узкими тропинками по краю пропасти. Но для путешественника, которому суждено было проделать путь к роскошной долине Кашмира через высоты Крыши Мира, перенести лишения и опасности пути, страдания от горной болезни, путь от Леха в Сринагар производит совершенно другое впечатление, вызывая в нем высокий интерес, удовольствие и легкость.

Для меня лично, объехавшего весь Южный Урал, киргизские степи, Туркестан, Семиречье и Кашгарию, эта дорога представляла наибольший интерес. Перед моими глазами открылась огромная панорама, которую я видел во всех деталях, наблюдая меняющийся облик местности, растительности, природы, и людей другой половины Азии. Несмотря на все перенесенные опасности, которым я подвергался, я бы ни за что не променял эту мою поездку на любую современную «экспедицию» самолетом в любую точку мира.

Наша следующая остановка была в Ниму, в двадцати двух километрах от Спитука. Ниму — большая разбросанная деревня, вернее, оазис в горах. Дорога, следуя горными отрогами, спускается вниз навстречу к Инду, выходящему из мрачного скалистого ущелья. Минуя скалы зеленых и темно-красных порфиринов, с массой *чортенов* у их подножия, она втиснулась между каменными стенами и террасами полей. Маленькие оросительные каналы с кристально чистой водой стекали

со всех сторон. Карликовые черные овцы паслись на сочных луговых травах. Дома, построенные в характерном тибетском стиле, украшенные балконами, виднелись за абрикосовыми деревьями, покрытыми желтой и пурпурной листвой. Огромные можжевельники стояли как кипарисы. Было гораздо теплее, чем в Лехе, и даже росли яблони. День был ярким и солнечным. Мы въехали в обширный сад через весьма оригинальную арку, проходящую под огромным *чортеном*, и остановились на отдых в небольшом, но очень уютном бунгало.

Дальше дорога к Саспуле проходит среди многочисленных *чорتن*ов и каменных грив, иногда довольно длинных, высотой от 1,5 до 2,0 метров и шириной от 3,0 до 4,0 метров. Поверхность этих грив-*тапе* была покрыта каменными плитками с тибетскими мантрами, выгравированными на них. По концам грив, стояли *чортены*. После резкого поворота налево Инд входит в узкое ущелье и исчезает из поля зрения, в то время как дорога шла боковой долиной между сильно эродированных скал крутопадающих песчаников, меняющих свою окраску от серой до темно-красной. Высокие скалы, стоящие почти вертикально, создавали самые капризные и фантастические формы. Среди этих поразительно красочных пород находилась небольшая деревня с длинной, узкой улицей, высокими тополями и пестрыми абрикосовыми деревьями. Все цвета были яркими и веселыми, и вся картина просто просилась запечатлеть ее на холсте. Деревню окружал целый город *чортен*ов, больших и малых, всех видов и конструкций. На самых высоких скалах и вершинах виднелись руины древних башен и старых крепостей. Маленькие тибетские дома в несколько ярусов, один над другим, поднимались вверх среди камней и скал. Казалось, что эта деревня переместилась в наши дни из далекого прошлого. Трудно понять, почему тибетцы свои жилища устраивают как можно выше, принуждая себя подниматься по скалам, переносить ежедневно жизненные

неудобства, совершать тяжелую работу по доставке воды и дров по крутым скалистым тропам. Наверно, сама жизнь среди гор, скал и теснин породила в них эту страсть к высоте, также как у птиц стремление к полету, и за тысячи лет они, как и все живое на Земле, стали неотъемлемой частью окружающей природы.

После этой странной деревни, дорога, петляя зигзагами среди древних валунов и ледниковых отложений, поднялась на высокое, пустынное плато. Здесь я поравнялся с маленьким караваном индусского торговца, направляющегося с товарами в Скарду — столицу Балтистана. Он вез с собой шатер со складной мебелью и другими предметами комфорта. Владелец приветствовал меня очень вежливо и с удовольствием поделился информацией о стране, которую он, очевидно, очень хорошо знал. Когда я спешился и повел в поводу свою лошадь, он сделал то же самое, и пошел по дороге рядом со мной. Земля была абсолютно голой, лишь изредка яркими пятнами поднимались кусты каперсов (*Capparis spinosa*). В лощинах и между холмами было немного травы. Индус сказал мне, что в зимнее время сюда приходят стада козерогов, но они строго охраняются и туземцам запрещено стрелять в них.

С плато дорога постепенно спускается снова к Инду, долина которого здесь значительно расширяется, и всякое удобное место занято полями, садами или фермами. Почти всюду в этой стране почва сформирована искусственно упорным трудом населения, очищена от камней, по склонам холмов построены горизонтальные террасы, укрепленные массивными каменными стенами, проведены оросительные каналы, доставляющие воду из ручьев, иногда по крутым скалам или через тоннели сквозь каменные утесы.

Инд течет здесь в узком ущелье между вертикальными скалами. Горы на южной стороне стоят гигантской стеной, и ледники ползут вниз со снежных вершин, останавливаясь

высоко над долиной. Стоящие на головах сланцы за рекой были серого, темно-вишневого и красного цвета, образуя на вершинах зубчатые голые и безжизненные скалы.

После Саспуле мы пересекли по мосту горный поток, впадающий в Инд. Над мостом, на высокой горе виден полуразрушенный старинный замок. Здешние древние руины крепостей, огромные, сооруженные из камня, монастыри и дома резко отличают Ладак от Туркестана, где все здания, древние и современные, сделаны из глины или необожженного кирпича, которые быстро рассыпаются, и все, что там остается от древних сооружений это только куча земли. И только хорошо сохранившийся каменный Таш Рабат, который я видел вблизи китайской границы, в ущелье к северу от озера Чатыр-Коль, очень похож на древние остатки старых буддийских монастырей, расположенных в изолированных и бесплодных долинах, характерных для Ладака.

Мы спустились к ущелью Инда, пройдя через ворота, построенные под огромным *чортеном*, очень похожем на сторожевые башни какого-то средневекового европейского города. Здесь бушующий поток сжимается между высокими скалами, через которые на большой высоте протягивается длинный и узкий мост местной постройки и, конечно же, без каких-либо перил. Требуется крепкие нервы и хорошая уверенность в своей лошади, чтобы проехать по такому мосту или провести лошадь по нему, когда мост качается над кипящим потоком. К счастью, наша дорога не пересекала реку и нам не пришлось повторять трюка ниагарского *Блондина*. [\[33\]](#) Весь путь до деревни Нурла мы проехали по ущелью вдоль реки, то у самой воды, то поднимаясь высоко по скальным уступам.

Иногда ущелье расширялось, и вдоль ручьев, текущих с гор, простирались поля, сады, дома, деревья, а затем снова мрачные скалы окружали нас. В одном месте мы ехали вдоль подножья высокой горы по крутому склону, покрытому осыпями,

окрашенными сверху до низу серо-зелеными, темно-зелеными, темно-коричневыми, темно-красными цветами, которые смотрелись словно нанесенные гигантской кистью.

В основании горы залегали песчаники различных цветов, стоящие вертикально. Такая поразительная окраска возможна только в засушливых районах, где склоны гор не защищены каким-либо растительным покровом.

Бунгало в Нурле стояло на краю глубокой расщелины, в которой яростно кипели зеленовато-голубые воды Инда. Все вокруг было покрыто массой галечников, больших и малых валунов. В садах росли деревья абрикоса и грецкого ореха и мне принесли немного вкусных яблок. Растянувшись в кресле на веранде бунгало, я наслаждался отдыхом и думал, как хорошо было бы промчаться галопом по открытой и широкой равнине зеленой степи, и позволить самой лошади, вытянувшись стрелой, преодолевать пространство.

Вокруг все было иное! Горы, ледники, мрачные ущелья, пропасти, скалы, карнизы... Возможно только медленное с постоянным напряжением движение по головоломным горным тропам. Все это подавляло, утомляло, изнуряло и угнетало человека, жаждущего простора и свободы. Впереди был еще далекий путь. И опять по горам, и, Бог знает, какие неприятные сюрпризы ожидали меня.

Разница между очаровательной долиной Нубры и пустынной, суровой долиной Инда огромна. Там, текущий спокойно поток по дну долины, отгороженной от внешнего мира вертикальными стенами самых высоких гор, увенчанных снегом и льдом. Здесь — сплошные овраги, холмы с крутыми склонами, вершины, спрятанные за этими холмами. Река, то исчезает в узком ущелье, то падает с ревом в бездну. Там — все причудливое, живописное, красочное, как будто построенное в каком-то неизвестном, далеком прошлом, самобытном и бедном, но привлекательном, с удовлетворенными

и счастливыми лицами жителей. Здесь все удручающе серое, как будто нашествие чужеземцев разрушило своеобразную жизнь страны.

— Вы должны смотреть за лошадьми по ночам или закрывать их во дворе, — предупредил меня охранник бунгало. — Конокрады воруют лошадей и угоняют их в Балтистан.

— Тогда почему тебе не держать сторожевых собак? — спросил я его, помня, каких мощных и красивых собак я видел в Нубре.

— Собак нечем кормить, а зимой волки спускаются с гор и убивают их.

По характеру тибетцы здесь такие же, как и в Нубре. Они добродушны, честны и трудолюбивы. Лучшим свидетельством последнего являются маленькие кучки травы, собранные на дальней стороне реки. С большим трудом и риском для жизни среди скал и расщелин по травинке они собирают эти пучки, и потом ждут зимних морозов, чтобы перенести их через реку по льду в деревню. Только не слышно мелодичных песен, как в Нубре, и не видно танцующих бхуту.

Наша следующая остановка была в маленькой деревне Халатсе с приятными на вид домами, расположенными на крутом склоне, покрытом вековыми деревьями. Здесь уже были почтовое отделение и телеграфная станция. Небольшое бунгало стояло высоко на склоне горы с полями и домами тибетцев. В тени огромных орешин проходящие караваны складывали товары и размещали на отдых лошадей и яков. На другой стороне Инда горный хребет поднимается массивной стеной. Справа от почты выделялась красивая, построенная в тибетском стиле вилла Миссии.[\[34\]](#) Преподобный Берроуз и его жена любезно пригласили меня пообедать с ними, и я провел три очень приятных часа в их очаровательной компании. Они жили здесь так долго и знали страну Балтистан так хорошо, что я многое познал в интересном

разговоре. Господин Берроуз не только лечит души туземцев, просвещая их христианскими проповедями, но и лечит их тела, восстанавливая слепым зрение искусным лечением катаракты.

Тибетцы гораздо более гуманны, чем народы Кашгара, и лечат своих больных намного лучше. Многие *хаджи* заболевают в пути, в основном дизентерией, и их товарищи просто оставляют умирать на дороге. Незадолго до моего приезда индус подобрал мусульманку, от которой отказались паломники, и привез ее в Лех.

Гостеприимные миссионеры дали мне свежих овощей из своего сада и экземпляры индийской газеты *The Pioneer*, которую я читал и ценил в далеком Кашгаре.

Деревня Халатсе, несмотря на почту и телеграф, была дырой, оторванной от цивилизации. И я ощущал чувство большого уважения к этим людям, их постоянному и преданному отношению к работе, которой они посвятили свои жизни, выполняя свой христианский долг ради людей в таком диком и пустынном уголке земли, вдали от мира, к которому они принадлежали.

Погода стояла великолепная. Когда мы выехали из села, небо было безоблачным, и приятно дышалось свежим утренним воздухом. Мимо *чортенов* мы спустились в долину Инда. Здесь дорога разделилась. Идущая прямо ведет по правому берегу к Скарду, другая пересекает Инд и уводит в Кашмир.

В этом месте река, зажата скалами, сужается, но все еще достаточно широка. Через нее переброшен красивый мост, подход к которому защищен крепостью, точной копией средневековых европейских замков *tete-de-pont*^[35] с башнями, бойницами, зубчатыми стенами и огромными воротами. Путешественник въезжает через узкий кривой проход на прогнувшийся в середине мост, качающийся как колыбель. На другой стороне мост примыкает прямо к скале, и дорога, резко повернув, поднимается на террасу. При близком

рассмотрении крепость оказывается очень примитивным строением, непрочно слепленным из глины, и имеет более декоративный, чем оборонительный характер. Но вид на реку Инд, мост, скалы, и замок великолепен и достойно отображает имя этой великой реки. Затем тропа снова поднимается в очень узкие, глубокие и мрачные ущелья и следует за рекой по узким уступам над ревущим потоком, мчащимся внизу среди огромных конгломератовых скал.

ГЛАВА XII. От Ламаюру к Драсу

Мы покидаем долину Инда. Тропа резко поворачивает на юг и поднимается вверх в глубокое и мрачное ущелье реки Юони, следуя по узким уступам над ревущим потоком, мчащимся внизу среди огромных конгломератовых скал. Ущелье настолько узкое, что местами представляет собой не более, чем щель между двумя скалами, прорезанную рекой, которая падает вниз в Инд от перевала Фоту-ла, мимо известного монастыря Ламаюру. Иногда узкий выступ, по которому тропа, цепляясь за скалы, поднимается вверх, настолько сбит проходящими лошадьми, что проезд по нему становится просто невозможным. Мне приходилось несколько раз спешиваться, и проводить свою лошадь в поводу. Подъем из долины Инда к Ламаюру является одним из худших на всем пути, хотя и не лишенным красоты.

В одном месте дорога через мост с перилами пересекает ручей, который едва виден далеко внизу в глубоком ущелье. Вид такого странного сооружения как перила, был слишком непривычным для моей лошади, и она отказалась идти на мост, пока я не спешился и пошел впереди. Странной казалась и небольшая каменная хижина с миниатюрным садом, одиноко

стоящая в этой пустынной горной расщелине, где вокруг не было ничего, кроме голых скал. Дальше на скалах не остается и выступов, тяжелая и опасная тропа идет по искусственным каменным кладкам, наполовину обрушенными и заваленными упавшими сверху обломками скал. Мрачное ущелье состоит из конгломератов, гранитов, сиенитов, гнейсов и темно-зеленых сланцев, прочных, переходящих в яшмы. Неожиданно ущелье сузилось еще больше и превратилось просто в трещину между гигантскими скалами. Впереди не было ничего видно, и воздух наполнился ревом невидимого водопада. Тропа круто повернула направо и пошла зигзагами по стенам обрыва. Трудно было удерживать равновесие лошади и еще труднее подниматься на большую высоту пешком. Зигзаги были крутые и короткие, и караван ниже меня выглядел идущим вертикально вверх. Оступившуюся лошадь уже ничто не могло спасти и все нижние вместе с ней тоже рухнут в бездну. Бедные животные задыхались на крутом подъеме и мы должны были останавливаться каждые несколько минут, чтобы позволить им отдышаться. Достигнув вершины, мы должны были ехать по узким, извилистым карнизам, иногда в гору, иногда вниз по головокружительным обрывам. Потом мы спустились к самому потоку и какое-то время ехали по его руслу, здесь мирно журчащему среди камней.

Затем еще раз спуск, и снова подъем высоко по крутым зигзагам на этот раз по левой стороне ущелья, и снова путь по опасной узкой тропе по краю пропасти, из которой рев водного каскада достигал наших ушей. Пройдя мимо одиночного каменного столба, торчащего как указательный палец, мы после двух трудных подъемов достигли обширного, волнистого плато, окруженного горами. Холмы слагали сильно эродированные озерные отложения. Справа высоко на скалах и размытых лёссовых обрывах стояла группа старых и новых монастырских строений. Толща лёссовых отложений пронизана

пещерами с кельями отшельников. Это знаменитый монастырь Ламаюру. Бунгало для путешественников стоит на небольшом возвышении, с верандой открытой на юг, в сторону крутой скалистой горы, у подножия которой протекал поток, ограниченный рядами ив. Мы прошли за четыре часа всего 17 километров от Калатса по трудному и утомительному пути от Инда до плато Ламаюру. Караван прибыл через час после меня.

Сверху от ламаистского монастыря раздался трубный призыв к молитве, смешиваясь с мелодичным пением клушиц на скалистых склонах. После обеда я пошел в монастырь. Среди массы зданий, расположенных на уступах и вершинах скал, выделялось и доминировало одно новое, белое, с балконами, нависающими над пропастью. У подножья горы находилось множество *чортенов* и родников с великолепной кристально чистой водой, стекающей с холмов вниз. Женщины, и среди них несколько монахинь, с большими тяжелыми железными бачками на спинах, толпились вокруг источников. Они набирали воду и поднимались с ней по крутой тропе вверх по скалам. Наверное, было бы гораздо удобнее, проще и практичней и в тоже время гуманней использовать для такой работы ослов, как это делают в Кашгаре, но, очевидно, обязанность водоснабжения монастырей является заслугой и привилегией прекрасного пола, в то время как более сильная сторона занята чтением молитв и исполнением священных ритуалов. И никому не приходит в голову, при чтении священных книг и обязательных молитв, как сделать более удобной и эффективной доставку воды.

Поднимаясь выше, я увидел, что весь холм покрыт лабиринтом зданий, каменных строений для животных, дворами, кривыми маленькими улочками, а затем вошел в темный длинный закрытый сверху проход, вырубленный в самой скале и ведущий лестница за лестницей вверх. Было

какое-то странное почти болезненное ощущение в этом тусклом, таинственном проходе, хранящем в себе атмосферу глубокой древности, как будто внутри горы я ощущал дыхание прошлых тысячелетий. Я обогнал молодую монахиню, согнутую под тяжестью железного цилиндра полного воды: бедняжка поднималась, тяжело дыша под его весом. Да, здесь нелегкая жизнь, тяжело дается приобретение заслуг на службе у монахов и лам!

Коридор вывел на открытое пространство, открывая внушительную, прекрасную панораму. Далеко внизу была видна река и от ее берегов доносились странные скорбные крики чибисов. Выше были слышны музыкальные звуки молитв ламы. Тоннель-коридор, вырезанный в сланцевой скале, круто поднимался вверх. Небольшие окна были прорезаны во внешней стене скалы, прерывисто и тускло освещая неровные и скользкие ступени. Все было грубо, просто и таинственно. После яркого солнца и глубокого синего неба, обычный человек не может не быть впечатлен этими мрачными недрами в высокой массивной скале.

Я стоял в нерешительности. Из темноты появилась фигура ламы с добродушным лицом и рыжеватыми волосами. Вежливым жестом он пригласил меня следовать за ним вверх. После резкого поворота тоннеля вышли на верх скалы к трехэтажному зданию монастыря. К зданию вела высокая стена, должно быть, построенная с чисто декоративными целями, потому что за ней не было ничего, кроме голубого неба, видимого через проемы окон. В главном здании были кельи монахов, библиотека, служебные помещения и так далее. В большом зале стояли статуи, а на столе в передней — курильницы, свечи и другая ритуальная атрибутика, среди которой были фаллосы, слепленные из теста в индийском стиле. Были фрески святых с ореолами над головами, как на наших христианских картинах и иконах, и какие-то странные фигуры,

похожие на крылатых львов. Своим духом место завораживает вас. С балкона, который, кажется, парит в воздухе, открывается воодушевляющая и вдохновляющая панорама, приводящая вас в восторг. Вокруг... ничего, только голубое небо... весь мир невидим и лежит далеко внизу. Это странное ощущение быть лицом к лицу с небесами, видеть синее пространство вокруг и ничего более. Только здесь у вас проявляется проблеск того, чтобы понять извечное стремление лам в высоту, и исходящие отсюда с этого высокого пространства призывные молитвы на землю и ее грешный мир. Чувства религиозного восторга особенно сильны ранним утром до восхода солнца, когда только в вышине зарождается солнечный свет, а внизу все еще дремлет в глубокой тени гор.

Все, кто видел литургию лам, их облачения, статуи, кадила, свечи, поражаются внешним сходством их ритуала с римскими католиками. Конечно, это не подражания или заимствования. Первые миссионеры, достигшие Востока и увидевшие буддийский ритуал, объясняли это сходство дьявольскими кознями, который в противостоянии добру и совершая зло человечеству, первым добрался к народам Востока и научил их ложной религии и извращенному ритуалу. К такому выводу пришел священник иезуит Ипполито Десидери[36], который был в Тибете еще в начале восемнадцатого века.

Обходя монастырь, в одной комнате я увидел, как монахини готовят обед для братии монастыря. Очевидно, правила монастыря здесь не слишком строги, и не настаивают на строгом разделении полов. Возможно лишь отшельники, которые живут в одиночестве на вершинах или в пещерах являются полностью аскетами.

Внизу на родниках дети собирали веточки с красными ягодами шиповника вместо букетов. Тибетцы очень любят цветы, и когда их нет, они украшают свои головы плодами

физалиса, шиповника или лоха. Любимые их цветы — календулы.

Вороны (*Corvus tibetanus*) очень многочисленны среди монастырских зданий и довольно смелы. На берегу потока целый ряд водяных мельниц с первобытными по виду колесами. Помещения внутри низкие и там можно разместиться только сидя, круглый вход внутрь тщательно закрывается большим камнем.

Ламаюру находится на высоте 3400 метров над уровнем моря, на такой же высоте как и Лех, но растительность здесь беднее, окружающие горы совершенно голые и бесплодные. Скот держат на дальних пастбищах. Только в отдельных уголках на скудной траве пасутся несколько коз местных жителей.

На следующий день было замечательное яркое ясное утро, когда мы оставили Ламаюру, прошли длинные ряды *чортенов* и поля и начали свой путь вверх по долине. По сторонам поднимались конгломераты, эродированные под действием воды в конусы и колонны, формы выветривания очень распространенные в засушливых регионах. Земля была усеяна кусками сланца и жильного кварца, что наводило на мысль о золоте. И внизу этого потока зимой местные жители моют драгоценный металл.

Тропа повернула по боковому притоку в сторону перевала Фоту-ла высотой в 4770 метров. Подъем был крутой, но не каменистый. У подножия перевала, слева от дороги, была видна жила кварца, снова наводящая на мысль о золоте. Здесь среди мочезин было больше растительности — зеленые поляны дерна, какие-то низкие ползучие кустарники, кусты дикой лаванды — перовскии. Склоны тоже были покрыты небольшими пятнами трав. Вид был довольно приятным и подъем на перевал казался прогулкой на обычную гору и только бесконечная цепь безжизненных стерильных, зубчатых пиков свидетельствовала о том, что мы поднялись на еще один

большой водораздел. Справа от перевала большой массив вертикально стоящих сланцев по виду походил на огромную кучу досок.

Спуск с перевала был проще, чем подъем. Тропа постепенно шла вниз и через несколько миль мы пришли к стенам *тапе*, *чортенам* и какой-то каменной хижине, рядом с которой валялись обломки кварцевой жилы. Потом мы вошли в боковую долину. Слева виднелось живописное скальное ущелье, с вершинами покрытыми снегом. Справа, за поворотом где, казалось, должны были быть крутые скалы, долина вдруг расширилась, образуя обширный амфитеатр, с рекой, хижинами, полями, рядами *чортенов* и красивым деревянным мостом через реку. Через два — три километра мы подошли к небольшому бунгалу, стоящему в устье бокового оврага, из которого вытекал канал для орошения полей в деревне Карбу. К западу от бунгалу, как огромная стена, поднималась большая известняковая скала, уже в три часа после полудня закрывающая солнце. Ряды ив поднимались по берегам канала, а у подножия холма — неизбежные свидетельства тибетской преданности — ряды *чортенов* и грив *тапе*. А вокруг высокие горы, покрытые снегом. Задолго до наступления вечера похолодало, хотя и не было никакого ветра. Возможно, поток холодного воздуха, спустился вниз по ущелью с какого-то скрытого ледника.

Напротив бунгалу была мечеть. В этом районе много мусульман, мирно живущих среди тибетцев бок о бок с ламаистами. Это была первая мечеть, которую я видел после Ак Маджида, или, точнее после Кок Яра. Чем дальше мы отходили от Леха, тем больше дома, строения, жители и их одежда отличались от чисто тибетского типа, который, может быть, лучше всего сохранился в очаровательной долине Нубры.

Утром, когда мы вышли из Карбу, вода в канале была замерзшей. Путь шел по широкой аллювиальной террасе, покрытый полями и деревнями. Мы прошли руины разрушенной землетрясением деревни, упомянутые Белью при работе в экспедиции Форсайта. В окрестностях Карбу землетрясения не редкость, также как и во всем Ладаке. В ночь моего приезда в Лех были замечены толчки. Жители Туркестана привычны к этому явлению, которое редко встречается в других странах, и перестают на него обращать внимание.

Еще дальше было много земель, пригодных для земледелия и орошения, много зелени на холмах, широкие долины, хорошо заселенные и с более зажиточными людьми. Справа от потока высилась одинокая скала с живописными руинами большой старой крепости на ней и небольшой деревни, гнездившейся у ее подножья.

Долина реки осталась позади и начался подъем. Перевал был подобен пройденному накануне, но еще более покрытый травой, теперь засохшей. По дороге мы встретили двух миссионеров, мужа с женой, а затем, почти на вершине перевала, нам навстречу шла девушка с золотыми волосами и с палкой в руке. Мы остановились.

— Вы швед? — спросила она меня.

— Нет, — ответил я. — Я русский беженец, и иду из Западного Китая в Индию, а затем дальше в Европу.

Мы говорили в течение нескольких минут. Мисс К. была из Моравской миссии в Лехе, и занималась уходом за туземцами, заботилась о больных и служила делу распространения христианства среди людей в этой горной стране.

При расставании она крепко стиснула мою руку и сказала:

— Храни Вас Бог!

Эта удивительная мимолетная встреча и такое искреннее спонтанное благословение произвели на меня глубокое

впечатление. Такая молодая и красивая девушка покинула свой дом, семью, друзей, мир культуры, удовольствий и развлечений, цивилизованную жизнь, в конце концов, и уехала в неизвестную далекую неприветливую и холодную страну, где человеку трудно дышать, на самый край ойкумены, чтобы провести там одинокую нелегкую жизнь христианского подвижника. От всего моего сердца я пожелал ей всяческого счастья и удачи в работе.

Сегодняшний перевал был таким же, как и в прошлые дни. Были те же сланцевые скалы, с неровными гребенчатыми макушками. Спуск по травянистому склону привел нас к долине крупной реки Вахат Дарьи или Вакха. На другой стороне, вплоть до самой вершины, один за другим поднимались скалистые гребни. Слева от нашего пути, где в Вакх впадает приток, возвышалась огромная скала, имеющая сходство с человеческой головой. У ее подножья теснились тибетские дома. Склоны гор были покрыты сетью оросительных каналов, террасированными полями и рядами ив. Ниже по долине мы проехали деревню Малбек. И в конце долины, там, где она перекрывается скалами, тропа, следуя по северному склону, проходит мимо изолированной скалы, частью врезааясь в нее. На скале развеваются молитвенные флаги, у ее подножья тибетские дома и среди них в небольшом саду красивое здание с большими окнами и закрытой дверью. Проезжая, я увидел статую Будды, наполовину скрытую в этом доме. Дальше дорога подходит к другой скале с высоким белым монастырем и развалинами крепости на ее вершине. Непостижимо, как люди живущие там, забираются вверх по этой скале.

У подножья расположились *караван-сарай*, огромный *чортен* и современная мечеть, такая же, как в Карбу. Тропа идет здесь по уступам и выкладкам высоко над дном долины, а затем спускается к маленькому бунгалу, стоящему в тени ив. Внизу течет река, а за ней видны каменные ограды и террасы полей и дальше — отвесные стены конгломерата, образующего ярусы,

чередующиеся с осыпями, и высоко над ними крутые скалы известняка с капризными зубчатыми контурами в виде башен, колонн и каких-то руин.

Тибетцы не выгуливают лошадей после утомительного дня пути, как наши люди в Туркестане, и человек, которому я передал уздечку моего коня, чтобы водить его по кругу, просто сел на камни и болтал ногами. Поскольку никто здесь не понимал наш тюркский центральноазиатский *лингва-франка*, то я не мог объяснить ему, чего я от него добиваюсь.

После обеда я пошел взглянуть на статую Будды. Дом, построенный у статуи, охватывает ее до пояса. Во время вторжения из Ладака кашгарцев Султан Саид-бек Даулата, тибетцы прикрыли всю статую строениями. Они боялись, что предводитель мусульман прикажет уничтожить, как идола, вырезанную в камне статую Будды, или они изуродуют святыню. Примером в истории может быть отбитый выстрелом нос Сфинкса французскими революционными солдатами.

Здесь Будда изображен во весь рост. У него четыре руки, две из них держат змею. На шее ожерелье. Дом побелен, карнизы и окна окрашены в красный цвет. В одном углу плоской крыши стояла большая грубой работы белая ваза с сухим букетом. На вершине скалы на двух высоких шестах колыхались два белых шелковых флага с голубой окантовкой — вклад в статую какой-то особы.

Вся долина отсюда видна прекрасно, деревня и скала в форме головы, которую я заметил у дороги. Небо было ясным и безоблачным, темно-синим. На его фоне живописно выделялись недоступные скалы с ламаистским монастырем над обрывом, а выше над ним кружил ястреб-бородач. Вряд ли обитатели этого труднодоступного убежища живут в таком же тесном контакте с миром и монахинями как в Ламаюру.

На следующий день у нас был этап в тридцать восемь километров. Ничего особенного для хорошей лошади

на равнинах, но для груженого тибетского пони по горной тропе весьма существенное расстояние. Тибетские лошади, несмотря на их небольшой рост, легко переносят грузы, даже если они имеют тяжелые переходы каждый день. Тибетцы относятся к ним очень хорошо, не бьют, не кричат, не проклинаят их, и, возможно, именно такое хорошее отношение имеет свою награду в хорошем настроении и поведении животных. Как арабы, которые считают свою лошадь в качестве члена семьи, и потому имеют спокойных, надежных дружелюбных существ. Нетерпеливость, вспыльчивость сартов Туркестана, несомненно, отражается на характере его карабаиров и аргамаков. Тибетские лошади работают до глубокой старости. В караване миссионера, который мы встретили на дороге, кобыле было тридцать два года и она несла полный вес. Выглядела она хорошо, была здоровой, ноги были целы, но зубы изношены и для нее специально каждый день жарили ячмень...

24 октября. Два месяца, как я оставил Кашгар, и теперь был недалеко от цели моего долгого пути в Шринагар к порогу европейской цивилизации. В этот день у нас был лагерь в Каргиле — большой деревне, центре административного района, где мы должны были покинуть территорию буддийской веры и культуры и войти в страну Ислама. Прощайте, *чортены*, *тапе*, ламаистские монастыри, тибетские дома, своеобразная одежда! Но лица и физический тип людей остался без изменений, мы по-прежнему встречали тот же честный и добродушный народ.

«Вон там, за перевалом Зоджи-ла, вы должны принять меры и не отрывать глаз от ваших вещей. Там ужасные воры. Они очень отличаются от простодушных, честных здешних людей», — предупреждали меня.

На следующий день мы ехали тропой по высоким карнизам. Тропа была узкой, камни сыпучими и местами разрушенными напрочь. Овраг, образованный в скалах темного змеевика,

превратился в живописный водопад, падающий вниз серией пляшущих каскадов. Потом были скалистые прочные уступы и узкие искусственные опоры. Проезжали через какие-то деревни и снова опасные узкие карнизы над отвесной пропастью высоко над рекой. Большие расщелины пересекали мостиками, проезжая по которым мое сердце уходило в пятки. Мы проехали через деревню Дарджет, а затем по ущелью между двумя разными видами скал: с одной стороны были сланцы, с другой — конгломераты. Для объезда теснин тропа поднималась зигзагами вверх по крутому склону на очень значительную высоту, а затем снова спускалась вниз к реке. После езды по узким карнизам над головокружительными обрывами было приятно и спокойно ехать по равнине среди зарослей тамариска. А потом долго среди голых скал, и снова среди какой-то растительности, и опять по пустынной местности.

Мы остановились на обед в деревне Пашкум. Дальше долина расширяется и покрыта полями, садами, деревнями. Зеленый вид долины поразительно контрастен с окружающими ее серыми стерильными горными массами. Эта плодородная долина переходит в непроходимое ущелье с конгломератовыми скалами и глыбами. Минуя этот мрачный лабиринт скал и ущелий, тропа начинает подниматься все выше и выше по крутому склону горы, возвышающейся над деревней с юга. Когда вы достигаете вершины, то, естественно, ожидаете за ней увидеть спуск. К моему удивлению, перед нами открылись обширные травянистые равнины. Я еще сильнее удивился, увидев оросительный канал, пересекающий дорогу по врезанному в конгломераты желобу. Откуда в этот канал могла поступать вода, если равнина находится на такой большей высоте и все потоки и реки остались намного ниже? Мы ехали целый час по этому плато, и чувствовал себя, как будто я снова в моей любимой степи и первый раз за всю эту

изнурительную поездку я предавался удовольствию ехать рысью. Думаю, что и моей лошади было также приятно, как и мне.

Открылся вид на глубокую и узкую долину реки Суру, с городом Каргил. Дорога круто спускалась вниз, следуя вдоль искусственной стены к длинному подвесному мосту, соединяющему две части города. Перед мостом на горном склоне среди садов стоит здание причудливой архитектуры, похожее на павильон какой-нибудь выставки, с арками и витринными окнами. Это была резиденция представителя *махараджа*.

Подвесной мост качался зловеще из стороны в сторону, и проходящие по нему становились как пьяные. Перед мостом река была подпружена естественной преградой и протекала здесь медленно и тихо, но ниже она бушевала и вскипала среди камней. Дальше по левому берегу мы снова ехали вдоль довольно высокой искусственной стены и в самом конце пути с трудом взбирались вверх по разбитой почти вертикальной тропе.

Очень узкая долина реки Суру, скорее V-образная расщелина, поворачивает влево и дорога поднимается все выше и выше среди различных зданий города, мимо почты и телеграфа, пока мы не достигли открытого места, где росли две старые скрюченные яблони и стояло бунгало.

После осмотра города Каргила я увидел, что он полностью со всеми садами и домами располагается на старой ледниковой морене, широкой, но зажатой скалами. Невероятным трудом и удивительным мастерством, морена была обработана и преобразована в ровные участки — террасы с полями иногда размером с бильярдный стол. Поля ограничены каменными стенами, выложенными без глины или раствора, но стоящими прочно. Низкие дома построены не из камня, а из глины с примесью гальки; стены корявые, в них нет той аккуратности,

законченности и чистоты, которые мы видели в домах Ладака. Местные жители — мусульмане, они говорят по-тибетски и хинди, но не понимают наших среднеазиатских тюрков. Они носят индийские платья, а на голове тюрбаны.

Мужчины в Каргиле занимаются экспортной торговлей, вся остальная работа ложится на женщин. Мы видели женщин, нагруженных пучками дров или хвороста. Размеры пучков были гораздо больше носильщиц, которые скрывались под ними и, казалось, пучки сами двигаются по склонам холмов.

Ночь была теплая. Летом, говорят, здесь жарко, как и в Индии, но зимой очень холодно и много снега. Утром я поднялся до восхода. Небо было безоблачным, воздух свежий, чистый и прозрачный. Солнце поднялось точно напротив веранды, его огромный огненный и пылающий шар сильно отличался от солнца Тибета.

Горы вокруг дикие голые и необитаемые. Деревни все размещены на таких же искусственных террасах, как в Каргиле. У нас в Семиречье такие территории не осваиваются за ненадобностью.

Тем не менее, район Каргила считается относительно богатым. Выше, в Ладак, Тибет и Балтистан, экспедиции с целями исследований или охоты, из-за нехватки продовольствия для снабжения многочисленных гостей, допускаются только в ограниченном числе. Количество вьючных лошадей на караван, к примеру, ограничивается сорока головами. Но охотники из Индии, часто приезжают в Каргил, и отсюда поднимаются в Ладак и Балтистан поохотиться на мархура (*Capra falconeri*)^[37] — желанный охотничий трофей, которые, замечу, далеко не редкость у нас в Верхней Бухаре, в холмах на берегу реки Пенджаб.

Несмотря на великолепную теплую погоду, местные жители советовали нам поторопиться, так как Зоджи-ла, перевал в долину Кашмира, может быть неожиданно закрыт для

движения. «Когда у нас облачно, — говорили они, — там на перевале обязательно идет снег и будет невозможно пройти перевал».

Из бунгало я мог видеть устье реки Вакка, впадающую в Суру на другой стороне. Вниз по реке все ледниковые отложения были заняты полями и деревнями, дома поднимались по склонам холмов, чтобы не занимать землю доступную для сельскохозяйственных культур. Напротив устья Вакка, на ближней стороне реки возвышалась крепость, ниже которой берега связывал живописный мост местной постройки. Говоря по справедливости, он более устойчив, чем подвесной мост британской постройки и гораздо более удобен для перехода. На той стороне виднелись кривые переулки базара и теснились дома местных жителей.

Деревня вплотную прижималась к горам и к берегу реки и за ней было невозможно увидеть продолжение нашей дороги. Так или иначе, петляя по узким переулкам, мы за базаром пересекли ручей по мостику, вышли на террасу и поехали вниз по долине. В нескольких километрах дальше мы повернули налево в долину реки Даджибал, которая впадает в Суру. Европейский подвесной мост через реку висел на крепких каменных арках, но безжалостно покачивался из стороны в сторону, когда по нему шли. На дальней стороне, в мощной галечной морене были видны устья штолен, похожих на норы. Очевидно, здесь добывали золото.

Дорога к Балтистану проходит по этому мосту, но наш путь идет несколько километров вверх по течению, а затем покидает реку и поднимается по аллювиальной террасе среди огромных валунов. Здесь я впервые увидел дикую тую (*Biota Orientalis*), очень украшающую местность, и многочисленные кусты особого рода смородины (*Ribes leptostachium, Dne*). Мне, уставшему от однообразной растительности в течение

последних недель, было приятно видеть эти два незнакомых представителя флоры.

По дороге нам встретилась группа индийцев. Они шли пешком, по-видимому, сопровождая какую-то местную важную особу. Вся фигура наездницы была полностью покрыта белой вуалью или покрывалом, на фоне которого сильно выделялись ее яркие оранжевые штаны и красные тапочки.

Дорога была очень каменистая, усыпанная валунами, и езда была возможна только шагом. Мы продолжали подниматься выше и выше над рекой мимо нескольких каменных хижин. Здесь мы встретили индуса в мундире кашмирского офицера, ехавшего верхом на первоклассной лошади, восседающего на высоком седле в старомодном английском стиле.

В конце подъема открылся вид на огромное глубокое ущелье и узкую тропу, зигзагами поднимающуюся по центру высокой мрачной скалы на левой стороне ущелья. От этого вида у меня перехватило дыхание: глубокая пропасть, узкая тропа и длинный подъем снизу. Сторона ущелья, где проходила тропа, находилась в тени и выглядела суровой и крутой. А пропасть казалась бездонной ямой, куда, казалось, исчезала река. К счастью, это оказалось оптической иллюзией. Когда мы вступили на эту тропу, она была намного шире, склон не такой уж крутой и оживлен растительностью. Здесь росли кусты шиповника и тамариска, а на самом верху уступа виднелась небольшая красивая рощица туй. Таких деревьев теперь становилось все больше и больше. Преодолев гору, петляя снова вниз по ущелью, мы начали круто спускаться к реке. Слева были террасированные поля, орошаемые водой из ручья, стекающего откуда-то сверху.

Я ехал без остановки шесть часов, передвигаясь все время по каменистой дороге. К строительству этой дороги вряд ли прилагали свое умение инженеры. Она, возможно, была сделана киргизами. Чтобы пересечь утес, загородивший проход, тропа

поднималась на самую его вершину, когда можно было бы без труда обойти его вокруг или прорубить проход в скалах. Ущелье здесь было широкое и, судя по отметинам на скалах, даже в большую воду дорога могла здесь хорошо разместиться. И совсем было не обязательно тащиться усталым лошадям и путешественникам через вершину.

Из-за мощных осыпей и ледниковых отложений, трудно было определить состав коренных горных пород. В Каргиле я видел контакт диоритов со сланцами и на пути наблюдал выходы сланцев, гнейсов и гранитов. Ледниковые отложения были золотоносными и местами в них виднелись в виде нор устья штолен. Золотоискатели в поисках руды нередко рискуют своей жизнью, оставаясь погребенными внутри горы в результате обрушения породы. Я попробовал промыть песок в реке и обнаружил знаки золота. Никаких признаков жильного кварца видно не было, вероятно, золото связано с гранитами.

Население, которое мы встречали на дороге, обитало в каменных хижинах. Они были одеты в серые лохмотья, лица у них были словно закопченные, темного цвета, особенно у женщин. Выходцы из Каргила одеваются в серые плотные шерстяные плащи, иногда с бахромой внизу, которые они живописно, как тогой, оборачивают вокруг себя. Встречались группы местных жителей, направлявшиеся в Кашмир в поисках работы или торговли. Балти из Скарду несли на себе масло в кожаных мешках и другие продукты на продажу. Когда они останавливались на отдых, то развешивали свою тяжелую поклажу на специальные палки с Т-образной опорой сверху. Они мусульмане-шииты, носят длинные волосы, и в их облике нет ни монгольских, ни тюркских признаков. Я видел многих с заболеванием зоба. Эта беда очень распространена среди жителей Балтистана, в то время как в Нубре, Ладаке, Кашмире и Гилгите встречается редко.

Мне было тоскливо, я был усталый и голоден. Неожиданным приятным сюрпризом стало бунгало с *караван-сарая* на берегу реки.

Балти остановились в том же *караван-сарая*. На их фоне кашмирцы выглядели разодетыми франтами в длинных куртках и тюрбанах. Они идут пешком наравне с караваном вьючных лошадей, выдерживая очень энергичный темп. Один из них прошел весь путь от Леха в Скарду, не отставая от моей лошади.

Мы были все еще на значительной высоте. Когда на следующее утро в восемь часов вышли на дорогу, все лужи были во льду и мои пальцы мерзли. Наш путь проходил все время по ровной дороге до деревни Драс. Хотя мы постоянно поднимались вверх, но уже не было утомительных троп по уступам над обрывами и скалами, щекочущими нервы. Все указывало на окончание неприятных спусков и подъемов. На пути было много искусственно орошаемых полей, плантаций, растительности и маленьких хижин. Мы проехали через две деревни — Ташгам и Данфантам. Рядом с последней был замерзший водный поток. Потом пересекли еще одну высокую гору с небольшим ледником наверху, вода из которого использовалась для орошения. Было похоже, что мы опять входим в альпийскую зону. К концу дня наша дорога проходила широкой открытой равниной, поросшей травой. Горы отступили вдаль и ландшафт напоминал степной. Под копытами лошадей из травы поднималась пыль, точно также, как в наших туркестанских степях. С небольшой возвышенности открывался восхитительный вид на ровную долину Драса, окруженную высокими горами. Недалеко от реки среди садов была видна деревня префектуры Драс с домами европейского типа, резко выделяющимися на общем серо-желтом фоне.

Достигнув подножья крутого склона, мы подъехали к *караван-сарая*. Рядом у ручья возвышалось здание весьма оригинальной архитектуры, стоящее отдельно от других домов.

Здание завершалось высокой конической крышей с несколькими дымовыми трубами, оформленными под вид башенок и покрытыми сверху железными зонтиками. Дом выглядел красивым и привлекательным. Это было бунгало. В нем было несколько удобных спален, большой зал с высоким камином в старом английском стиле, на нем можно было бы легко сварить в котле хороший бульон или изжарить целиком барана. Здесь все было сделано под старый средневековый европейский замок, перенесенный по волшебству в эту долину среди Гималаев. Сходство было усилено толстым слоем пыли на полу и старой мебелью, воем ветра в дымовых трубах, неизбежным сквозняком и многочисленными крысами, смелыми и наглыми. Когда я сел обедать они подошли к столу и явно ожидали от меня приглашения разделить с ними скромную еду, а некоторые даже забрались на мои плечи.

Все это явилось ко мне в сновидениях, возможно, кто-то и приходил, но я спал слишком крепко и не мог ничего видеть наяву. Утром вставать было неприятно. Жестокий ледяной холод проникал через все окна и двери. «Замок», очевидно, был построен только для летнего времени и сейчас в нем было очень холодно. Вершины гор на другой стороне реки уже были покрыты свежес выпавшим снегом.

Впереди были семь дней пути по плохой дороге прямо к Астору через страну с хорошей растительностью. В каменных стенках, огораживающих поля, местами были установлены постаменты с фигурами индийских богов. Экспедиция Форсайта описывает их здесь и они есть на фотографиях экспедиции де Филиппи. Франке считает их буддистскими памятниками.

Долина реки Драс хорошо орошается многочисленными потоками и ручьями, питаемыми источниками на горных склонах, растительность здесь гораздо богаче и разнообразнее, чем в долине Суммы. Дорога проходила мимо руин старой крепости, через приток реки Драс по хорошему деревянному

мосту и спускалась в глубокий овраг, на дне которого река текла как будто по прорытому в скалах каналу. Потом дорога снова поднимается вверх и идет вдоль скалистых отрогов, заходит в ущелье с довольно неприятными карнизами и снова спускается на дно долины.

Появились заросли ползучего можжевельника и покрытые кустарниками острова на реке. В боковых притоках и ущельях я наблюдал старые морены, высоко среди покрытых снегом вершин залегали ледники. Дорога в тени промерзала.

Здесь я встретил миссионера — преподобного доктора Куинга. Он ехал на том самом каштановом рысаке, сбросившим меня в Кашгаре, и чуть не оставившим калекой на всю жизнь.

ГЛАВА XIII. Конец пути

Через несколько километров мы оставили долину Драс и поднялись по легкому подъему на небольшой хребет, и достигли бунгало и *караван-сарая* на холме в местности под названием Машаи. Мы тут определенно были в более высоком альпийском регионе, и граница окружающей нас растительности напоминала район пиков Монте Дженеросо или Мон Пилатус в Швейцарии. К югу от бунгало виднелись снежные вершины дальнего хребта, а ледник и снежники сползали оттуда по крутому ущелью, проходящему рядом с бунгало. Ниже бунгало стояли два больших в швейцарском стиле двухэтажных дома и одно небольшое строение. Эти дома были зимними квартирами телеграфиста и лиц, отвечающих за дороги. Вокруг все голо и пустынно. К северу поднимался крутой утес, откуда в долину стекали потоки и резко вздымалась крутая гора с зубчатой вершиной, выделяющаяся на фоне неба. Ледник находился недалеко от бунгало и был довольно доступен.

Весной, когда альпийские луга расцветают, здесь, должно быть, приятное место. Наступил вечер. Издалека доносился рев реки Драс. Поднялся холодный ветер и завыл в дымоходе. Я вздрогнул, придвинулся ближе к пылающему огню и думал о завтрашнем дне. Завтра мы покидаем эти неприветливые высоты, плато, карнизы, и спускаемся в долину Кашмира через перевал известный с древности под названиями Зои-ла, Зоджи-ла, или Зои-Джал.

Мы должны проехать только двадцать семь километров до Сонамарга, который находится в лесной зоне Кашмира. Завтра я ожидаю полной перемены природы, растительности и климата. Сильное утешение мне приносили мысли о том, что я у цели своих скитаний, что я достиг долины Кашмира, о которой так много читал и думал с самых моих юных лет, и вот я достиг наконец ее, через пять лет после той холодной январской ночи 1919 года, когда бежал из моего родного города Ташкента [\[38\]](#). Время, затраченное мною в пути сравнимо с временем Марко Поло, и средства передвижения я использовал те же — пешком и на спинах лошадей и яков.

На следующий день после короткого перехода в двадцать семь километров перед моими глазами развернулась картина, которая превзошла все мои ожидания. Каменистые берега реки с плохой тропой остались позади и мы подъезжали к живописному холму, на вершине которого виднелось бунгало. Здесь долина расширяется, образуя открытое пространство, наклоненное вправо и покрытое дерном, где встречаются три потока, образующие верховья реки Драс. На левой стороне дороги стояла телеграфная станция, довольно приятного внешнего вида, построенная из плитчатого сланца различного цвета с деревянным обрамлением. День был солнечный, воздух свежий, дул ветерок — мягкий и ароматный. Все вокруг выглядело совсем по-весеннему. Кое-где у подножья холмов лежали широкие пятна подтаявшего снега, местами

превращенного в лужи. Наши лошади ступали осторожно, зная по опыту, что можно всегда провалиться на ровном месте. На солнечной стороне зеленела свежая трава, блестели золотые лютики. На дальней стороне виднелась целая роща чахлых берез (*Betula bhojputra*, Wall), уже сбросивших свои листья. Слева небольшой, но живописный водопад падал из узкой щели, образуя ниже небольшую речушку. И, наверное, стоит сказать, что все это было на высоте 3700 метров и мы пересекали хребты Гималаев. Для любой горной долины в Шотландии или в предгорьях Урала такая осенняя картина была бы обычной и в этой прекрасной и впечатляющей панораме не было бы ничего особенного. Но мы стояли на вершине хребта Заскар, огибающего южную окраину нагорья Деосай в Балтистане. Долина Кашмира пересекает этот хребет и он продолжается за ее пределами уже Нанга Парбатом, достигающим высот более 8000 метров. Эти же горы простираются к северу от плодородных долин Свата и Бажура.

Мы перешли на левый берег небольшого ручья, поднялись вверх и по снежнику вернулись снова на правую сторону. Здесь я заметил, что вода, которая в нескольких метрах ранее текла на восток, теперь стекала на запад. Таким незаметным был водораздел, разделяющий большие бассейны рек Инда и Синда. Небольшой ручей, который мы только что пересекли дважды, был истоком реки Синда.

Небольшая лощина быстро углублялась. На правой стороне росли чахлые березы. После крутого поворота перед нами открылась картина бездонных пропастей. У меня даже перехватило дыхание от того, что увидели мои глаза. Лощина внезапно обрывалась в бездну, из которой поднимались огромные скалы под самые небеса. Глинистые склоны сменились темными глинистыми сланцами, рассеченными вертикальными трещинами. Узкие карнизы тропы поддерживались выложенными человеческими руками

подпорками, просто висящими над бездной. Опасная тропа, еще больше сужаясь, пересекала утесы зигзагами и проходила под низко нависающими скалами, так, что высокий всадник едва проезжал под ними. Тропа, то круто поднималась по страшным скалам вверх, то вдруг спускалась глубоко вниз. Нервы напряжены и в каждый момент вы чувствуете, что можете потерять равновесие и сорваться. Слева, как белая траурная лента по черному боку скалы, стекала полоска снега. Думаю, что любые сравнения подходят к этому грандиозному величию. Когда, наконец, вы достигаете вершины скалы, где тропа вместе с карнизом, кажется, срывается в пропасть, ущелье еще раз делает поворот направо... и обрывается перед удивительной картиной! Вы стоите над бездной. Справа, слева и впереди только пустота. Далеко, далеко внизу лежит долина Кашмира, с ее ручьями и реками, холмами, покрытыми сосновыми лесами, снежными вершинами, изломанными контурами скалистых гребней с серебряными полосами ледников. Неописуемая панорама. У меня перехватило дыхание. По вертикальной поверхности скалы, вьется тропа на едва различимом карнизе. И снова появляется чувство страха от этой головокружительной высоты, от узкой тропы и ее бесконечности. Мрачная и угрюмая скала, изгибаясь широким полумесяцем, исчезает в пропасти. Таким был наш путь в прекрасную долину Кашмира.

Я спешил и пошел по этой головокружительной тропе, отчасти потому, что у меня не было достаточной уверенности в моей лошади, которая иногда дергалась, если какой-нибудь зверек или птица неожиданно появлялись под ногами, и была нерешительна в опасных местах. Это могло для нас обоих закончиться падением с высоты пятисот метров в воды Кашмира.

Наконец закончились эти ужасные скалы, мы вошли в растительную зону, и оказались среди другой, поразительно

непохожей природы, преимущественно представленной южной флорой. Здесь по-прежнему было еще лето, цвели цветы и зрели ягоды. Чем ниже мы опускались, тем более пышной и разнообразной становилась растительная жизнь с ее зелеными травами и кустарниками, покрывающими всю поверхность гор. Такой картиной мои глаза не наслаждались в течение нескольких лет.

Среди скал росли шалфей, герань луговая с великолепными крупными цветами. Влажные луга были покрыты толстым ковром синих незабудок, кое-где поднимались цветы водосбора (*Aquilegia vulgaris*) и горечавки (*G. marginata*, Grisel.). Почва холмов поросла степными травами (*Stipa sibirica*). Но больше всего привела меня в восторг выглядывающая среди камней темно-красная клубника. Она не была похожа на землянику наших европейских лесов и была почти настоящей садовой, сладкой и ароматной (*Muscadel strawberry*), что растет в предгорьях Урала — восхитительная ягода, очень редко встречающаяся в садах. Я собрал немного цветов, засушил их и послал этот маленький букетик с высоких Гималаев моей семье в далекую Россию. Впоследствии я узнал, что они их не получили.

Нам встретился караван кашгарских сартов, возвращающихся домой из Мекки после исполнения хаджа. Среди них была одна женщина, завернутая с головы до ног. После вежливых и дружеских приветствий со стороны тибетцев и индийцев, кашгарцы угрюмо проследовали мимо, оставив плохое впечатление.

К полдню мы добрались до бунгало в долине под названием Балтал, но проехали его без остановки. Наш путь проходил по лесной зоне, среди голых деревьев и сосен с длинными мягкими иглами, то зелеными полями, покрытыми ковылем, иногда мы следовали по берегам потоков. Сосны росли на обоих берегах. В голове ложбины поднималась массивная

известняковая гора с вертикальными, словно отполированными скалами.

Густой лес, сосны и ели, кустарники и обильные травы, смородина росли по берегам рек. Все красноречиво говорило, что здесь другая страна и другой климат, очень отличные от Центральной Азии. Все напомнило мне, скорее, южный Урал, но никак не Туркестан. Чем ниже мы спускались вниз, тем растительность становилась все более разнообразной и обильной.

Долина расширилась, и неожиданно мы пришли к селению с деревянными домами, стоящими на высоком берегу реки. Я протер глаза и почувствовал себя снова в России! Только дома были странной конструкции, с крутыми, высокими деревянными крышами. Повернув направо, мы по узкому деревянному мосту пересекли Синд, немного поднялись, и остановились у подножия холма, покрытого соснами, елями и густыми травами. На противоположной стороне реки поднималась высокая известняковая скала, причудливо изрезанная расщелинами, промоинами и впадинами. Черные вороны, не центральноазиатские, а незнакомого нам вида, летали над головой.

Во дворе меня ожидал приятный сюрприз. Стояли лошади с английскими седлами и двое местных служащих, один светлый, другой черный. На веранде обедали две дамы, в городских платьях и шляпах. Пока я приводил себя в порядок, брился и умывался, индийский телеграфист принес мне телеграмму от господина Скрина из Гилгита, в которой сообщал мне, что здесь остановились две американские леди на пути в Балтал, так как перевал Зоджи-ла будет закрыт в течение двух недель. После выпавшего снега проход невозможен и необходимо дожидаться сильных зимних морозов. И, когда реки перемерзают, дорога проходит ущельями по замерзшим руслам. Я представил, какое это должно быть приключение

подниматься по льду на перевал в середине зимы! Дамы пообедали и повар, как мне показалось по их рекомендации, приготовил для меня немного огурцов и сладкого картофеля — настоящую ценность в моей скромной еде.

Сюда на Сонамарг летом часто приходят отдыхающие из Шринагара. И на самом деле вся дорога от Балтала в Шринагар по долине Синда чрезвычайно интересная и живописная.

Здесь, внизу, бунгало не так хорошо ухожены, как в Тибете, и везде в селах много мусора и грязи.

Утром прежде, чем мы оставили Сонамарг, что-то пошло не так с моей лошастью. Она казалась больной и измученной. Небольшая царапина, которую лошадь получила еще в Кашгаре, вдруг воспалилась. Я поставил ей горячий компресс, а сам пересел на гнедого тибетского пони. У него были сильные ноги и он нес меня легко, несмотря на мои восемьдесят килограммов.

Дорога была живописной. К югу поднимался величественный хребет, среди скалистых пиков которого сверкали ледники. Горы были покрыты густым сосновым лесом. Ниже преобладали лиственные деревья: береза, орех (*Juglans regia*), клен, яблони и каштан (*Castanea vesca*), высокое растение с ярко-оранжевыми ягодами и какой-то кустарник, совершенно неизвестные для меня.

Около пяти километров дорога шла по лесу вдоль берега Синда, который пенится и скачет среди скал, иногда мы поднимались высоко, обходя выступающие утесы. Густая лесная растительность была новой и интересной для меня. Все кипело обильной жизнью, как в лесах влажных стран. Контраст был потрясающим в сравнении с жалкой растительностью равнин Кашгара, где все — почва, древесина, и даже листья насыщены солью. Дорога была покрыта сланцами с очень опасными острыми краями для ног лошадей. Долина расширилась, стало

меньше сосен, возвышались отдельные огромные ореховые деревья, пространство между которыми занимали кусты *Caragana*[\[39\]](#).

С камня на камень в реке перелетали кашмирские оляпки (*Cinclus cashmiriensis*), того же вида, что мы имеем в Туркестане и горных потоках южного Урала.

Появились возделанные поля, окруженные каменными стенами. На них работали люди на черных буйволах и больших белых зебу, типичных индийских домашних животных, сразу говорящих мне в какой стране я нахожусь.

На полянах между деревьями стояли копны сена, заготовленные для корма животным в зимнее время. Кусты орешника, дикой смородины, крыжовника росли по берегам реки. Из деревьев было много вязов и ивы, и, кажется, здесь представлен и *Ailanthus*[\[40\]](#).

Мы проехали через деревню, построенную вперемешку из деревянных и каменных домов, ужасно грязных и дымных. Очевидно, здесь дома отапливались открытым огнем, даже у детей были закопченными лица. Все это очень походило на русскую деревню. Переехав реку по мосту, мы продолжили путь вдоль подножья холмов, мимо полей, которыми занята вся нижняя часть долины. Основная культура здесь — кукуруза.

В следующей деревне, расположившейся в тени огромных деревьев, были любопытные постройки на сваях, напоминающие «избушки на курьих ножках» из русских сказок. Ими оказались амбары. В одном из дворов местные жители обмолачивали зерно испытанным старорусским способом — цепями. Я с удивлением увидел, что зерном была гречиха (*Fagopyrum esculentum*) — любимая еда в Центральной и Северной России. Гречневые каша и хорошо известные по литературе блины — незаменимые блюда на празднике Масленицы перед Великим постом. Удивительно, но здесь, в долине Синда, на пороге Кашмира, я увидел три вещи

характерные для нашей русской традиции: «избушку на курьих ножках», нашу любимую гречку и еще, не могу не отметить нашей «Жар-птицы» из русских сказок, в которой я безусловно вижу гималайского монала, один из его видов (*Lophophorus impejanus*) — выходец из Кашмира. Вряд ли какая другая птица в мире может более подходить к названию «Жар-птица». Оперение *Lophophorus* имеет пылающий металлический блеск, светящийся, как раскаленный уголь, на груди и шее птицы. Фольклористы утверждают, что это и есть оригинал «Жар-птицы» наших мифов. Сказка о том, как после страшных опасностей отважный Иван Царевич или Иванушка-Дурачок на «Коньке-горбунке», проехал через двадцать девять стран в тридцатое царство, чтобы добыть прекрасную «Жар-птицу».

Эти старые мифы, если искать ключ к их разгадке, очень похожи на правду. Разве они не показывают, что народная память жителей равнин Восточной Европы в сказках сохранила их походы на заре истории в долины Кашмира через Бухару, Бадахшан и Гиндукуш? Конечно, «Конек-горбунок» был верблюдом, а «Жар-птица», несомненно, гималайским моналом.

За деревней дорога поднималась все выше и выше. Долина сузилась и перешла в скалистое ущелье. Дорога пошла по карнизу, высеченному в скале, но достаточной ширины и огражденному перилами. Если бы все карнизы были такими же на пути от Кок Яра в Шринагар! Потом тропа с легким уклоном спускается обратно в долину. Поток течет в Синд. Правый берег занят орошаемыми полями и плантациями местной деревни, которая почти полностью скрыта под огромными ореховыми деревьями.

В деревне Ганд-Гаданджир мы заехали во двор небольшого бунгало, населенного мышами и миллионами мух. Между бунгало и рекой стояли три огромные орешины, а на дальней стороне поднимался холм, полностью покрытый хвойным

лесом. Выше росли лиственные деревья, золотые осенние оттенки которых эффективно выделялись на зеленом фоне сосен и елей. Днями раньше я видел деревья уже потерявшими свою листву, но здесь, в нижней долине, они только готовились к первым осенним заморозкам. Нам сказали, что в этих лесах было много оленей и кабанов.

Наш тибетский караван остановился в тени огромного ореха. Стоянка имела хороший вид. Маленькие лошади, тибетцы, молча готовящие чай-отвар, вокруг лагерного огня аккуратно разложенные вьюки, две большие тибетские собаки, лежащие рядом со своими хозяевами и охраняющие их от любых посторонних на этой чужой земле.

По дороге мы встретили двух колоритных кашмирцев на стройных высоких лошадях и караван паломников, возвращающихся из Мекки, среди которых я узнал несколько сартов, знакомых мне по Кашгару. Они были рады увидеть меня и остановились для беседы. Они были в Индии впервые, и я услышал от них о чудесах, которые они там видели.

Моя лошадь почувствовала себя плохо. Она едва могла идти, и в конечном итоге легла, повернувшись на бок, бессильно опустив голову на землю. Я подложил под нее ворох соломы и набросил сверху толстую ткань. Вечер прошел тревожно. В любой момент я ожидал смерти животного. Я несколько раз выходил среди ночи взглянуть на нее, но лошадь была в том же состоянии. Рано утром она стояла на ногах, и заржала, увидев меня. Я приказал дать ей немного воды и сено, и она сразу начала есть. Еда пошла ей на пользу, и она выглядела после нее еще лучше. Наверное, животное съело какую-то траву, которая растет на Сонамарге, не совсем ядовитую, но имеющую временный опьяняющий эффект. Местные лошади знают ее и избегают. Такое уже случалось с нашими несчастными лошадьми на этой ужасной дороге из Яркенда в Шринагар.

В этот день я решил не ехать на своей лошади. Испытав две или три тибетские лошадки, я нашел подходящую, способную везти меня. Было яркое свежее утро. Мы ехали все время через поля, многочисленные деревни, мимо больших деревьев грецкого ореха, на которых достаточно часто росли большие скопления омелы, и здесь я увидел два дерева, знакомые мне по Туркестану — шелковицу белую (*Morus albus*) и железное дерево или каркас южный (*Celtis australis*).

Приятный щебет и трели раздавались из кустов, хотя уже была поздняя осень. У одного дома, расположенного рядом с дорогой и украшенного арабесками, росли огромные старые платаны. Деревни и отдельные дома стали встречаться часто. В одной из деревень, спрятанной среди тенистых деревьев, была интересная торговая лавка, такая маленькая, в которой хозяин сидел внутри, а редкие покупатели оставались снаружи. Продавец, опасаясь магазинных воров, сидел очень высоко над прилавком.

Местные жители произвели на меня странное впечатление. Как мне показалось, они были не совсем цыгане и не совсем персы. Элегантно завернутые в тоги, с сандалиями, одетыми на голую ногу, они напоминали мне скорее евангелистов и святых из наших икон. Свои обширные хорошо возделанные рисовые поля они обрабатывали с помощью буйволов.

Дальнейший путь проходил широкой долиной, в которой, как в настоящем лесу, было много деревьев. Около полудня за деревянным забором мы увидели хорошенькое каменное бунгало. Это место называлось Канган.

Здесь меня ожидал приятный сюрприз. В конце длинной веранды сидела дама. Рядом с ней, как мне показалось, был молодой человек с винтовкой в руках. Женщина приветствовала меня и я, осмелев, поднялся вверх, и, подойдя ближе, к моему удивлению, обнаружил, что тот, кого я принимал за молодого человека, оказался тоже девушкой. Миссис и мисс А. были

американками. Они путешествовали по Индии уже два года и теперь прибыли в Кашмир, привлеченные его красотой и интересной охотой. Дамы пригласили меня присоединиться к ним на обед, и я с удовольствием согласился и провел пару часов в их приятном обществе. Мисс А. очень скоро показала свои познания во всем, что мы обсуждали: в оружии, охоте и лошадях. Она очень заинтересовалась моей лошадью, и сразу заметила некоторые характерные особенности наших среднеазиатских пород.

Это случайное знакомство с двумя очаровательными американками произвела на меня большое впечатление. Наверное, в мире только англо-саксонские женщины способны самостоятельно совершить подобную поездку в далекую страну, с самыми серьезными охотничьими намерениями, не теряя своего женского очарования. Они дали мне несколько интересных газет, которые я прочитал в этот же вечер.

Следующий день был моим последним переходом в Шринагар. Сначала характер долины оставался тем же, но дальше, когда мы прошли через ледниковые валунные отложения, долина расширилась, и открылся вид на широкую равнину Шринагара, окруженную высокими гребнями гор. Казалось, что вся долина была покрыта лесом. Свинцовые тучи висели над далекими горами.

Мы пересекли Синд по подвесному мосту, и вышли на дорогу, обсаженную огромными деревьями. Она была широкой, пригодной для автомобильного движения. По ней двигалось много людей на лошадях и пешех, везли грузы, маленькие киоски и ларьки стояли по обочине, как у нас в Центральной Азии. Высокие ивы, стоящие у дороги, арыки и рисовые поля, только не разделенные на маленькие квадраты как у нас, напомнили мне о доме. Но здесь нет пыльного лёсса, так характерного для засушливого климата Центральной Азии,

и дома строятся из камня или кирпича и крыши у них не плоские, а круто наклоненные, покрытые травой или камышом.

Выделяясь от остальной растительности высотой сторожевых башен, поднимались огромные колонны платанов, создавая тень, в которой не менее ста человек могли бы отдохнуть. Их листва приобрела розовый оттенок под дыханием первых осенних бризов. Местные жители нажигали здесь древесный уголь.

Склоны предгорий покрыты кустарником и каждый не обработанный участок земли покрыт плотным ковром ирисов. Какая сказочная картина открывается здесь весной, когда ирисы находятся в полном цвету!

Мы прибыли в последнее бунгало по дороге из деревни Гандарбал. Совершенно неожиданно меня здесь ожидал автомобиль, посланный из Шринагара господином Скрин. Какой заботливый друг!

Господин и госпожа Скрин уже прибыли из Кашгара по военной дороге через Гилгит, которая короче и проще, чем тибетский маршрут, но, конечно, значительно менее интересна.

Итак, последним населенным пунктом был Гандарбар, который я видел в конце моей долгой поездки из Кашгара и шестилетней Одиссеи из Ташкента в Индию.

Автомобиль вез меня сначала через поля, а затем мимо огороженных садов и огородов, высоких холмов, увенчанных старыми крепостями, местными предместьями с узкими извилистыми переулками, маленькими магазинами, кирпичными домами в два или три этажа и окнами с железными решетками вместо стекол, с крутыми крышами без фронтонов. Повсюду своеобразная и живописная неряшливость и грязь, так характерные для Востока. Высокие дома из красного кирпича, балконы, причудливые жалюзи, резко крутые крыши отличают местную архитектуру Шринагара от городов Средней Азии, с их низкими домами из кирпича-сырца, плоскими

крышами, и слепыми без окон стенами. Всюду был электрический свет и, несомненно, был довольно дешевым, так как я видел горящие лампы во всех магазинах. Я видел часто водопроводные краны. Это означало, что здесь есть водопровод!

Какой контраст с Ташкентом и Самаркандом! И по сей день нет никакого общественного водоснабжения во всех городах Туркестана. Тридцать лет «Отцы города» Ташкента обсуждали и обсуждают наиболее удобную и экономическую форму водоснабжения, но вопрос не вышел за пределы стадии разговоров. В Самарканде, который имел водопровод в седьмом веке, как свидетельствуют арабские географы, в двадцатом веке жители пьют воду из грязных оросительных каналов.

Пока такие мысли приходили мне в голову, автомобиль въехал в европейский квартал города. Я увидел городской сад, прекрасно продуманный и очаровательный. Длинные аллеи красивых деревьев, обширные игровые поля, покрытые дерном, цветники, виллы. Автомобиль въехал в ворота средневекового замка резиденции дома представителя Британского правительства. Внутри — сад на холме, весь заполненный тропическими растениями со старым индуистским храмом на вершине и целым морем великолепных хризантем всевозможных цветов и расцветок. Совсем не похоже на оголенную гору Тахт-и-Сулейман в Оше.

Венеция Востока была для меня в радость. Очаровательные виды, большие старые сады, европейский комфорт, озера, река Джелам, каналы, плавучие дома, в одном из которых я получил свою обитель. Здесь я увидел древнюю своеобразную удивительную землю Востока, изобилие природы и плоды английского колониализма, принесшего в эту замечательную долину Гималаев порядок и комфорт европейской цивилизации, ее манеры и обычаи.

Когда я после длительных мучений вырвался из кладбищенского мрака Туркестанской Советской Социалистической Республики и достиг «буржуйского» города Кашгара, мне казалось, что я пробудился после долгого и кошмарного сна.

Шринагар, после средневековой жизни Кашгара и пустынь Средней Азии, высот Каракорума, ущелий и пропастей Гималаев, показался мне слишком хорошим. Так и было на самом деле. Моя мечта исполнилась. Мне трудно было поверить, что я нахожусь здесь.

Сразу после приезда я получил приглашение на чай от леди Вуд, жены британского служащего. И как только я вошел в красиво обставленную комнату, украшенную цветами, мои глаза замерли на предмете, который напомнил мой родной дом... серебряном самоваре из России!

Когда я сидел за чайным столом с мистером и миссис Скрин, и наша хозяйка разливала чай, я чувствовал себя подобно герою нашей старой русской народной сказки, когда он после многих лет страданий, блуждая в дальних землях, наконец, насладился изобильным гостеприимством принцессы Индии!

Заключение

Когда я мысленно вновь прохожу огромные расстояния по горам и обширным равнинам Азии, от южного Урала до долин Кашмира, я не могу удержаться, чтобы не пофилософствовать. Ученым это хорошо знакомо.

Основные вопросы, на которые я пытаюсь ответить, заключаются в следующем:

Как и где фауна и флора северных земель сменяется на субтропическую?

Где проходит этнографическая граница?

Каковы различия в характеристике гор, расположенных к северу и югу от гигантских высот, которые отделяют северные равнины Туркестана от южного Пенджаба?

Лесистые Уральские горы переходят в плодородные, волнистые степи Зауралья и Западной Сибири. На юге степи сменяются полупустынями и пустынями Туркестана. Этот широкий пояс степей и пустынь разделяет северные и южные природные зоны и делит два различных этнических мира. Древние исседоны^[1] Урала — финские племена башкиров, тептяров и чувашей, отделены степным поясом от арийских племен, персидского типа, которые населяют горы и частично предгорья Туркестана.

Конечно, я полностью исключаю русский элемент, проникновение которого в Центральную Азию началось менее века назад, и рассматриваю только этносы, существующие с древних времен, до включения их стран в общее евроазиатское пространство.

Продвигаясь с севера через степи, путешественник попадает в Туркестане совершенно в другой мир, с другой природой и населением с иным образом жизни, своеобразной культурой, полностью отличающейся от всего, что он видел раньше, хотя

мусульманская религия та же и тот же язык джагатайского диалекта, что вполне приемлемо для уроженцев Урала. Степной пояс, разделяя два, совершенно различных типа оседлого населения, вмещает в себя свой собственный очень характерный народ — кочевых тюрков, с их древней и своеобразной культурой, оригинальным способом жизни и с одним из самых древних языков мира — скифским, современником греческого, латинского и, возможно, санскрита. Этот странствующий тюркский народ — потомки скифов — свободно перемещался по степям и равнинам Европы и Азии, свергая империи и образуя новые народы, оставлял следы своего влияния на жизнь, обычаи и кровь у населения огромных территорий.

Культура Туркестана, возникшая в пустынных предгорьях, благодаря искусственному орошению, уходит в глубокую древность и имеет сходство с культурой Персии и Северной Индии. Можно твердо сказать, что мир Индо-Персии соединяется в Ташкенте. Горная природа Центральной Азии остается почти неизменной на протяжении обширной территории. Здесь отмечается лишь небольшое различие в животном и растительном мире. Пустынные горы Алая и Заалайские хребты мало отличаются от Куэнь Луня. Долины Каратегина — *Vallis Commedarum* древних римлян, и памирский Бальджуан подобны верхнему Инду. Дарваз напоминает Балтистан, долины Верхнего Синда напоминают Юлдус и Нарын на Тянь-Шане. Общий тип жителей этих горных долин, так называемый арийский или древнеперсидский тип, модифицированный более или менее примесью тюркской крови, иногда сохраняет чистые черты *Homo Alpinus*.

Итак, мы видим, что не горные хребты, а широкая полоса степи образует заметную границу между природой и народами Индии и северных стран. Чисто тропическая природа Индии

начинается лишь при пересечении последнего гребня Гималаев в Кашмире на реке Джелам.

Туркестан, Персия и Северная Индия тесно связаны между собой. Степная зона Центральной Азии играет в их истории такую же роль, как морские просторы, разделяющие земли и культуры, и в то же время, соединяя их коммуникациями, торговлей, вторжениями и набегами.

Таинственный Тибет выделяется среди стран Центральной Азии, уединенный от остального мира непроходимыми громадами величайших в мире гор.

Названия Куэнь Лунь, Каракорум, Гималаи не должны провоцировать у читателей концепцию изолированных и оторванных друг от друга хребтов, таких как Апеннины, Гартц, Урал или Тянь-Шань. В то время как в горных системах Центральной Азии можно уверенно выделять отдельные хребты, например, Алай и другие, то разделение гор Высокой Азии на Куэнь Лунь, Каракорум, и Гималаи чисто условное. Это единый лабиринт хребтов, долин, ущелий и плато, которые совершенно невозможно разделить на составные части. Единственные резко определенные линии в них это долины больших рек, которые прорезают горный массив.

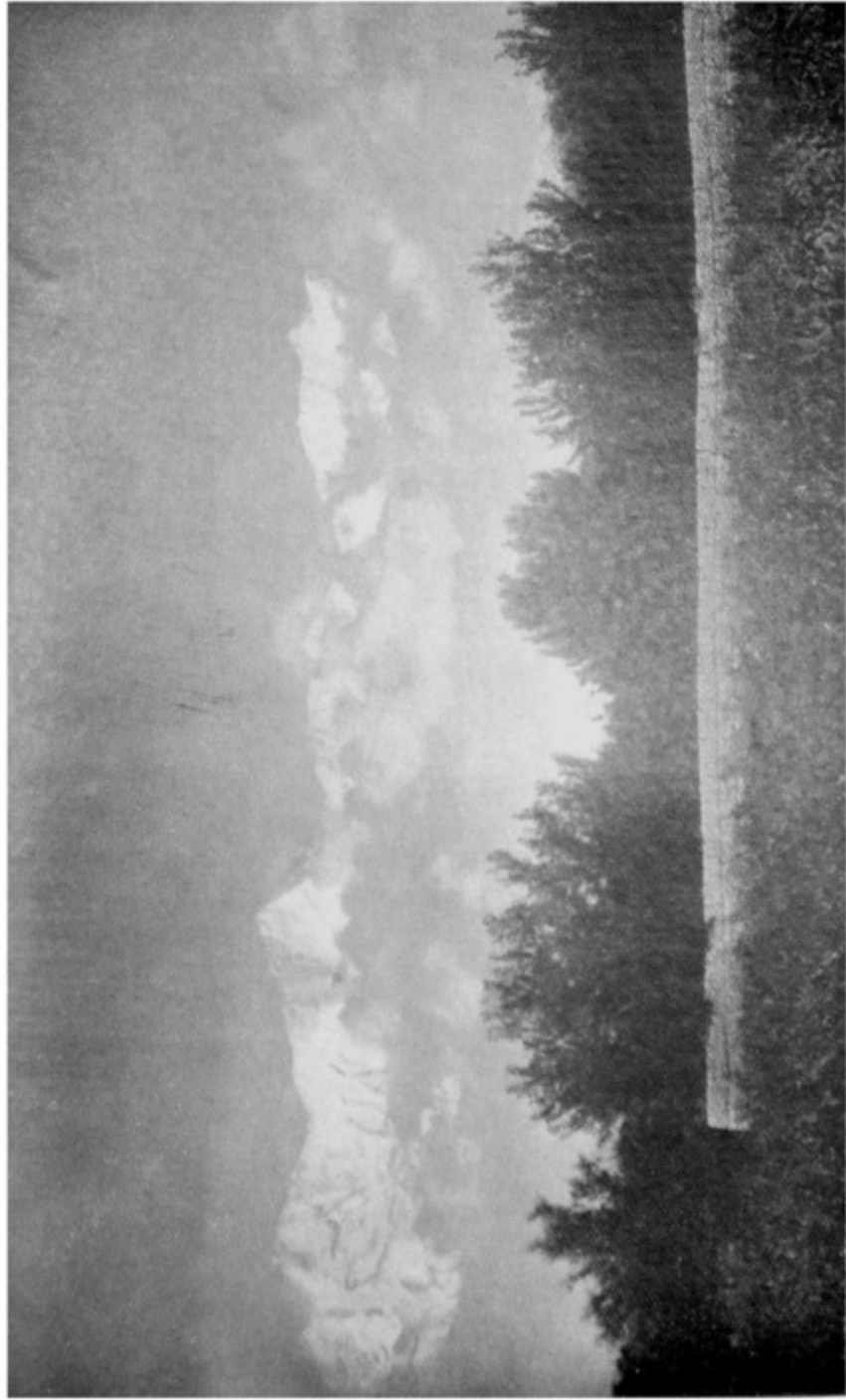
Наконец, я не могу воздержаться от комментариев по исторической «ошибке» знаменитого географа девятнадцатого века А. Гумбольдта. Как известно, он предложил существование меридионального хребта Центральной Азии, соединяющего системы Тянь-Шаня с Гималаями, которому он дал название Болор Даг. В конечном итоге было показано, что такого протяженного с севера на юг хребта не существует, и имя Болор Даг было совершенно неизвестно местным жителям! Этот «гипотетический» хребет исчез с географических карт, так же, как и вулканы Центральной Азии. Тем не менее, великий ученый был прав. Меридиональный хребет как поднятие в геологическом смысле не существует, но посмотрим

на орографию. Что такое гранитная цепь Чакраджил, в массивах Кунгура, Музтаг-Ата и их продолжений в южном направлении, где они сливаются с горами на Раскем-Дарье в хребте Куэнь-Лунь?

С равнин Кашгара эта гигантская стена, высотой в 5400—6000 метров хорошо видна, проходящая по меридиану и ограничивающая путь с востока на запад. Только в двух или трех местах узкими ущельями путешественники проникали через этот гребень из кашгарских равнин на плато Памира. На фотографиях, приложенных к работе К.П.Скрина, этот гребень четко показан во всех его деталях.[\[2\]](#)

Орографический термин «хребет» не содержит обязательного наличия тектонического влияния, он не обязательный признак оронима и ни в коем случае он не обязан своим существованием геологическим поднятиям или складчатости; он может существовать в скрытой форме и как геологическое образование может быть разрушен эрозией или находиться под молодыми отложениями, как меловые отложения скрывают единство Уральского хребта и Мугоджарских гор, преобразовав горы в волнистую степь.

Было бы справедливым на картах Центральной Азии восстановить меридиональный хребет и назвать гранитную цепь Чакраджил-Кунгур-Музтаг-Ата именем великого географа Александра Гумбольдта!

Часть хребта Чакралжил - Кунгур - Музтаг-Ата. Вид с долины реки Гез к югу от Токур Ака, Кашгария

- [1] Иероним Стридонский (342—420) — церковный писатель, создатель канонического латинского текста Библии.
- [2] Адольф Шлагинтвейт (1829—1857) — немецкий путешественник.
- [3] Татарами в конце XIX — начале XX вв. называли разные тюркоязычные народы.
- [4] После падения Цинской династии — последней императорской династии Китая, в 1912 году была образована Китайская Республика.
- [5] Куропаткин находился в Кашгаре в 1876 году. Но еще в 1858 г. российское правительство под видом купца направляло в Кашгар Ч. Валиханова, который собрал там богатый материал историко-культурного, этнографического и политического характера.
- [6] Кавказская раса — термин, введенный немецким антропологом Фридрихом Блуменбахом в XVIII веке, отнесший к ней жителей Европы. В современной антропологической литературе термин считается устаревшим.
- [7] «Лалла-Рук» — восточная романическая повесть в стихах и прозе, сочиненная в 1817 году англо-ирландским поэтом Томасом Муром и имевшая большой успех в Европе.
- [8] Сартами в Туркестане до начала XX века называли местное население, занятое торговлей, ремесленничеством или земледелием.
- [9] Местные деньги (Синьцзянские юани В.П.), которые стоили в то время около 2 фунтов стерлингов и 3 пенни. (Прим. Павла Назарова).
- [10] Китайские двухколесные экипажи.
- [11] Имеется ввиду I-я мировая война.
- [12] Туркестанская Автономная Советская Социалистическая (ТАССР) — советское государственное образование на территории Западного (Русского) Туркестана в составе РСФСР. Провозглашена 5-м Всетуркестанским съездом Советов

30 апреля 1918 г. ТАССР была ликвидирована 27 октября 1924 г. в связи с проведением национально-государственного размежевания советских республик Средней Азии.

[13] Ахун (тюрк.) —

[14] Кемаль Паша, Гази Мустафа, Ататюрк (1880—1938) — выдающийся турецкий политический и государственный деятель, основатель Турецкой республики.

[15] Фа Сян — китайский буддийский монах, путешественник и писатель (4—5 вв.), автор одного из самых ранних и самых ценных китайских описаний Индии.

[16] Термин «Хан Хай» был применен российским геологом Обручевым, чтобы выделить эти отложения, не имеющие никакой связи с пустыней, от других отложений бассейна Тарим. (Прим. Павла Назарова).

[17] Emil Trinkler. The stormswept roof of Asia, 1930.

[18] Согласно китайским источникам, Юэчжи жили в Центральной Азии в северных отрогах гор Тянь-Шаня.

Лингвистический анализ китайских форм этнонима Юэчжи дает нам предполагаемые формы на праалтайском языке, которые имеют параллели в текстах Геродота, Страбона и Плиния Старшего. Можно утверждать, что часть племен Юэчжи имеют единый процесс генезиса с кыргызами. Абдысадыр уулу Азат, 2014 г.

[19] Байкент означает город купцов, измененный позже на Пайкент. «Кент», иногда произносится канд означает город; ср Ташкент, Самарканд и т. д. (Прим. Павла Назарова).

[20] Потомки бывших правителей Восточного Туркестана.

[21] В Коканде титул куш-беги давался начальнику трех тысячного отряда.

[22] Тахир (араб.) -чистый, святой, безгрешный. Уважительное обращение, принятое на востоке.

[23] Sic transit gloria mundi! (лат.) Так проходит мирская слава!

- [24] Скрайн «Китайская Центральная Азия» Молодая гвардия, 1935.
- [25] В древнегреческом календаре «календ» не было, отсюда и выражение «до греческих календ», что соответствует сегодняшнему «когда рак на горе свистнет».
- [26] Гу Вэйцзюнь (1888 — 1985) — известный китайский дипломат и политический деятель. В ноябре 1921 г. представлял Китай на Вашингтонской конференции.
- [27] Мелкие кусочки баранины, вырезанные из нежного мяса, чередующиеся с кусочками жира, нанизанные на шампур и жаренные на дровах или углях, блюдо подходит для царского стола. (Прим. Павла Назарова).
- [28] *Piece de resistance* (фр.) — гвоздь программы.
- [29] Брайан Хьютон Ходжсон (1800—1894) — английский этнолог, востоковед и натуралист.
- [30] Пантагенеты — известная английская королевская династия, получившая это прозвище благодаря отцу Генриха II, Готфриду Анжуйскому, который имел привычку носить на шлеме веточку *Planta genista*.
- [31] *Auto-da-fe* (исп.) — сожжение.
- [32] Род вымерших ископаемых древоподобных растений, существовавших в каменноугольном периоде и составляющих часть флоры угольных лесов.
- [33] Третичный период — первый период кайнозойской эры, длившийся от 65 до 2 млн. лет назад. Эоцен — геологическая эпоха третичного периода. Начался 56,0 и закончился 33,9 млн. лет назад.
- [34] С похода русов на Константинополь в 860 году некоторыми историками ведется отсчет начала русской государственности.
- [35] Одна из подрас арийской Кавказской расы, выделяемая антропологами конца 19-го начала 20-го века.
- [36] Боксерское восстание (1899 — 1901) — народное восстание против иностранного засилья в Китае.

[37] *Donna e mobile* (ит.) — женщина непостоянна.

- [1] Cf. Geological Magazine, LXVIII, October 1931. (Прим. Павла Назарова).
- [2] Мохаммад Вали-хан — министр иностранных дел Афганистана в 1922–24 годах, чрезвычайный посол Афганистана в Советской республике в 1919 году.
- [3] Алексат Павел Карлович (1868 — 1913) — минералог, хранитель Минералогического кабинета и старший ассистент кафедры минералогии Московского университета.
- [4] Tout passé, tout casse, tout lasse (фр.) — Ничто не вечно под луной.
- [5] *Махараджа* — высший титул владетельных особ в Индии. Его носили некоторые правители, принявшие его сами или получившие титул от британского правительства.
- [6] По-видимому, речь идет о цинномориуме (*Cinomorium*) — многолетнем травянистом растении-паразите, хозяевами которого являются корни селитрянок.
- [7] Антропологический тип в составе европеодной расы.
- [8] См. С. Р. Skrine, Chinese Central Asia, p. 22. (Примечание Павла Назарова).
- [9] См. мою статью «Kuh-i-Sim, The Treasure of Turkestan,» Blackwood's Magazine, August 1929. (Примечание Павла Назарова).
- [10] *Боврил* — жидкая говядина, густая соленая мясная вытяжка, изобретенная в 1870-х годах канадцем Джоном Лоусоном.
- [11] *Via Dolorosa* (лат.) — Крестный путь, Дорога скорби — дорога, по которой Иисус Христос прошел от места приговора к казни до Голгофы.
- [12] *Trans-Himalayas*, by Sven Hedin, ii. 245 (Прим. Павла Назарова).
- [13] Заголовок стихотворения
- [14] *Депсанг* перевал из Ладака на плато Каракорум.
- [15] *Сассер-ла* перевал из Ладака по долине р. Нубра в долину р. Шайока, высокий (5411 м), но более простой путь, чем

Каракорумский перевал.

[16] Пуна — горное плато в Южной Америке между Западными и Средними Кордильерами.

[17] Soroche (исп.) — так называется горная болезнь перуанцами.

[18] Этноним «бхути» различными авторами трактуется по-разному. В индийских источниках термины «бхоти» и «бхутия» нередко означают вообще тибетцев.

[19] Бут (санскрит) — идол, икона.

[20] Чортен — ступа (в тибетском буддизме), святыня в виде купола, насыпи или часовенки со шпилем, символизирующая буддистское учение о мироустройстве. В ступах замуровывают реликвии или останки святых.

[21] Так англичане называют все низкорослые породы лошадей.

[22] See my Hunted through Central Asia, Blackwoods, 1932 (Примечание Павла Назарова).

[23] Bien-etre (фр.) — блаженное состояние.

[24] *Ex voto* (лат.) — приношение по обету.

[25] *Joie de vivre* (фр.) — радость жизни.

[26] Жилая постройка в тропических странах.

[27] Миссия протестантской Моравской церкви — одна из наиболее миссионерски активных церквей в мире.

Моравская церковь высылала большое число миссионеров во все части света. В Лехе она была основана в 1885 году.

[28] *Лингва франка* (итал. *lingua franca* — франкский язык) — язык, используемый как средство межэтнического общения в определенной сфере деятельности.

[29] Чола (санскрит Cola) — древняя царская династия в Индии, царствовавшая на полуострове Индостан в течение многих веков.

[30] Николай Александрович Нотович (1858-после 1916) — российский разведчик, писатель. В своей книге «Неизвестная жизнь Иисуса Христа» (более известной как «Тибетское Евангелие») рассказывает о жизни Иисуса до 30 лет в Индии.

- [31] *Ad libitum* (лат.) — по собственному усмотрению.
- [32] Кианг — вид млекопитающих семейства лошадиных, близкий родственник кулана, однако несколько крупнее и имеет большее сходство с лошастью. Встречается в Тибете и прилегающих регионах.
- [33] Американский канатоходец Жан Франсуа Гравле по прозвищу *Блондин* в 1859 году успешно преодолел Ниагарский водопад
- [34] Миссия протестантской Моравской церкви в Халасте (Халси) была организована в 1899 году.
- [35] *Tete-de-pont* (фр.) — во главе моста.
- [36] Ippolito Desideri; *An Account of Tibet, 1712–1727*, edited by Filippo de Filippi (Routledge). (Прим. Павла Назарова).
- [37] Винторогий козел — парнокопытное животное из рода горных козлов.
- [38] *Hunted through Central Asia*, 1932, p. 35 (Примечание Павла Назарова).
- [39] *Caragana* (лат.) — желтая акация.
- [40] *Ailanthus* (лат.) — айлант, китайский ясень.

[1] Исседоны (др. греч) — древний народ, обитавший в степях Южной Сибири и Урала.

[2] *Chinese Central Asia, by C. P. Skrine: Methuen* (Примечание Павла Назарова).